

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

2018 Том 1 № 1

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77 – 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Курылев К.П. — доктор исторических наук, профессор, РУДН, Россия, kuryljov@narod.ru

Заместитель главного редактора

Пархитыко Н.П. — кандидат исторических наук, доцент, РУДН, Россия, scharnchorst@mail.ru

Ответственный секретарь

Смолик Н.Г. — старший преподаватель, РУДН, Россия, nadian@list.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Республика Азербайджан

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Республика Армения

Достанко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, начальник Центра международных исследований факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии (Тбилиси), Грузия

Дешпанде Санджай, кандидат исторических наук, директор Центра евразийских исследований Университета Мумбаи, Республика Индия

Жолдасбекова Акбота Ниязовна, кандидат политических наук, декан Факультета международных отношений Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, профессор, Республика Казахстан

Бейбутова Рысбюю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Кыргызская Республика

Гуцин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры постсоветского зарубежья РГГУ, Россия

Мавлонова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, Россия

Сидоров Дмитрий Алексеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра евразийских исследований Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, Россия

Мансуров Умед Абдуфаттохович, доктор юридических наук, проректор по международным связям Российско-Таджикского (Славянского) университета, Республика Таджикистан

ЖУРНАЛ «ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»

Периодичность – 8 номеров в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

07.00.15 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

23.00.04 – Политические проблемы международных отношений и глобального и регионального развития (политические науки)

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки)

08.00.14 – Мировая Экономика (экономические науки)

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ», «Политические портреты». Журнал приветствует публикацию рецензий.

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”

2018 Vol.1 №1

Electronic journal

Ed. since 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications (Roskomnadzor)

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

Chief Editor

K.P. Kurylev – Doctor of History, Professor of RUDN University
kuryljov@narod.ru

Deputy Chief Editor

N.P. Parkhitko – PhD in History, Assistant Professor of RUDN University
scharnchorst@mail.ru

Executive Secretary

N.G. Smolik – senior lecturer of RUDN University
nadian@list.ru

EDITORIAL TEAM

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Republic of Azerbaijan

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Faculty of International Relations, Yerevan State University, Republic of Armenia

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Head of the Center for International Studies of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Republic of Belarus

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia (Tbilisi), Georgia

Deshpande Sandjay, PhD in History, Director of the Center for Eurasian Studies in the University of Mumbai, Republic of India

Zholdasbekova Akbota Niyazovna, PhD in Politics, Dean of the Faculty of International Relations of the L. N. Gumileva Eurasian National University, Professor, Republic of Kazakhstan

Beibutova Risbybyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Kyrgyz Republic

Gushin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Associate Professor of the Department of Post-Soviet Abroad, RSUH, Russia

Mavlonova Anna Sergeevna, PhD in History, Senior Lecturer, School of Oriental Studies, HSE, Russia

Sidorov Dmitry Alekseevich, PhD in Politics, Senior Researcher, Center for Eurasian Studies, Institute for Topical International Problems, Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Russia

Mansurov Umed Abdufattohovich, Doctor of Law, Vice-Rector for International Relations of the Russian-Tajik (Slavic) University, Republic of Tajikistan

JOURNAL “POST-SOVIET STUDIES”

Periodicity – 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

07.00.15 – History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

23.00.04 – Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

07.00.02 – National History (Historical sciences)

08.00.14 – World Economy (Economics)

Objective and Thematic

The journal “Post-Soviet Studies” aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First of all, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits” are welcomed in journal for further publication.

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	7
ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Пархитко Н.П. Военно-политическое сотрудничество на пространстве СНГ. Политика ОДКБ в итогах юбилейного саммита ОДКБ в Минске 30.11.2017 г.	9
РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Курылев К.П. Факторы, детерминирующие перманентную нестабильность на Украине.....	20
Гущин А.В., Ханова И.Е. Экономика Украины в условиях кризиса 2017 г.....	31
Sanjay Deshpande, Shoaib Khan Prehistory of Russia's relationship with NATO in the new era (1991-2012). (Part one)	38
Сайед Ахмад Зия Взаимодействие России с США и надо в борьбе с наркоугрозой в Афганистане.....	47
ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ	
Коваленко Г.В. Теоретические основы исследования внешней политики постсоветских государств.....	58
Черненко Е.Ф. Внешнеэкономическая стратегия России в СНГ.....	64
Ибрагимов А.Г. Турция и Россия: взаимодействие вопреки столкновению интересов.....	70
Юрчак Д.В. Белорусско-украинские отношения в 1991-2017 гг.....	79
Мачавариани Г.Г. Грузино-иранские отношения на современном этапе.....	90
Галоян Н.Г. Формирование внешнеполитических принципов Армении и Грузии после распада СССР.....	94
ПРОБА ПЕРА	
Имаш Т.Ж. Национальные концепции по развитию космонавтики в Республике Казахстан и Российской Федерации.....	107
Поспелова Е.А. Европейский вектор внешней политики Латвии.....	119

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD	7
INTEGRATION PROCESSES	
Parkhitko N.P. Military and political cooperation in cis. Policy of the Collective Security Treaty Organization summarized in the anniversary Minsk-summit 30.11. 2017..	9
REGIONAL SECURITY	
Kurylev K.P. Determinating factors of permanent instability in Ukraine	20
Gushchin A.V., Khanova I.E. The Ukraine's economy in the crisis conditions in 2017.....	31
Sanjay Deshpande, Shoaib Khan Prehistory of Russia's relationship with NATO in the new era (1991-2012). (Part one)	38
Sayed Ahmad Zia Russia's interaction with the USA and NATO in combating drug threat in Afghanistan	47
BILATERAL RELATIONS	
Kovalenko G.V. Theoretical foundations for research of the foreign policy of the post-soviet states	58
Chernenko E.F. The foreign economy strategy of Russia in the CIS.....	64
Ibragimov A.G. Turkey and Russia: interaction contrary to the conflict of interests	70
Yurchak D.V. Belarus-Ukrainian relations in 1991-2017.....	79
Machavariani G.G. Modern state of Georgian-Iranian relations.....	90
Galoyan N.G. Formation of the foreign policy principles of Armenia and Georgia after the decay of the USSR	94
FIRST STEPS	
Imash T.J. National concepts for the development of cosmonautics in Republic of Kazakhstan and the Russian federation	107
Pospelova E.A. European vector of Latvian foreign policy	119

ОТ РЕДАКЦИИ

Dimidium facti, qui coepit, habet
(Лат. «Начало – половина дела»)

Уважаемые коллеги, дорогие друзья! Коллектив редакционной коллегии приветствует Вас на страницах журнала «Постсоветские исследования»! Это новое академическое издание, ставящее перед собой столь же простую с точки зрения формулировки, сколь и сложную в плане достижения цель – поиск Истины.

С момента развала СССР прошло чуть более четверти века. В течение этого времени процессы, протекающие на пространстве этого, некогда, единого для всех нас государства, приобрели столь широкий диалектический контекст, что подвести под них единый историко-политический, философский, экономический или духовно-нравственный фундамент едва ли представляется возможным. Осознавая эту данность, тем не менее, мы не должны следовать в русле опасной тенденции, антиисторичной по своей сути и характерной, в основном, для политической компоненты вопроса – в русле отчуждения. Скажем больше – одна из сверхзадач, которую ставят перед собой учредители настоящего академического издания, заключается в преодолении упомянутой тенденции.

Исходя из вышесказанного, постараемся вкратце сформулировать ключевые рабочие цели и задачи, которые мы ставим перед журналом уже на стадии формирования его авторского коллектива. Первая и основная из них – предоставление качественной и демократичной научно-дискуссионной площадки для обсуждения широкого спектра вопросов и проблем, накопившихся на постсоветском пространстве с момента развала СССР. Достижение означенной задачи возможно путем максимального абстрагирования от политической конъюнктуры и сосредоточения на сугубо академических аспектах, лежащих в основе практически любых процессов, характерных как для СНГ в частности, так и для всего постсоветского пространства в целом. Отсюда следует, что настоящее издание не

стремится к политизации выводов (многие из которых, уверены, будут содержать в себе академическую новизну) и тем более не ставит перед собой каких-либо политических задач в рамках международной повестки.

Вторая задача, напрямую вытекающая из первой – привлечение исследователей, настроенных не только донести точку зрения, альтернативную общепринятой (т.е. официально утвержденной внутри- и внешнеполитической линии страны, которую представляет автор), но и готовых представить ее решительную аргументацию. По мнению редакционной коллегии журнала, этот метод позволит максимально эффективно донести до академического сообщества (а впоследствии – и до общества в целом) более актуальную и, если угодно, правдивую информацию, которая может служить основой для верификации тех данных, которые современное общество традиционно получает из СМИ. Не умаляя в целом ключевую роль СМИ в обеспечении информацией, мы не можем не отметить, что часто даже самые качественные и достоверные данные теряются в потоке политической аналитики (даже при условии высокого качества последней). В свою очередь, это приводит к формированию неких шаблонов мышления, преодолеть которые если и возможно, то лишь в течение длительного времени.

Сказанное выше вовсе не означает, что журнал планирует игнорировать объективные политические реалии или, тем более, полностью отказаться от политического анализа. Напротив, качественный и беспристрастный политический анализ, предлагаемый уважаемыми авторами и используемый ими для усиления аргументации своих тезисов, в журнале будет приветствоваться. Ведь, в конечном итоге, главная академическая задача издания заключается в проведении всестороннего исследования наиболее сложных процессов, проходящих

на пространстве бывшего СССР и оказывающих влияние, в том числе, и на геополитический ландшафт региона. И главный вывод, которые мы ожидаем от наших потенциальных читателей, должен заключаться не в простой констатации факта наличия тех или иных процессов, а в понимании их глубинного характера, а также – первопричин.

Собственно говоря, в этом и заключается академическая стратегия журнала. Отсутствие конфликтного потенциала, беспристрастный исторический, философский и политический анализ, основанный на «взгляде изнутри», по нашему мнению, будут наилучшим образом способствовать главной Цели нашего издания – поиску Истины.

Уважаемые коллеги! Журнал «Постсоветские исследования» приглашает Вас принять участие в формировании авторского коллектива в рамках первого номера издания и сердечно приветствует любые инициативы, направленные на достижение нашей общей академической цели. Главное – начать, ибо начало – уже половина дела!

**С уважением, редакция журнала
«Постсоветские исследования»**

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО НА
ПРОСТРАНСТВЕ СНГ.
ПОЛИТИКА ОДКБ В ИТОГАХ
ЮБИЛЕЙНОГО САММИТА ОДКБ В
МИНСКЕ 30.11.2017 ***

Н.П. Пархитько

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. Актуальность выбранной тематики представляется обоснованной по целому ряду объективных причин. Во-первых, политическая повестка современных международных отношений характеризуется высоким уровнем напряженности, сопоставимым с отдельными периодами холодной войны. Политика НАТО и возглавляющих этот военно-политический блок США, вызывает все большую озабоченность как руководства России, так и руководства ряда стран, входящих в СНГ и являющихся участницами ОДКБ. В свете этого обстоятельства анализ их военно-политического сотрудничества неизбежно выходит на первый план. Во-вторых, с начала нулевых годов текущего столетия серьезные структурные и концептуальные изменения произошли внутри самой ОДКБ, что, в свою очередь, стало следствием трансформации внешнеполитического курса стран-участниц этой организации. Наконец, в-третьих, необходимо помнить, что ОДКБ, как и любая другая международная организация, неизбежно сталкивается с теми же вызовами, которые сегодня стоят практически перед всеми участниками международного сообщества. Это, прежде всего, международный терроризм и незаконная миграция. И поиск адекватного ответа на эти вызовы также является одним из приоритетных направлений ОДКБ. При подготовке настоящей статьи автор ставил перед собой задачу изучить процессы военно-политического сотрудничества в СНГ

через призму ОДКБ. Данная задача подразумевала также анализ самой ОДКБ и ее эволюции от декларативного образования с ограниченными целями и полномочиями до солидной региональной военно-политической организации, соответствующей всем стандартам современного военного объединения. Конечная цель исследования заключается в выявлении роли ОДКБ в обеспечении региональной безопасности на пространстве бывшего СССР в современных условиях.

Ключевые слова: ОДКБ, СНГ, военно-политическое сотрудничество, вызовы, борьба с терроризмом, совместные учения.

Одной из тенденций современных международных отношений является нарастание глобальных проблем и противоречий. Теория глобализации, привлекательность которой заключалась отчасти именно в том, что она предлагала некий универсальный рецепт устранения львиной доли конфликтного потенциала в экономической и политической сферах жизни глобального сообщества, уже к началу XXI столетия обнаружила в эмпирическом контексте серьезные «недочеты». К середине же второй декады текущего столетия число и характер международных противоречий практически во всех диалектических областях достигло столь угрожающих масштабов, что невольно возникает вопрос – объективная ли оценка была дана потенциалу глобализации на заре ее возникновения? И не следует ли человечеству сегодня отказаться от некоторых «модных трендов» в международных процессах и вернуться к старым проверенным временем методам разрешения конфликтов: их военно-политическому упреждению. Можно долго рассуждать на тему того, насколько эффективной или неэффективной оказалась идеология глобализации в течение последних 20-30 лет. Однако можно с уверенностью констатировать, что единственным по-настоящему эффективным инструментом, гарантирующим глобальный мир и безопасность, по-прежнему остается баланс сил. Таким образом, понятие, введенное в обиход итальянским историком и мыслителем Франческо Гвиччар-

* Статья подготовлена по материалам выступления автора на Международной научной конференции «Внешняя политика России на пространстве СНГ», состоявшейся в РУДН 15.12.2017 г.

дини еще в начале XVI в [Гвиччардини 2016. С. 122], не утратило своей актуальности и сегодня.

Образовавшееся в одночасье после развала СССР постсоветское пространство стало ареной геополитической борьбы между ведущими державами мира за влияние в регионе. США начали экономическое и политическое «освоение» среднеазиатского и закавказского субрегионов практически сразу. Серьезную экономическую заинтересованность в средней Азии демонстрирует также и Китай. Россия, провозгласившая в начале 90-х гг. XX в. полный отказ от прежних внешнеполитических принципов и, фактически, переставшая предпринимать что-либо для сохранения своего политического влияния на пространстве бывшего СССР, неизбежно столкнулась с последствиями этой недальновидной политики уже к началу нового столетия, т.е. по прошествии менее 10 лет.

Со сменой правящих элит в России в течение нулевых годов XXI в., решительному пересмотру подверглась также внешняя политика страны. Помимо неизбежной геополитической борьбы за сферы влияния (само это явление также отнюдь не ново), России приходится противодействовать новым вызовам и угрозам, прямо или опосредованно исходящим из региона. Для решения этой дуалистической задачи России необходимо не только инициировать интеграционные или, как минимум, кооперационные процессы на пространстве СНГ, но и постоянно развивать и совершенствовать механизмы военно-политического взаимодействия с постсоветскими странами в рамках единой структуры, отвечающий требованиям и вызовам современности. Такой структурой является ОДКБ. Рассмотрим основные этапы ее развития, а также структуру организации и ее место в современной архитектуре региональной безопасности на пространстве бывшего СССР.

Военно-политическое сотрудничество в рамках СНГ. От ДКБ к ОДКБ.

После подписания 8 декабря 1991 г. Беловежских соглашений и образования СНГ, одним из наиболее острых вопросов, тре-

бующих незамедлительного решения, стал раздел некогда единых вооруженных сил бывшего СССР, включая ядерное оружие. Вопрос о контроле над обычными вооруженными силами был решен, исходя из территориального принципа. Как отмечает в статье «Военное сотрудничество между постсоветскими государствами» А.А. Пикаев, большая часть сил и средств Сухопутных войск и ВВС была поделена между государствами, на территории которых они находились. Россия сохранила свои войска на территории Грузии, Армении и Таджикистана, а также сумела вывести часть войск из Азербайджана. Вооруженные силы, дислоцированные за пределами бывшего СССР и в Прибалтике, отошли к России и были выведены преимущественно на ее территорию к 1994 г. Под контролем Москвы остались силы и средства, базирующиеся в двух бывших автономиях, провозгласивших в процессе распада Советского Союза свою независимость (Абхазии и Приднестровье). В 1992 г. российские миротворческие подразделения были введены в Южную Осетию в соответствии с российско-грузинским соглашением.

Раздел обычных вооружений и вооруженных сил сопровождался различными трудностями и эксцессами. В частности, незадолго до развала СССР дивизия тяжелых бомбардировщиков Ту-95 была перебазирована Москвой без согласия казахстанских властей из Семипалатинска (Казахстан) на авиабазу Украинка (Хабаровский край). Отмечались стихийные перелеты летчиков из новых государств в РФ. В ряде случаев раздел происходил в условиях действующих конфликтов. Например, переданная в 1992 г. Грузии часть находившихся на ее территории вооружений была использована Тбилиси в абхазской войне 1992-1994 гг.

Гораздо острее стоял вопрос о разделе ВМФ. Тихоокеанский и Северный флоты базировались исключительно в России и разделу не подлежали. Балтийский флот потерял большую часть береговой инфраструктуры, отошедшей к прибалтийским государствам, однако сохранил главную

базу – в Балтийске (Калининградская обл.) и плавсостав. Государства Прибалтики не считали себя частью СССР и не претендовали на его вооружения, хотя и добились получения наземной военной инфраструктуры бесплатно. Каспийская флотилия была, в основном, выведена из главной базы в Баку¹.

Проблема Черноморского флота так и не была окончательно решена до 2014 г. начиная с 1991 г. Украина требовала значительную долю ЧФ. Из-за этого в течение нескольких лет он юридически находился под совместным командованием (хотя фактически – под российским). В 1997 г. был подписан договор о статусе и условиях пребывания ЧФ на территории Украины до 2017 г. В 2010 г. были подписаны т.н. «Харьковские соглашения», итогом которых стали договорённости по вопросам пребывания Черноморского флота на территории Украины и снижение цены на российский газ для Украины на 30%. С 28 мая 2017 г. действие соглашения между Украиной и РФ о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, соглашения между Украиной и Российской Федерацией о параметрах деления Черноморского флота и соглашения между правительством Украины и правительством Российской Федерации о взаимных расчетах, связанных с делением Черноморского флота и пребыванием Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 г. пролонгировалось на 25 лет со следующим автоматическим продлением на следующие пятилетние периоды, если ни одна из сторон не проинформирует в письменном виде другую сторону о прекращении их действия не позднее, чем за один год до завершения срока действия. После вхождения Крыма в состав России в марте 2014 г. Россия в одностороннем порядке денонсировала Харьковские соглашения.

¹ Военное сотрудничество между постсоветскими государствами // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36208> (Дата обращения: 27.12.2017)

Отдельно следует упомянуть проблему раздела ядерного вооружения и средств его доставки. Отличие от раздела сухопутной компоненты ВС в данном случае заключается в том, что еще в течение 1990-1991 гг. СССР вывел ядерные боезаряды и стратегические средства их доставки из зарубежных государств-участниц бывшего Варшавского договора (ОВД) и большинства союзных республик, сосредоточив их на территории РСФСР. К моменту подписания Беловежских соглашений ядерное оружие оставалось, помимо России, только на территории Белоруссии, Украины и Казахстана. В соответствии с учредительными документами СНГ все три указанные республики заявили о своем решении стать неядерными государствами и передать находившееся на их территориях ядерное оружие России. Оперативное командование над ядерным оружием переходило к президенту РФ и главнокомандующему Объединенными вооруженными силами (ОВС) СНГ. Об идее создания ОВС СНГ и попытках практической имплементации этого решения, полагаем, следует остановиться особо.

По мнению генерал-полковника П.Н. Андреева, «идея о необходимости и возможных формах коллективного обеспечения безопасности государств Содружества, прежде чем приобрести свой нынешний облик, прошла довольно сложный путь трансформации. Достаточно условно его можно разделить на три основных этапа» [Андреев 2000. С. 18].

Первый этап определен военным экспертом с декабря 1991 по май 1992 г. В течение этого времени главные усилия были направлены на то, чтобы сохранить общее оборонное пространство на территории бывшего СССР. Также на этом этапе ставилась задача сохранения Объединенных вооруженных сил на основе вооруженных сил СССР, существовавших на момент подписания Беловежских соглашений, т.е. на декабрь 1991 г. В статье «Военно-политическое сотрудничество государств СНГ этапы и основные направления развития», опубликованной в 2000 г. №4 журна-

ла «Военная мысль», П.Н. Андреев указывает, что в Соглашении о создании СНГ, подписанном 8 декабря 1991 г., отмечалось, что «государства-члены Содружества будут сотрудничать в обеспечении международного мира и безопасности». Стороны взяли на себя обязательства «сохранять и поддерживать под объединенным командованием общее военно-стратегическое пространство, включая единый контроль над ядерным оружием» [Андреев 2000. С. 18]. Эти положения заложили концептуальную основу последующих многосторонних договоров и соглашений по вопросам военного сотрудничества в рамках СНГ.

Уже 14 февраля 1992 г. было принято решение об образовании Совета министров обороны (СМО) и Главного командования Объединенных вооруженных сил СНГ (ОВС СНГ). По-видимому, руководствуясь целью сохранить общие вооруженные силы, 20 марта в Киеве было подписано Соглашение об Объединенных вооруженных силах на переходный период. При этом, Соглашение было подписано главами 7 государств СНГ – Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана, Узбекистана, и отклонено главами 3 государств – Украины, Молдовы и Азербайджана. Таким образом, уже на начальной стадии формирования единых вооруженных сил Содружества в рядах его участников возникли серьезные противоречия о принципах их функционирования.

Более того, начавшиеся еще в 1991 г. центробежные тенденции в вооруженных силах тогда еще СССР на территориях национальных республик практически одновременно, к зиме-весне 1992 г. приобрели необратимый характер. Тем более, что речь шла уже о суверенных государствах, в которых началось формирование национальных вооруженных сил. Это привело к полному разделу Вооруженных Сил СССР, который происходил стихийно, по государственно-территориальному принципу, в результате чего образовались оперативно и тактически неравные, различные по составу и уровню оснащенности группировки войск некогда единого военного организма.

Как указывает П.Н. Андреев, «в мае 1992 г. завершился процесс скорее формального, чем фактического, образования национальных вооруженных сил» [Андреев 2000. С. 19]. В конечном итоге, идея сохранения единых вооруженных сил на этом этапе так и не была реализована. Среди позитивных факторов этого короткого временного периода можно обозначить, разве что, начало военно-политического сотрудничества и установление контактов между руководством министерств обороны стран СНГ по вопросам, представляющим обоюдный интерес.

Второй этап длился с мая 1992 до конца 1993 г. В течение этого времени продолжались активные поиски новых, более эффективных и адекватных сложившейся ситуации направлений и форм военно-политического и военного сотрудничества, разработка регламентирующих межгосударственных документов.

Краеугольным камнем развития военного и политического сотрудничества стран СНГ в этот период времени следует считать заключение 15 мая 1992 г. в Ташкенте главами Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана Договора о коллективной безопасности (ДКБ). В сентябре 1993 г. Договор подписали Азербайджан и Грузия, а 31 декабря 1993 г. к нему присоединилась Белоруссия. В течение зимы-весны 1994 г. Договор был ратифицирован всеми подписавшими его государствами и 20 апреля 1994 г. он вступил в силу. Основным принцип, прописанный в ДКБ заключался в том, что в случае возникновения угрозы безопасности, территориальной целостности и суверенитету одного или нескольких государств-участников либо угрозы международному миру и безопасности должен быть незамедлительно приведен в действие механизм совместных консультаций с целью координации позиций участников и принятия соответствующих мер.

С точки зрения институциональной организации военно-политического сотрудничества стран-участниц Договора, следует выделить создание Совета коллективной безопасности в составе глав государств.

Это высший политический орган, отвечающий за координацию их совместной деятельности. Таким образом, была заложена юридическая основа военно-политической интеграции государств. Однако, реализовать на практике конкретные меры по обеспечению коллективной безопасности Содружества тогда, в течение 1990-х гг., не удалось. Проблема заключалась в том, что, с одной стороны принимаемые на межгосударственном уровне решения по военным вопросам зачастую не были подкреплены соответствующими законодательными актами независимых государств. С другой стороны, в рамках самого ДКБ не был разработан универсальный механизм реализации подобных решений. В результате, по факту, вместо создания Объединенных вооруженных сил Содружества страны СНГ, подписавшие Договор, продолжали хаотичное, но активное строительство национальных армий.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о самом СНГ. Устав Содружества был подписан в Минске 22 января 1993 г. всеми странами-участницами СНГ, кроме Украины и Туркменистана, которые тем самым де-юре не являются государствами-членами СНГ, а могут быть отнесены только к государствам-учредителям Содружества. Туркменистан с 2005 г. участвует в Содружестве в качестве ассоциированного члена. В работе некоторых структур СНГ в качестве наблюдателя участвуют Афганистан и Монголия.

Взаимодействие в рамках Содружества осуществляется через его уставные органы – Совет глав государств, Совет глав правительств, Совет министров иностранных дел, Экономический совет и др. За военно-политическую координацию внутри СНГ отвечает Совет министров обороны, деятельность которого определяется Уставом СНГ. Совет разрабатывает концептуальные подходы к вопросам военной и оборонной политики государств-участников СНГ; разрабатывает предложения, направленные на предотвращение вооруженных конфликтов на территории государств-членов или с их участием; дает экспертные заключения по

проектам договоров и соглашений, связанных с вопросами обороны и военных разработок; доводит вопросы, связанные с предложениями и инициативами до сведения Совета глав государств СНГ. Также важной представляется юридическая работа Совета по унификации правовых актов в области обороны и военного строительства.

СМО СНГ был создан в феврале 1992 г. в качестве механизма Совета глав государств СНГ по обсуждению вопросов военной политики и сотрудничества. Заседания СМО проводились по мере необходимости, но, как правило, не реже одного раза в четыре месяца. Председателем СМО традиционно является представитель России (в настоящий момент – это С.К. Шойгу). Деятельность Совета обеспечивалась двумя органами: секретариатом и штабом по координации военного сотрудничества государств-участников СНГ.

Высшие должности в секретариате занимают представители Минобороны России. При создании штаба по координации военного сотрудничества предполагалось, что в его работе должны были принимать участие высшие военные чины всех стран СНГ, но на практике туда вошли представители лишь России, Белоруссии и Казахстана. В 2005 г. по предложению Казахстана штаб по координации сотрудничества был упразднен, а его функции фактически передали ОДКБ (часть перешла в ведение секретариата СМО).

Тем не менее, под эгидой СМО продолжает действовать ряд органов, в частности, военно-технический комитет, военнаучный совет и координационный комитет по вопросам ПВО. СМО рассматривает относительно периферийные вопросы, связанные с общим прошлым вооруженных сил государств СНГ. Среди них: совместная система связи между вооруженными силами, социальная защита военнослужащих, вопросы топографии и гидрометеорологии. Обсуждались также вопросы миротворчества и сотрудничества в сфере ПВО.

Крупнейший совместный проект государств СНГ в военной области – сотрудничество в создании Объединенной системы

ПВО. В нем участвуют 9 стран. Молдавия и Азербайджан формально никогда не присоединялись к деятельности этой системы, Грузия и Туркменистан фактически заморозили свое участие в конце 1990-х гг., а в 2008 г. Тбилиси официально объявил о выходе из нее.

Таким образом, сегодня СНГ де-юре включает в себя 12 государств, степень «интегрированности» которых в это объединение крайне неравнозначна. Основным же итогом работы, проводимой в течение десятилетия с момента развала СССР в рамках ДКБ можно считать создание военных координационных структур Содружества и единой системы ПВО. Впрочем, для ответа на глобальные вызовы XXI столетия этих результатов явно недостаточно.

ОДКБ. Адаптация к новым реалиям

Трансформация Договора о коллективной безопасности (ДКБ) в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) явилось результатом коллективного осмысления обстановки, сложившейся на рубеже веков в сфере безопасности, когда государства-участники ДКБ стали ощущать на себе возрастающую угрозу международного терроризма, наркотрафика и других нетипичных вызовов при сохранении традиционных угроз. К таковым относится усиление военного потенциала НАТО и приближение ее инфраструктуры к рубежам союзнических государств, переход США к односторонним произвольным силовым действиям во внешней политике, общая неустойчивость и непредсказуемость международной обстановки [Николаенко, 2006].

14 мая 2002 г. на сессии участников Договора о коллективной безопасности в Москве было принято решение о создании полноценной международной организации – Организации Договора о коллективной безопасности. 7 октября 2002 г. в Кишиневе подписаны Устав и Соглашение о правовом статусе ОДКБ, которые ратифицированы всеми государствами-членами и вступили в силу 18 сентября 2003 г.

В соответствии со статьей 3 Устава ОДКБ целями Организации являются

укрепление мира, международной и региональной безопасности и стабильности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов.

При анализе положений Устава ОДКБ бросается в глаза тот факт, что координации коллективных шагов государств-членов в международных организациях уделяется серьезное внимание. В частности, предусмотрены периодические совещания полномочных представителей государств-членов ОДКБ при ООН, ОБСЕ, НАТО, ЕС, ШОС и других международных структурах, что позволяет более эффективно, на коллективной основе согласованно отстаивать общие интересы в этих международных структурах. В практику вошли неформальные «перекочевавшие» из традиционной дипломатической практики встречи министров иностранных дел накануне заседаний СМВД ОБСЕ и сессий Генеральной ассамблеи ООН. Позитивный опыт сложился по итогам использования коллективных указаний полномочным представителям государств-членов при международных организациях [Никитина 2009. С. 121].

Отметим в этой связи, что 2 декабря 2004 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция о предоставлении ОДКБ статуса наблюдателя в ГА ООН.

Серьезные изменения коснулись и военной структуры Организации. По сравнению с ДКБ, где многие положения носили либо декларативный, либо заведомо утопический характер (принимая во внимание реалии 90-х гг. XX в.), ОДКБ не только прокламирует те или иные функциональные цели и задачи, но и последовательно обеспечивает их воплощение в практической плоскости. Достигается это, как правило, посредством решений, принимаемых в рамках саммитов, сессий или совещаний, проводимых ОДКБ с периодичностью примерно раз в полгода.

4 февраля 2009 г. на совещании в Москве было принято решение о создании Коллективных сил оперативного реагирования, которые должны будут использо-

ваться для отражения военной агрессии, борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Таким образом, на сегодняшний момент в силовую составляющую Организации входят сформированные на широкой коалиционной основе Коллективные силы оперативного реагирования и Миротворческие силы, а также региональные группировки сил и средств коллективной безопасности: Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона, Региональная российско-белорусская группировка войск Восточноевропейского региона, Объединенная российско-армянская группировка войск Кавказского региона. Действует Объединенная система ПВО России и Беларуси, создается российско-армянская региональная система ПВО.

Амбициозная задача по сохранению некогда единых Вооруженных сил бывшего СССР в 90-х гг. XX в. не была и не могла быть выполнена. То же самое касается и единой оборонной политики стран Содружества. Как отмечает один из ведущих военных экспертов России генерал-полковник Л.Г. Ивашов в интервью агентству Sputnik, «...не получилось в рамках ОДКБ единой военной политики. Если министры обороны договаривались о чем-либо, например, солидарно выступали против расширения НАТО, то дипломатические ведомства согласовать этот процесс не могли. Если Россия выступала против действий НАТО или США, то другие республики если и поддерживали, то молчаливо»¹. С учетом этого печального опыта, одним из главных достижений ОДКБ сегодня можно считать создание КСОР. Вместо громоздкой военной машины, оперативное руководство которой стало бы предметом дополнительных разногласий, в рамках ОДКБ создана эффективная военная компонента постоянной готовности. КСОР ОДКБ насчитывает бо-

лее 20 тыс. человек личного состава и включают высокомобильные контингенты вооруженных сил государств-членов, а также формирования сил специального назначения, которые объединяют подразделения органов безопасности и специальных служб, органов внутренних дел и внутренних войск, органов чрезвычайного реагирования.

Коллективные силы оперативного реагирования являются универсальным механизмом, способным решать задачи по урегулированию конфликтов различной интенсивности, проводить специальные операции по пресечению террористических атак, насильственных экстремистских действий, проявлений организованной преступности, а также по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

В 2014 г. (в год российского председательства в ОДКБ) продолжалось совершенствование совместной оперативной и боевой подготовки сил и средств системы коллективной безопасности. Было принято решение о создании Коллективных авиационных сил ОДКБ. В 2014 г. были проведены три крупных совместных учения: «Рубеж-2014», «Нерушимое братство-2014» и «Взаимодействие-2014». Отдельного упоминания заслуживает неформальный саммит глав государств-членов в Москве 8 мая 2014 года, в ходе которого обсуждалась комплексная работа по развитию миротворческой компоненты деятельности Организации. С Департаментом операций по поддержанию мира Секретариата ООН прорабатывались рекомендации в части состава, структуры, оснащения, подготовки миротворческих контингентов ОДКБ с прицелом их подключения к операциям по поддержанию мира под эгидой ООН.

Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о главном: в ОДКБ взят курс на формирование полноценной международной военно-политической организации, структура и инструментарий которой полностью соответствовал бы требованиям и вызовам современной международной повестке дня. И если ДКБ в известной степени можно было бы рассматривать в каче-

¹ Ивашов: ОДКБ должна стать ядром евразийской цивилизации // <http://mirperemen.net/2016/10/leonid-ivashov-odkb-dolzha-stat-yadrom-evrazijskoj-civilizacii/> (Дата обращения: 28.12.2017)

стве организации для «мирного развода» вооруженных сил и военной инфраструктуры бывших союзных республик СССР, то ОДКБ, напротив, можно считать некой «точкой сборки», содержащей в себе серьезный интеграционный потенциал.

Саммит ОДКБ в Минске 30.11.2017. Итоги к юбилею ОДКБ

По истечении 15 лет с момента обретения ДКБ статуса Организации можно подвести ряд итогов. Прошедший в Минске 30 ноября 2017 г. саммит ОДКБ представляется в этой связи весьма удобным источником.

Прежде всего, несколько слов о самом саммите. О формате и значимости любого международного мероприятия можно судить по составу его участников. В случае минского саммита ОДКБ состав делегаций говорит нам едва ли ни больше, чем итоговые документы, принятые по итогам мероприятия. В Минск прибыли не только президенты этих стран-участниц ОДКБ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан), но также главы МИДов, министерств обороны и советов безопасности. С российской стороны, таким образом, в работе саммита приняли участие, помимо президента РФ В.В. Путина также министр обороны С.К. Шойгу, министр иностранных дел С.В. Лавров и Секретарь совета безопасности РФ Н.П. Патрушев. Столь представительный формат делегации, состав которой можно смело назвать высшим, свидетельствует об исключительной важности обсуждаемой повестки не только для руководства России, но и для руководства всех стран-участниц ОДКБ. Этот факт, в свою очередь, говорит о стремлении интенсифицировать работу ОДКБ как серьезной региональной структуры по обеспечению безопасности.

Собственно, безопасность была ключевой темой обсуждения в ходе саммита. Основные практические итоги саммита можно тематически сформулировать следующим образом:

1. Был согласован общий список террористических организаций. До этого у каждой из стран был свой собственный список,

несмотря на то, что большая часть оперативной информации в них совпадала.

В развитие темы страны-участники ОДКБ планируют совместную антитеррористическую операцию «Нелегал» и «Наемник». Первая будет направлена на предотвращение нелегальной миграции, от которой страдает, в основном Россия. Важно отметить, что посредством данного механизма Россия получает в свои руки механизм, позволяющий отслеживать и контролировать миграционные потоки, направлять их в нужное русло и балансировать национальный состав. Это особенно важно сейчас, когда традиционная для России трудовая миграция из государств Средней Азии и Закавказья дополняется массовой миграцией с Украины, которая в ближайшем будущем может возрасти в разы.

Операция «Наемник» дополняет операцию «Нелегал» и направлена на предотвращение создания возвращающимися на территории государств-членов ОДКБ участниками чужих войн, устойчивых бандитских и террористических ячеек¹.

2. Страны-участницы ОДКБ выразили коллективную поддержку Сирии. В заявлении, принятом по итогам саммита ОДКБ в Минске, лидеры стран-участниц ОДКБ отметили решающий вклад России в ликвидацию очагов терроризма в Сирии. Президенты стран ОДКБ также призывали оказать поддержку процессу деэскалации и стабилизации ситуации в Сирии. Единодушие, продемонстрированное лидерами ОДКБ в вопросе сирийского урегулирования, внушает особый оптимизм и резко контрастирует с обстановкой, царящей сегодня внутри крупнейшего военно-политического блока НАТО, где решение президента США о признании столицей Израиля г. Иерусалима не нашло поддержки даже среди ближайших союзников США по блоку.

¹ ОДКБ в Минске: структурирование и реагирование // <https://sputnik.by/columnists/20171201/1032274342/odkb-v-minske-strukturirovanie-i-reagirovanie.html> (Дата обращения: 28.12.2017)

3. Подготовлено Соглашение об информационной безопасности государств ОДКБ. Кроме того, принято решение о плане реализации стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года. Документ предусматривает «комплекс правовых, организационных и практических мер по вопросам внешнеполитической координации, взаимодействия с международными организациями и третьими странами, кризисного реагирования, контроля над вооружениями, миротворческой деятельности, военного, военно-технического и военно-экономического сотрудничества, подготовки кадров, противодействия современным вызовам и угрозам безопасности, информационной безопасности»¹.

Всего в ходе саммита в Минске 30 ноября было принято более 20 документов, в том числе заявления об укреплении оборонного потенциала ОДКБ и о поддержке посреднических усилий по ситуации в Нагорном Карабахе, Декларация глав государств в связи с 25-летием ДКБ и 15-летием ОДКБ, решение о совершенствовании мер по борьбе с незаконной миграцией. Президенты также подписали план реализации Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 года и одобрили эмблему и флаг ОДКБ².

О чем свидетельствуют итоги саммита в Минске, подводящие определенную черту под 15-летним периодом развития ОДКБ? На наш взгляд, можно выделить несколько ключевых аспектов. Перечислим их:

1. В рамках ОДКБ была создана единая военно-техническая платформа, основой которой является соглашение о поставках российских вооружений для стран-членов ОДКБ по внутренним российским ценам.

¹ Итоги саммита ОДКБ в Минске: общий список террористов, поддержка Сирии и операция «Наемник» // <https://news.tut.by/economics/571133.html> (Дата обращения: 28.12.2017)

² Итоги саммита ОДКБ в Минске: общий список террористов, поддержка Сирии и операция «Наемник» // <https://news.tut.by/economics/571133.html> (Дата обращения: 28.12.2017)

Сюда же относится и возможность обучения и повышения квалификации военнослужащих стран ОДКБ в специализированных учебных заведениях других стран-членов на бесплатной, либо льготной основе.

2. В рамках ОДКБ создан эффективный боевой механизм в виде КСОР, Коллективных миротворческих сил, двусторонних региональных группировок войск Россия–Белоруссия и Россия–Армения. Это обстоятельство оказывает стабилизирующий эффект как минимум в зоне ответственности указанных стран, как максимум – на всем постсоветском пространстве. В течение последних 10 лет проводятся ежегодные операции по борьбе с новыми вызовами и угрозами: операция «Канал» по борьбе с наркотрафиком из Афганистана и прекурсорами; операция «Нелегал» по борьбе с нелегальной миграцией из третьих стран; операция «ПРОКСИ» по борьбе с веб-ресурсами, пропагандирующими экстремистскую и террористическую деятельность. Подобные операции дают возможность совместной деятельности тем правоохранительным органам стран-членов ОДКБ, которые не входят ни в какие коллективные силы Организации, то есть взаимодействие в рамках ОДКБ охватывает действительно широкий круг национальных специализированных структур³.

Как уже упоминалось выше, в Организации удалось сформировать единый подход к наиболее острым вопросам современной внешнеполитической повестки дня. ОДКБ периодически принимает декларации с оценкой различных событий в сфере безопасности – от иранской ядерной сделки до размещения американской системы ПРО в Восточной Европе и цветных революций на постсоветском пространстве. И несмотря на то, что в ОДКБ нет блоковой дисциплины, которая заставляла бы все государства занимать жесткую позицию по каким-то

³ ОДКБ-2017: Сколько лет именинице и с чем ее поздравлять? // <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/odkb-2017-skolko-let-imennitsei-s-chem-ee-pozdravlyat/> (Дата обращения: 28.12.2017)

определенным вопросам (например, напомним, что кроме России, никто из членов ОДКБ не признал независимость Южной Осетии и Абхазии равно как и вхождение Крыма в состав РФ), но совместное обсуждение кризисных ситуаций и вызовов и угроз в различных регионах мира помогает достичь государствам-членам понимания общего и различного в их оценке ситуации в сфере международной безопасности.

Все эти факты, сложенные воедино, дают основания для оптимистичных прогнозов развития ОДКБ в будущем. По мнению генерал-полковника Л.Г. Ивашова «ОДКБ должна становиться ядром евразийской цивилизации, консолидировать вокруг себя все силы, все сферы и становиться защитником не стран по отдельности, а целого пространства. Не случайно ЕАЭС и ОДКБ по географии и по составу участников практически совпадают»¹. Аналогичного мнения придерживается и д.п.н., проф. МГИМО Ю.А. Юргенс, полагающий, что «Организация Договора о коллективной безопасности, сохраняя и развивая уникальные функции обеспечения безопасности группы объединивших усилия государств, может и должна стать одним из ключевых элементов новой многофункциональной системы коллективной безопасности общеевразийского масштаба» [Юргенс 2011. С. 66]. Принятый сегодня в ОДКБ курс, по мнению автора, вполне соответствует этой задаче, а главное – с высокой степенью гарантии способствует ее достижению.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреев П.Н. Военно-политическое сотрудничество государств СНГ: этапы и основные направления развития. – Военная мысль № 4/2000. – С. 17-25
2. Гвичардини Ф. Заметки о делах политических и гражданских. – М.: Рипол Классик, 2016. – 240 с.

¹ Ивашов: ОДКБ должна стать ядром евразийской цивилизации // <http://mirperemen.net/2016/10/leonid-ivashov-odkb-dolzha-stat-yadrom-evrazijskoj-civilizacii/> (Дата обращения: 28.12.2017)

3. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС. Модели регионализма в сфере безопасности. – М.: Навона, 2009. – 200 с.
4. Николаенко В.Д. Военно-политическая интеграция в рамках ОДКБ. Вклад союзников России в ОДКБ и военно-политическую интеграцию. – Обозреватель - Observer 2006 №1 (192)
5. Юргенс И.Ю. ОДКБ: ответственная безопасность. М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. – 66 с.

Сведения об авторе: Пархитко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики РУДН (e-mail: scharnchorst@mail.ru).

MILITARY AND POLITICAL COOPERATION IN CIS. POLICY OF THE COLLECTIVE SECURITY TREATY ORGANIZATION SUMMARIZED IN THE ANNIVERSARY MINSK-SUMMIT 30.11.2017.

N.P. Parkhitko

Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The relevance of the chosen topic seems reasonable for a number of objective reasons. First, the political agenda of modern international relations is characterized by a high level of tension comparable to some periods of the Cold War. The policy of NATO and the leaders of this military-political alliance led by the United States causes increasing concern both for the leadership of Russia and for the leadership of a number of CIS-countries which are also members of the CSTO. In this circumstance their military and political cooperation inevitably should be researched. Secondly, since the beginning of the zero years of the current century, serious structural and conceptual changes took place within the CSTO itself, which, in turn, was a consequence of the transformation of the foreign policy course of the member countries of this organization. Finally, thirdly, it should be noted that the CSTO, like any other international organization, inevitably faces the same chal-

lenges that almost all the actors of the international community do today. These are, above all, international terrorism and illegal migration. And the search for an adequate response to these challenges is also one of the priorities of the CSTO. Working on this article, the author set himself the task of studying the processes of military-political cooperation in the CIS through the prism of the CSTO. This task also implied the analysis of the CSTO itself and its evolution from declarative organization with limited goals and powers to a solid regional military and political structure that corresponds to all the standards of a modern military association. The ultimate goal of the study is to identify the role of the CSTO in ensuring regional security in the space of the former USSR in contemporary time.

Key words: CSTO, CIS, military and political cooperation, challenges, the struggle against terrorism, joint military exercises.

REFERENCES

1. Andreev P.N. Voenno-politicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv SNG jetapy i osnovnye napravlenija razvitija. – Voennaja mysl' № 4/2000. – S. 17-25
2. Gvichhardini F. Zametki o delah politicheskikh i grazhdanskih. – M.: Ripol Klassik, 2016. – 240 s.
3. Nikitina Ju.A. ODKB i ShOS. Modeli regionalizma v sfere bezopasnosti. – M.: Navona, 2009. – 200 s.
4. Nikolaenko V.D. Voenno-politicheskaja integracija v ramkah ODKB. Vklad sojuznikov Rossii v ODKB i voenno-politicheskiju integraciju. – Obozrevatel' - Observer 2006 №1 (192)
5. Jurgens I.Ju. ODKB: otvetstvennaja bezopasnost'. M.: MGIMO (U) MID Rossii, 2011. – 66 s.

About the author: Parkhitko Nikolay Petrovich — PhD in history, assistant professor of the Chair of theory and history of journalism, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: scharnchorst@mail.ru).

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПЕРМАНЕНТНУЮ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ НА УКРАИНЕ

К.П. Курылев

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. 21 ноября 2017 г. исполнилось три года с того момента как в центре Киева стартовала массовая многомесячная акция протеста. Она началась в ответ на приостановку президентом В. Януковичем подписания соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом. Данная акция была поддержана выступлениями населения в других городах Украины. Эти события, принявшие со временем форму вооруженного противостояния, сопровождавшегося захватом административных зданий, в конечном итоге привели к государственному перевороту 21 февраля 2014 г. и захвату власти в стране националистами-радикалами. С тех пор украинский кризис прочно занял ведущие позиции среди проблем, решение которых оказывает непосредственное влияние на европейскую безопасность и всю систему международных отношений. Кризис со всей очевидностью вскрыл несовершенство действующей в Европе системы безопасности, основанной на доминирующей роли НАТО и периферийности российского фактора. Для Украины события конца 2013 – начала 2014 гг. стали переломными, рухнула прежняя внешнеполитическая концепция и утвердилась новая, альтернативная по сути. Страна в течение всего постсоветского периода, балансировавшая между Россией и Западом, резко изменила вектор своей внешней политики и взяла четкий евроатлантический курс. Что повлекло за собой геополитическую декомпозицию Украины, и погрузило ее в пучину гражданской войны. Анализу факторов, обусловивших кризис на Украине, посвящена настоящая статья. Автор рассматривает исторический, экономический, этноконфессиональный, геополитический факторы, детерминировавшие перманентную нестабильность в украинском государстве, используя метод систем-

ного анализа, историко-аналитический и политико-аналитический методы.

Ключевые слова: Украина, кризис, разобщенность, нестабильность.

Прошло 25 лет с момента распада СССР, что привело к разрушению существовавшей системы сдержек и противовесов в разрешении национальных вопросов и социально-экономических противоречий, и вылилось в ряд вооруженных конфликтов, в т.ч. на территории Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, а впоследствии - и на Юго-востоке Украины [Новая идентичность, 2017. С. 5].

Украина - государство на территории Восточной Европы, правопреемница УССР и одно из государств-основателей СНГ. Украина имеет значительную протяженность сухопутных границ (5,7 тыс. км) и выход к Черному и Азовскому морям. Граница с Россией составляет почти 2 тыс. км. Страна расположена на стыке Европы и Евразии, на перекрестке кратчайших путей из глубин Евразийского континента в Центральную и Западную Европу, а также из Балтийского региона в Черноморский. Это издавна способствовало использованию территории нынешней Украины как связующего звена между народами и цивилизациями разных частей Старого Света. Вместе с тем такое положение на протяжении столетий делало Украину полем вооруженных столкновений между различными государствами Европы и Евразии. Оно же обусловило вхождение ее исторических областей в состав разных государств - Русского государства, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Австро-Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, СССР [Внешняя политика стран СНГ, 2017. С. 161].

Масштаб территории Украины и ее геополитическое положение, близость к важнейшим геостратегическим точкам и расположение на пути пересечения геоэкономических маршрутов делают Украину незаменимым участником любых процессов, связанных с обеспечением безопасности как на субрегиональном уровне (Черноморский регион, Восточноевропейский

регион), так и на региональном уровне. Цивилизационная принадлежность Украины (ее «европейскость») превращает Украину в весомый фактор как с точки зрения этноконфессиональных, так и с политических позиций процесса обеспечения европейской безопасности. Вовлечение Украины как самостоятельного актора в процесс оформления европейской системы безопасности является важным условием обеспечения стабильного развития самого украинского государства, в силу того, что непрекращающаяся геополитическая схватка за Украину ослабляет это государство, делает его уязвимым и нестабильным [Курылев, 2014. С. 7].

Истоки кризиса на Украине остаются предметом острых дискуссий уже в течение более года после начала конфликта, однако спорящие стороны обычно не замечают, что в их основе лежат решения, которые были приняты еще задолго до начала столкновений [Sakva, 2016. С. 1].

Исторические факторы.

Начать рассмотрение истоков кризиса и происходящих сегодня событий целесообразнее с исторических причин существующих проблем, ведь для понимания любого социально-политического явления необходимо знать его исторический контекст.

Складывание современной территории Украины происходило в рамках Московского государства, Российской империи и Советского Союза и включало в себя ряд этапов.

Первый этап (конец XVI – середина XVIII вв.) характеризуется вычленением из состава Речи Посполитой территории Малороссии (Гетманщины) и началом освоения Слобожанщины (территории Российского государства) в которой малоросский элемент участвовал совместно с великороссами [Никифоров, 2010. С. 75-90].

В IX-XII вв. большая часть территории современной Украины входила в Киевскую Русь, сформировавшую единую древнерусскую народность, из которой впоследствии образовались три восточнославянских народа: русские, украинцы и белорусы. В XII в. от власти киевского князя обособи-

лись Галицко-Волыньские земли со столицей в Галиче, а позднее во Львове. Во второй половине XIV в. Великое княжество Литовское захватило Волынь, а Польша – Галицию, которые позднее объединились в Речь Посполитую. Здесь необходимо отметить Люблинскую и Брестскую унии, которые привели к резкому обострению национальных, религиозных и социальных противоречий. В результате Люблинской унии 1569 г. часть Великого княжества Литовского (в основном будущая Украина: Киевские земли, Подолье, Подляшье и Волынь) вошла в состав Польши. Польское дворянство получило богатые и плодородные земли и стремилось ввести там крепостное право, а католическое духовенство решило присоединить православное население к католической церкви. Для этого была создана церковная уния, по которой русская церковь сохраняла православные обряды и обычаи, но признавала католические догматы и власть папы Римского. В 1596 г. в Бресте состоялся церковный собор, на котором киевские митрополит и большинство западнорусских епископов согласились на объединение церквей. Тем не менее, часть духовенства и огромное количество мирян отказались признать унию. Обе стороны вступили в ожесточенную борьбу. Король Польши издал манифест о соединении церквей, и православие, таким образом, оказалось вне закона. Население боролось против ополячивания, защищало свою веру и сопротивлялось угнетению польскими помещиками. В 1654 г. запорожские казаки подняли против поляков восстание под руководством Богдана Хмельницкого. Было принято решение о переходе Запорожского войска под протекторат русского царя. Россия была вынуждена вступить в войну с Речью Посполитой, которая не могла смириться с потерей Запорожского войска. По итогам схватки были проведены первые четкие границы между русскими и поляками. Земли западнее Днепра, за исключением Киева, оставались под властью Речи Посполитой.

Второй этап (вторая половина XVIII - XIX вв.) выразился, прежде всего, в уско-

ренном освоении Северного Причерноморья (особенно после 1783 г.). И здесь малороссы обосновываются одновременно с великороссами и совместно с другими этническими группами (болгарами, греками, немцами и т. д.). На этот же этап приходится присоединение к Российской империи Правобережья Днепра (Полесье, Подолье, Волынь) [Никифоров, 2010. С. 75-90].

Именно в это время практически вся территория современной Украины находилась в составе Российской империи. Императрица Екатерина II ликвидировала в 1764 г. Гетманщину, в 1775 г. ликвидировала Запорожскую Сечь, в течение следующих лет своего правления присоединила территорию, именуемую Новороссией, а также Крым. Только часть западной территории Украины оставалась в составе Австро-Венгерской империи. Что касается национальности, то исследователь С. Суций отмечает что «многовековой процесс национальной консолидации данного этнокультурного субстрата ко времени его поэтапного включения в состав России не был завершен...» [Суций, 2015. С. 10]; и упоминает еще один важный момент: «Украинцев как самостоятельного народа (национальной общности) во второй половине XVII-XVIII вв. все ещё не существовало» [Суций, 2015. С. 10].

Иными словами, во времена Российской империи процесс формирования украинской национальной культуры еще не завершился, и тем более не сформировалась украинская государственность. Кроме того, формирующиеся элиты «протоукраинского населения» [Суций, 2015. С. 11] ассимилировались с русской имперской культурой.

Третий (до середины XX в.) ознаменовался включением в состав СССР Восточной Галиции (1939 г.), Южной Бессарабии, Северной Буковины (1940 г.) и Закарпатья (1945 г.), а также передачей Крымского полуострова в административное подчинение УССР (1954 г.).

Геополитический фактор.

Нетрудно заметить, что в ходе этих этапов история различных украинских регионов складывалась по-разному. Если на

восток и юг украинцы продвигались в ходе переселенческой колонизации, то западные этнические украинские территории долгое время входили в состав различных государств (Австро-Венгрии; Речи Посполитой; Румынии). Украинский исследователь В.А. Дергачев отмечает, что «территория Украины в современных границах сложилась в результате длительного развития на рубежах Запада и Востока, где под воздействием различных геополитических пространств сформировались три «плиты» Западной, Восточной и Южной Украины с социокультурными особенностями исторических областей. Исторический срок пребывания Западной Украины в западноевропейском геополитическом пространстве насчитывает 700 лет, Восточной и Южной Украины в российском геополитическом пространстве, соответственно, 300 и 200 лет. Причерноморье более двух тысячелетий прибывало в средиземноморском пространстве... Украинское общество формировалось преимущественно на западноевропейских и восточноевропейских социокультурных рубежах. С Запада пришли традиции индивидуализма и самоуправления, а от России - общинные традиции и достижения индустриализации. Рубежность традиций коллективизма и индивидуализма, неприятие «духа капитализма» для большинства людей с советским менталитетом затрудняют выбор «чисто» социалистического, капиталистического или традиционалистического путей развития» [Дергачев, 2001].

Различия исторической судьбы сформировали у населения разных украинских регионов ментальные и культурные особенности, которые проявляются в актуальной политике. «Украинское общество формировалось преимущественно на западноевропейских и восточноевропейских социокультурных рубежах. С Запада пришли традиции индивидуализма и самоуправления, а от России - общинные традиции и достижения индустриализации. Рубежность традиций коллективизма и индивидуализма, неприятие «духа капита-

лизма» для большинства людей с советским менталитетом затрудняют выбор «чисто» социалистического, капиталистического или традиционалистического путей развития» [Дергачев, 2001]. О том, как различаются западные и восточные украинцы писал бывший президент Украины Л.Д. Кучма. «Западный украинец, – отмечал он, – гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чём-то даже к австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу» [Кучма, 2003].

Важнейшим фактором, который «подогревал» и множил имеющиеся различия и противоречия между представителями разных регионов Украины, явилась идеологическая обработка населения страны в духе вражды к России. После распада СССР активно использовались электронные и печатные СМИ, в школах преподавали по идеологически выверенным учебникам по истории. Как писал в одном из своих интервью бывший президент Украины Л. Кравчук: «Украина может гордиться тем, что она есть и была, и стала в 1991 г. страной, которая развалила Советский Союз – последнюю империю наиболее страшную»¹. Не случайно профессор кафедры русского языка Института филологии Киевского национального университета им. Тараса Шевченко Л.Я. Кудрявцева говорит в интервью – «По школе бьют не случайно. Язык – он умирает или выживает именно в школе» [Кудрявцева, 2010. С. 18], также она отмечала «Любям вложили в головы: твой враг – москаль, вражеская страна – Россия и вражеский язык – русский. Да, это внушается не прямо, а исподволь, в школах, на уроках истории» [Кудрявцева, 2010. С. 18]. Рубеж XX-XXI вв. стал периодом активной идеологической обработки умов граждан Украины с целью усиления прозападных настроений в обществе. Власти страны тревожил тот факт, что более половины населения государства продолжало считать себя единой с Россией культурно-

духовной общностью. Согласно результатам репрезентативного для всей страны опроса, проведённого украинскими социологами в феврале 2000 г., половина (51 %) респондентов поддерживала идею объединения с Россией в одно государство [Шевченко, 2001. С. 269].

Таким образом, «Восток Украины (Левобережье и Слободская часть), Юг (Новороссия) и значительная часть Центра страны (Киевщина, Подолье) представлены населением с прочными православными культурными традициями. Они в течение многих веков находились в составе Российского государства, которое стало общей родиной для русских, украинцев и многих других народов. Западная же часть Украины (Волинь, Холмщина) вошла в состав России в конце XVIII – начале XIX в., а Галиция – в XX в. Их население находилось под влиянием не столько русских, сколько польских культурных традиций. Следовательно, если Юго-восток и в значительной мере Центр Украины исторически развивались в тесном духовном единении с русским, белорусским и другими народами Северо-востока Евразии, составляя евразийскую культурно-цивилизационную общность, то народы Запада Украины через влияние польской культуры, католицизма, протестантизма и униатства в духовном отношении оказались ближе к иной – западной (центрально-европейской) цивилизационной общности» [Циткилов, 2014. С. 17-35]. «Сила отталкивания» от России, одна из ключевых составляющих украинского самоопределения, ослабевает по мере движения с запада на восток. Русофобские, националистические настроения были сильны в Галиции, слабее на Правобережье, близки к нулю в Слобожанщине и Северном Причерноморье.

Характеризуя экономический потенциал Украины, отметим неоднородность ее регионов с точки зрения их промышленного и сельскохозяйственного развития. Понимание этих особенностей поможет нам в дальнейшем анализе структуры экономики Украины.

¹ Кравчук гордится тем, что развалил Советский Союз. // Информационное агентство Regnum. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2170020.html>.

Итак, если рассматривать западные регионы Украины (Винницкую, Ивано-Франковскую, Тернопольскую области), то их отличительной чертой является преобладание в структуре экономики сельского хозяйства и отраслей, которые специализируются на производстве и переработке сельскохозяйственной продукции. Конечно, ввиду того, что территория Украины располагает исключительно благоприятными агроклиматическими условиями для ведения сельского хозяйства: мягкий и теплый климат, равнинный рельеф, плодородные почвы (по большей части черноземы) – эта отрасль экономики занимает ключевые позиции во всех без исключения регионах страны. Однако на западе страны сельское хозяйство и отрасли пищевой промышленности являются ведущими отраслями в структуре экономик областей [Прилипухов, 2011. С. 610].

Сельскохозяйственный характер этих регионов и их роль в экономике Украины определились через исторические процессы, в зависимости от того, в состав каких государственных образований эти регионы входили в тот или иной исторический период.

Традиция развития сельского хозяйства на Западной Украине имеет давние исторические корни. Эти территории, еще пребывая в составе Речи Посполитой, уже были аграрными, а также торговыми. Например, Львов в то время был крупным торговым центром Восточной Европы. После первого раздела Речи Посполитой в 1772 г. между тремя монархиями, российской, прусской, австрийской, Западная Украина (тогда Галиция или Червоная Русь) вошла в состав Австро-Венгрии. Будучи ее частью, она играла роль своего рода колонии империи Габсбургов, которые их не имели. Поэтому западноукраинские земли были аграрно-сырьевым придатком к промышленности развитых центральных и западных провинций Австро-Венгерской империи².

² Западная Украина в период между русской революцией и Первой Мировой войной. // [Электронный ресурс]. <http://histua.com/ru/knigi/istoriya-ukrainy-ot->

Что касается восточных регионов Украины (Луганская, Донецкая, Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, Полтавская области), то здесь расположены основные промышленные активы Украины и отрасли, определяющие ее место в международном разделении труда. Ведущую роль в промышленности Восточной Украины занимают отрасли тяжелой индустрии: ТЭК, черная и цветная металлургия, машиностроение, отрасли, связанные с ВПК. Формирование современных черт хозяйствования на востоке Украины началось во второй половине XIX – начале XX вв. И было связано, в первую очередь, с открытием на этих территориях богатых залежей каменного угля (вторая половина XIX в.) и железной руды (1881 г.), что, в свою очередь, послужило открытию целого ряда металлургических заводов (первый металлургический завод в Восточной Украине был открыт английским инженером Дж. Юзом в 1872 г., позднее вокруг этого завода возник город, который получил имя основателя завода – Юзовка (современный Донецк)). В 1880-х гг. Донецко-Криворожский бассейн (ДонКравбас) занимал ведущие позиции в угледобывающей промышленности и черной металлургии. Во время индустриализации 20-30-х гг. XX в. были реконструированы старые и возникли новые заводы. Среди наиболее значительных промышленных объектов, построенных в первые десятилетия советской власти следует назвать Харьковский тракторный завод, «Запорожсталь», «Криворожсталь», каскад гидроэлектростанций на Днестре. Таким образом, Восток Украины в течение столетия превращается в мощную индустриальную базу не только Украины, но и всего СССР [Прилипухов, 2011. С. 609].

Таким образом, восточная и юго-восточная часть территории Украины стали ее индустриальным сердцем, дополненная сельскохозяйственным производством западных регионов, индустриальный потенциал этих регионов делал Украину важ-

нейшим элементом в двигателе экономики СССР.

После роспуска СССР, одним из наиболее активных инициаторов которого выступала Украина, ей досталось завидное наследство бывшей «красной империи». Всего промышленность УССР насчитывала около 300 отраслей. Здесь были сосредоточены флагманы советской индустрии: четыре АЭС, шесть ГЭС, Донецкий каменноугольный бассейн, Криворожский железорудный бассейн, 43 нефтяных, 114 газовых и 46 нефтегазовых месторождений, Южный машиностроительный завод, Киевский авиационный завод, заводы «Запорожсталь», «Азовсталь», «Криворожсталь», Донецкий металлургический завод, Харьковский моторостроительный завод и др. Не следует забывать и о мощном военно-промышленном комплексе, 1300 км черноморского побережья, многочисленных портах, курортах, 25% мирового чернозема, винодельческих хозяйствах Крыма. Вспомним и о развитой системе образования. В УССР функционировало 146 высших учебных заведений, в том числе 9 университетов. И все это на фоне второго по численности в СССР количества населения – 51 млн человек. Спустя двадцать с лишним лет после обретения независимости Украина демонстрирует, что воспользоваться таким потенциалом она не смогла. Кроме того, с 1990 по 2010 гг. удельный вес обрабатывающей промышленности на Украине снизился с 30 до 17%, в то время как доля добывающей индустрии возросла. Доля строительства уменьшилась с 7,5 до 3,5%. Если же брать структуру промышленного производства, то доля продукции машиностроения составляет всего 11,9% (в УССР в 1981 г. было 30,2%). Украина выплавляет сейчас чуть больше 35 млн т стали – против 52,6 млн т в 1990 г., вырабатывает 19,5 млн т стального проката – против 38,6 млн т. Степень износа основных средств в украинской экономике достигла 74,9%. В добывающей промышленности степень износа – 47,8%, в обрабатывающей – 66,8%, в сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды – 60,7%. В целом по

промышленности – 63%. Степень износа основных фондов на транспорте и связи – 94,4%! В 2005-2010 гг. было выведено из эксплуатации около 28,5 тыс. грузовых вагонов, а приобретено взамен чуть более 5 тыс. (в 2009 г. – ни одного!). У 35 тыс. вагонов был продлен срок службы. Уже к 2007 г. 90% блоков украинских теплоэлектростанций, сооруженных в 1970-е – 1980-е гг., исчерпали расчетный ресурс. На АЭС тоже приходит время закрывать старые блоки и вводить новые. Согласно прогнозам, к 2016 г. Украина столкнется с острым дефицитом электроэнергии и будет вынуждена импортировать ее. Столь же плачевная ситуация и в сельском хозяйстве. Его уровень в стране составляет лишь 81% от уровня 1990 г. Если в начале 1980-х гг. поголовье крупного рогатого скота насчитывало 25,5 млн голов, то ныне оно сократилось до 4,47 млн голов! Если в 1990 г. Украина выдала 6,4 млн т мяса и 24,5 млн тонн молока, то сегодня данные показатели составляют 3 и 11,1 млн т соответственно³.

Для Украины характерна именно чудовищная степень концентрации капитала. На долю сотни богатейших украинцев приходится 38% ВВП – почти вдвое больше, чем в России (20%); для развитых стран обычно характерна цифра в 10-11%⁴. На момент кризиса 2014 г. фактически в нишей стране насчитывается 35 тыс. миллионеров и около 25 миллиардеров. В глобальном рейтинге миллиардеров по версии Forbes Украину представляют 10 человек: Р. Ахметов (15,4 млрд долл.), В. Пинчук (3,8 млрд долл.), И. Коломойский (2,4 млрд долл.), В. Новинский (1,9 млрд долл.), Г. Боголюбов (1,7 млрд долл.), Ю. Косяк (1,6 млрд долл.), П. Порошенко (1,6 млрд долл.), К. Жеваго (1,5 млрд долл.), С. Тигипко (1, 2 млрд долл.),

³ Королев Д. Экономика Украины: проблемы роста [Электронный ресурс]. URL: <http://odnarodyna.com.ua/content/ekonomika-ukrainy-problemy-rosta>

⁴ Майдан миллиардеров: как относятся к евроинтеграции богатейшие украинцы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/biznes/248736-maidan-milliardero-kak-otnosyatsya-k-evrointegratsii-bogateishi/photo/10>

А. Вереvский (1 млрд долл.) [5]. На эту первую десятку приходится почти половина капитализации сотни богатейших украинцев. Подавляющее большинство крупных состояний основано на экспорте товаров с крайне низкой добавленной стоимостью, преимущественно на Запад. Разрыв между категориями самых бедных и самых богатых на Украине составляет 1:35. В Европе этот показатель составляет 1:6, в Китае – 1:10, в России – 1:15 (официально) и 1:20 (неофициально) [Станис, Курылев, 2014. С. 178-182].

Этнический фактор.

Что касается этнического состава Украины, то титульным народом Украины являются украинцы (согласно переписи населения 2001 г., они составляют 77,82%). Во всех регионах, кроме Крыма, украинцы являются самой многочисленной этнической группой. Практически моноэтнична Тернопольская область, где украинцы составляют 97,8% населения. Согласно исследованиям Киевского международного института социологии, этническую структуру Украины составляют примерно 62% моноэтнических украинцев, 23% биэтнических русско-украинцев, 10% моноэтнических русских и 5% людей из других этнических групп. Более 22% населения Украины составляют другие этносы: русские 17,1% (8,3 млн чел.), белорусы (0,57%, 274 тыс. чел.), молдаване (0,54%, 228,5 тыс. чел.), болгары (0,42%, 182,8 тыс.), поляки (0,3%, 137,1 тыс.), венгры (0,32%, 149,5 тыс. чел.), крымские татары (0,5%, 248,2 тыс. чел.), другие 1,8% [10]. Самая многочисленная этнографическая группа – гуцулы. Их в Украине 21,4 тыс., в основном на Ивано-Франковщине. Автохтонным населением Путивльщины с древнерусских времен являются русские, заселившие эти территории ранее или одновременно с украинцами. Местным законодательством Крыма коренным народом признаются также крымские татары (0,51%), караимы (1196 чел.) и крымчаки (406 чел.). Закарпатский областной совет 7 марта 2007 г. принял решение признать русинов коренной национальностью в Закарпатье (цен-

тральное украинское законодательство не признает русинов отдельным народом)⁵.

Как отмечает Р.А. Медведев, «...с точки зрения национально-культурной: можно четко выделить три примерно равные по численности группы граждан страны. Во-первых, это этнические украинцы, для которых родным языком является украинский и которые выросли, руководствуясь понятиями и ценностями украинской культуры. К их числу относятся практически все жители Западной Украины, а также большинство сельских жителей в центральных областях республики. Вторую группу составляют этнические украинцы, с детства, говорящие на русском языке и воспитанные на основе русской культуры. Эта часть граждан страны проживает в основном в городах Приднестровья, а также в селах Слободской Украины и Полесья. Третья группа – этнические русские, для которых родным языком был и остается русский, и мировоззрение их сформировано на базе русской культуры» [Медведев, 2007. С. 14].

Трагические события «февральской революции» рубежа 2013-2014 гг. на Украине со всей очевидностью в очередной раз выявили наличие глубокого внутреннего раскола в украинском обществе. Список погибших на Евромайдане во многом объясняет содержание этих событий. Данный мортиролог свидетельствует не только о социально-политических, но и этноконфессиональных истоках происходящей на Украине турбулентности. Участники Евромайдана своим этническим составом ярко продемонстрировали наличие глубокой социокультурной и политической дифференциации Украины. Ведь основную часть погибших (2/3) составили жители Западной Украины и активисты из сел и небольших городов Центральной Украины, в первую очередь из Хмельницкой и Винницкой областей, тяготеющих к западу страны. Именно они стали движущей силой Евромайдана [Курылев, Станис, 2014. С. 114-117].

⁵ Население Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ua.spinform.ru/people.html>

Конфессиональный фактор.

Давайте разберемся в весьма запутанной конфессиональной ситуации, которая сложилась на Украине. На сегодняшний день в этой стране существует так называемый «церковный узел», состоящий из Украинской православной церкви Московского Патриархата (УПЦ-МП, Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (УПЦ-КП) и Украинской Автокефальной Православной церкви (УАПЦ). Напомним, что процессы, связанные с демократизацией церковной жизни и распадом СССР, привели к нарастанию напряженности в православной религиозной среде на Украине. В 1992 г. по инициативе главы Украинской православной церкви (УПЦ) митрополита Филарета и главы УАПЦ патриарха Мстислава состоялся Объединительный собор, который создал на базе УПЦ и УАПЦ Украинскую православную церковь – Киевский патриархат (УПЦ-КП). Но решения этого собора не нашли поддержки среди части клира и мирян УАПЦ. Они не вошли в объединенную церковь. В июне 1995 г. состоялась регистрация государственными органами Устава УАПЦ. Московский же патриархат еще в 1992 г. провел в Харькове епископское собрание, на котором вместо митрополита Филарета главой УПЦ был избран митрополит Владимир. Возглавляемая им УПЦ-МП – единственная признанная прочими поместными православными церквями православная церковная структура на Украине, самоуправляемая Церковь в составе Московского Патриархата с правами широкой автономии. Кано́ничность УАПЦ и УПЦ-КП не признается поместными православными церквями. В докризисный период УПЦ-МП за исключением трёх областей Галичины (Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской) была доминирующей конфессией на всей территории страны. УПЦ-КП имела влияние среди верующих в основном на западе Украины – в Галиции и на Волыни, а также в Киевской и Черкасской областях. Ни в одной области Украины УПЦ-КП не являлась доминирующей конфессией: на западе Украины таковой является Украин-

ская греко-католическая церковь. В трёх областях Галиции УПЦ-КП имела больше приходов, чем УПЦ-МП. Прихожане УАПЦ проживали в основном в Киевской, Харьковской, Полтавской, Одесской, Черкасской, Львовской, Винницкой, Ивано-Франковской и Тернопольской областях [Курылев, Станис, 2014. С. 114-117].

Таким образом, Украина – страна, отличающаяся глубоким внутренним расколом по целому ряду параметров: политическому, экономическому, социальному, этническому, конфессиональному. Такое разделение провоцировало внутренние конфликты, которые в течение более чем 20 лет независимой жизни страны пребывали в латентном состоянии, накапливаясь и обостряясь. Однако государственный переворот февраля 2014 г. и выбор новым властями Украины национально-идентификационного проекта развития государственности, пришедшего на смену прежнему, рационально-бюрократическому, основанному на фундаменте из гремучей смеси собственных идеологических (националистических) конструктов (т.н. украинстве) и, воспринятых посредством агрессивной пропаганды, западных ценностей, привели Украину к «внутреннему взрыву» и геополитической декомпозиции.

Украина после распада СССР никак не могла определиться со своим внешнеполитическим выбором. И это было, пожалуй, для нее хорошо! Для Украины с ее исторически сложившимся геополитическим положением, между Россией и Западом, которое можно охарактеризовать как цивилизационно расколотое, оптимальной формулой внешнеполитического поведения было осторожное продвижение вперед и маневрирование среди крупных центров влияния, между которыми она оказалась зажата. И в течение всего постсоветского периода Украина и балансировала между Россией и Западом. Но после переворота она резко изменила вектор своей внешней политики и взяла четкий евроатлантический курс, который сопровождается разрывом большинства связей с Россией. Пожалуй, даже не

столько смещение В. Януковича с поста президента погубило Украину, сколько нарушение ею сложившегося баланса.

Таким образом, украинский кризис – системный кризис. Сегодня, с учетом всех спровоцировавших факторов, его остроты, уровня и характера, кажется, что по-другому быть и не могло: рано или поздно эта «бомба» должна была взорваться. Начал развиваться не просто кризис, но распад государственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курылев. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. — 496 с.
2. Дергачев В.А. Геополитическая судьба Украины // Всеукраинская газета <День>, №124 17.07.2001.
3. Кудрявцева Л.Я. «Сейчас для нас Гоголь – иностранный автор». // Журнал «Огонёк-Коммерсантъ». – 2010. – № 4. – С.18.
4. Курылев К.П. Внешняя политика Украины в контексте формирования европейской системы безопасности в Европе. М., РУДН, 2014. 531 с.
5. Курылев К.П., Станис Д.В. Этноконфессиональная ситуация на Украине как фактор внутривосточной нестабильности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 114-117.
6. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. 2003.
7. Медведев Р. А. Расколота Украина. М.: ИНЭС; МАИБ, 2007.
8. Никифоров А.Р. «Геополитический смысл Украины». Русский геополитический сборник. 2010. № 4. С. 75-90.
9. Новая идентичность и конфликтный потенциал постсоветского пространства. Сборник научных статей. Под ред. д.и.н. К.П. Курылева. — М.: РУДН, 2017. 178 с.
10. Прилипухов А.А. Особенности территориальной организации экономики Украины. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. Выпуск № 2 / том 16 / 2011. С. 610.
11. Sakva R. Back to the wall: myths and mistakes that once again divide Europe. – Russian Politics. 2016. Т. 1. № 1. С. 1.
12. Станис Д.В., Курылев К.П. Влияние социально-экономической ситуации на Украине на ее внутривосточную нестабильность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 178-182.
13. Суций С. Украина, Россия и Мир. Кризис 2014 года: предпосылки, последствия, этнополитические перспективы. М.: URSS, 2015. С. 10. С. 11.
14. Циткилов П.Я. Политический кризис в Украине конца 2013–2014 гг.: истоки и предварительные уроки [Текст] / П.Я. Циткилов // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 4. – С. 17-35.
15. Шевченко А. Украина // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2000. Под ред. В.А. Тишкова и Е.И. Филипповой. М.: ИЭА РАН 2001, С. 269.

Сведения об авторе: Курылев Константин Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

DETERMINATING FACTORS OF PERMANENT INSTABILITY IN UKRAINE

K.P. Kurylev

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. In November 21, 2017, it was three years since the mass protests began in the center of Kiev. It began in response to the suspension of President Viktor Yanukovich sign-

ing an agreement on the association between Ukraine and the European Union. This action was supported by means of the population unrest in other cities of Ukraine. These events, which eventually took the form of armed confrontation, accompanied by the seizure of administrative buildings, eventually led to a coup d'état on 21 February 2014 and the seizure of power in the country by radical nationalists. Since then, the Ukrainian crisis has firmly taken the leading positions among the problems, which solution has a direct impact on European security and the whole system of international relations. The crisis clearly revealed the imperfection of the security system operating in Europe, based on NATO's dominant role and the peripheral nature of the Russian factor. For Ukraine, the events of late 2013 - early 2014. became a turning point, the former foreign policy concept collapsed, and a new alternative was established. The country, throughout the post-Soviet period, balancing between Russia and the West, dramatically changed the vector of its foreign policy and took a clear Euro-Atlantic course. That caused the geopolitical decomposition of Ukraine, and plunged it into the abyss of civil war. The present article is devoted to the analysis of the factors that have provoked the crisis in Ukraine. The author considers the historical, economic, ethno-confessional, geopolitical factors that determined the permanent instability in the Ukrainian state, implementing the methods of systemic analysis, historical- and political analytical methods.

Keywords: Ukraine, crisis, disunity, instability.

REFERENCES

1. Foreign policy of the CIS countries: Proc. allowance for students of universities / Ed.-Comp. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. - Moscow: Aspect Press Publishing House, 2017. - 496 p.
2. Dergachev V.A. The geopolitical fate of Ukraine // All-Ukrainian newspaper "Day", # 124 July 17, 2001.
3. Kudryavtseva L.Ya. "Now for us, Gogol is a foreign author." // Magazine Ogonyok-Kommersant. - 2010. - № 4. - P.18.
4. Kurylev K.P. Foreign policy of Ukraine in the context of the formation of a European security system in Europe. Moscow: Publishing house of the PFUR, 2014. 531 p.
5. Kurylev K. P., Stanis D.V. Ethno-confessional situation in Ukraine as a factor of internal political instability // Historical, philosophical, political and juridical sciences, culturology and iskusstvovedenie. Issues of theory and practice Tambov: Diploma, 2014. № 5 (43): in 3 hours Part III. C. 114-117.
6. Kuchma L.D. Ukraine is not Russia. 2003.
7. Medvedev R. A. The Broken Ukraine. Moscow: INES; MAIB, 2007.
8. Nikiforov A.R. "Geopolitical meaning of Ukraine"/ Russian geopolitical collection. 2010. № 4. P. 75-90.
9. New identity and conflict potential of the post-Soviet space. Collection of scientific articles. Ed. Doctor of History K.P. Kuryleva. - Moscow: RUDN, 2017. 178 p.
10. Prilipukhov AA Features of the territorial organization of the economy of Ukraine. // Bulletin of Tambov University. Series: Natural and technical sciences. Issue number 2 / volume 16 / 2011. P. 610.
11. Sakva R. Back to the wall: myths and mistakes that once again divide Europe. - Russian Politics. 2016. T. 1. No. 1. C. 1.
12. Stanis D.V., Kurylev K.P. Influence of socio-economic situation in Ukraine on its internal political instability // Istoricheskie, philosophical, political and legal sciences, culturology and art history. Issues of theory and practice Tambov: Gra-mota, 2014. No. 7 (45): in 2 hours C. I 178-182.
13. Suschiy S. Ukraine, Russia and the World. The crisis of 2014: prerequisites, consequences, ethnopolitical perspectives. Moscow, URSS, 2015. P. 10-11.
14. Tsitkilov P.Y. Political crisis in Ukraine at the end of 2013-2014: sources and preliminary lessons [Text] / P.Ya. Citilov // Socially-humanitarian knowledge. - 2014. - No. 4. - P. 17-35.
15. Shevchenko A. Ukraine // Interethnic Relations and Conflicts in the Post-Soviet

States. Annual report, 2000. Ed. V.A. Tishkova and E.I. Filippova. Moscow: IEA RAS 2001, p. 269.

About the author: Kurylev Konstantin Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kurylev_kp@rudn.university).

ЭКОНОМИКА УКРАИНЫ УСЛОВИЯХ КРИЗИСА В 2017 Г.

А.В. Гушин, И.Е. Ханова

Российский государственный
гуманитарный университет, Москва,
Россия

Аннотация. В статье рассматриваются основные вопросы развития украинской экономики в 2017 г. Анализируются показатели экономического роста, инфляции, данные по различным отраслям. Характеризуется положение украинской промышленности. Авторы дают характеристику бюджету Украины на 2018 г., делают прогноз относительно реалистичности его показателей, дают оценку пенсионной и медицинской реформе в Украине. Статья содержит прогноз экономического развития Украины в 2018г.

Ключевые слова: Украина, экономика, экономический рост, инфляция, инвестиции, бюджет

Основные тенденции

2017 год на первый взгляд, трудно назвать годом судьбоносным для Украины. Действительно, событий, сравнимых с теми, которые происходили в стране в 2014-2015 гг. не произошло, но тем не менее, подводя итоги 2017 г., можно выделить несколько важных тенденций, которые не просто стали отличительными чертами самого года, но зачастую получили свое развитие, начавшись в предшествующий период. И большое значение среди таких тенденций имеют экономические тренды.

Несмотря на то, что зачастую к экономике Украины приковано не такое большое внимание как к внутривнутриполитической жизни или, тем более, конфликту на Донбассе, анализ экономических показателей позволяет более детально оценить социальную ситуацию. Через призму экономики можно сделать определенные выводы относительно эффективности внешнеполитического курса, определить, какие из экономических проблем являются наиболее важными для страны и окажут наиболее сильное влияние на нее в

последующие годы.

Среди ключевых показателей 2017 г., можно выделить несколько наиболее значимых. Один из наиболее важных — это показатель экономического роста. По итогам 2017 г. экономический рост составил порядка 2%, в то время как планировался рост в 3 %, а потом первоначальные показатели правительство вынуждено было скорректировать¹. Этого совершенно недостаточно для того, чтобы не только в отдаленной перспективе выйти на «домашний» уровень, но и хотя бы в какой-то степени амортизировать последствия того провала, который наблюдался в 2014-2016 гг. и привел к серьезным изменениям не только в макроэкономических показателях, но сопутствовал изменению структуры экономики.

Рост в 2-3 % и это кстати касается не только Украины, не обеспечивает догоняющего развития, напротив, отставание от общемировых темпов роста при таких низких темпах роста национальных экономик только увеличивается. Для того, чтобы достичь домашнего уровня такими темпами потребуется не менее 10 лет. При этом соседи Украины - Польша, Румыния, Венгрия демонстрируют годовые показатели роста в 3-5 %², развивающиеся страны мира идут с темпом в 4,5 %, а темпы мирового роста с учетом более низких показателей развитых стран составляют порядка 3%³. В данном контексте не следует руководствоваться аргументами о том, что характер погашения долговых обязательств

¹ Кабмин не ждет быстрого роста ВВП в ближайшие годы. URL: https://lb.ua/economics/2017/05/31/367834_kabmin_z_hdet_bistrogo_rosta_vvp.html (дата обращения: 01.01.2018).

² Динамика ВВП Польши 1986-2017 годы URL: <https://seosait.com/dinamika-gdp-polska-1986-2017/> (дата обращения: 30.12.2017).

³ МВФ улучшил прогноз роста мировой экономики в 2017-2018 г. - до 3,6% и 3,7%. URL: <http://www.finanz.ru/novosti/aktsii/mvf-uluchshil-prognoz-rosta-mirovoy-ekonomiki-v-2017-2018-g-do-3-6percent-i-3-7percent-1003665124> (дата обращения 30.12.2017)

Украины напрямую связан с ростом ВВП и что долговые расписки привязаны к темпам роста. Все равно дополнительные средства и возможности выкупа могут появиться только при высоком росте, так что последний является неотъемлемым и важнейшим индикатором улучшения положения украинской экономики. Пока же он крайне недостаточен, что вынуждено было признать правительство, меняя в сторону уменьшения свои прогнозы.

Обращая внимание на рост экономики, следует дать оценку и его природе, взять в расчет не только количественные показатели, но и качественные. В Украине экономический рост обеспечивается не только и не столько ростом промышленного производства. Напротив, рост достигается за счет увеличения налоговой нагрузки, роста импорта, а не за счет создания промышленных точек роста, укрепления производственного сектора, который за исключением отдельных секторов, в частности строительного, по-прежнему демонстрирует падение. По сути можно уверенно говорить о том, что 2017 г., несмотря на довольно бравурные отчеты правительства стал годом стагнации производства в Украине. И стагнация эта происходит на фоне того катастрофического провала производства, который наблюдался в первые годы после Евромайдана.

За 11 месяцев 2017 г. рост именно производства составил всего 1%, что было обусловлено во многом ростом строительного сектора, хотя есть и серьезные проблемы с введением в строй объектов и сбытом построенного жилья. Другие сегменты вовсе не так динамичны. Например, производство электроэнергии выросло всего на 1 %⁴, а падение в сельском хозяйстве, развитие которого, по мнению некоторых должно было превратить Украину в аграрную державу, составило 2,8% по сравнению с данными

по аналогичному периоду 2016 г.⁵ Аграрный экспорт в Европу наращивается, но это, в первую очередь, не продукция высокой переработки, а сельскохозяйственное сырье.

В отношении экономического роста в 2017 г. нельзя не отметить также такой фактор как блокада Донбасса, который, довольно серьезно повлиял на показатели экономического роста в 2017 г., «съев» по оценкам экспертов более 1 %⁶. Хотя вероятнее всего стоит говорить о показателях в 0,8-1%, но тем не менее, это довольно важный фактор, который оказал существенное влияние на экономический рост в 2017 г. Конечно, однозначно негативно оценивать ситуацию с экономическим ростом в 2017 г. нельзя, все же он, путь и ограниченный наблюдается. Но не позволяет пока говорить о том, что Украина встала на путь устойчивого развития, тем более, что скромные показатели роста соседствуют с довольно тревожными иными важными показателями.

За 11 месяцев прошлого года инфляция в Украине выросла на 14,5%, в то время как в бюджет Украины на 2017 г. закладывался уровень инфляции немногим более 7%⁷. Это самый высокий уровень инфляции в Европе и один из самых высоких в мире. Наблюдался серьезный рост цен, особенно на мясо, прежде всего сало, и молочные продукты, что говорит о том, что правительство в принципе не справилось со своими обещаниями по инфляции, даваемыми в начале года и провалило курс на ее таргетирование. Не в последнюю очередь, по мнению

⁴ Производство электроэнергии в Украине за 11 мес. 2017 г. увеличилось на 1.1%. URL: <http://uaenergy.com.ua/post/30382> (дата обращения 20.12.2017)

⁵ Сельхозпроизводство в Украине за 11 мес.-2017 сократилось на 2,8%. URL:

<http://interfax.com.ua/news/economic/470208.html> (дата обращения 02.01.2018)

⁶ Блокада Донбасса. Украина потеряла 1,5% роста ВВП - замминистра

РИА Новости Украина. URL:

<https://rian.com.ua/economy/20170810/1026619364.html> (дата обращения 03.01.2018)

⁷ Сулов: В Украине нет реальных точек роста экономики. URL:

<http://mignews.com.ua/biznes/19297027.html> (дата обращения 04.01.2018)

авторитетных украинских экспертов в области банковского сектора и экономики, это было связано с качеством руководства Национального банка Украины, как до отставки Гонтаревой, так и после таковой, что аргументируется тем, что банку пришлось прибегать к эмиссии в условиях крайне спорной зачистки банковской системы. Эта ситуация в частности способствовала дальнейшему ухудшению торгового баланса. По данным Государственной службы статистики Украины импорт товаров и услуг в Украину в январе-сентябре составил 39,285 миллиарда долларов, экспорт – 38,08 миллиарда долларов. Внешнеторговый баланс Украины по итогам января-сентября 2017 года сведен с дефицитом в 1,205 миллиарда долларов против 606,7 миллиона долларов профицита за аналогичный период предыдущего года⁸.

Довольно сложное положение сохраняется в украинской энергетике, даже в условиях некоторого увеличения производства газа и его транзита. Несмотря на рост этих показателей, Украина по-прежнему крайне зависима от импорта продуктов нефтепереработки. В настоящий момент функционирует один НПЗ в Кременчуге, находящийся в ведении Коломойского, остальные, в том числе на Западной Украине практически стоят, а один потерян в результате боевых действий.

По данным украинского министерства финансов, на конец сентября общий государственный долг Украины превысил 2 триллиона гривен, достигнув, в долларовом эквиваленте суммы в 77,03 млрд долларов. При этом наблюдаются кризисные тенденции в отношении коммерческих долгов предприятий.

Довольно серьезной проблемой для украинской экономики стал назревающий кадровый голод – миграционные процессы постепенно вымывают из экономики кадры высокого профессионального уровня,

которые предпочитают ехать на заработки в Европу, а некоторые люди остаются там навсегда. Население страны при этом сократилось сегодня до 42 миллионов, но на самом деле на территории страны постоянно находится еще меньшее число ее граждан, а по скорости сокращения населения показатели Украины одни из самых плохих показателей в мире⁹. Важным фактором в украинской экономике и социальной жизни остается не только деиндустриализация, которая набирает обороты – доля агросектора в общем объеме экспорта составила уже 38 %¹⁰, но и аграризация города в социальном и как следствие в ментальном смысле за счет перетока людей из мелких городов и деревни и оттока горожан на заработки за границу. Не оправдались пока надежды на расширение экспорта в ЕС и выполнение Евроассоциации, которая по словам самого президента Украины выполнена на 15 %¹¹.

Довольно тревожным для Украины событием стало охлаждение отношений с МВФ, Украина получила только один транш в 1 млрд. долл., остальные не были предоставлены, и это при том, что МВФ требует от украинских властей еще повышения цен на газ, более активной борьбы с коррупцией и создания полноценного рынка земли. Что касается последнего, то продление моратория на ее продажу, было бы объяснимо. с точки зрения, охраны экономического суверенитета, но в том случае, если бы правительство проводило принципиально

⁹ Демографическая ситуация в Украине: Количество населения продолжает сокращаться. URL: <https://health.unian.net/country/2306721-demograficheskaya-situatsiya-v-ukraine-kolichestvo-naseleniya-sokraschaetsya.html> (дата обращения 04.01.2018)

¹⁰ Первая продукция украинского производителя поступила к потребителям в ЕС-Павленко. URL: <https://economics.unian.net/agro/1316902-pervaya-produktsiya-ukrainskogo-proizvoditelya-postupila-k-potrebitelyam-es-pavlenko.html> (дата обращения 04.01.2018)

¹¹ Порошенко: Евроассоциация Украины — поражение Кремля. URL: <https://iz.ru/617967/2017-07-11/poroshenko-evroassotciatciia-ukrainy-porazhenie-kremlia> (дата обращения 05.01.2018)

⁸ Экспорт Украины. Импорт Украины. Графики. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua/> (дата обращения 04.01.2018)

иной общий курс. Пока же реализуется курс, основой которого является стремление получить новые кредиты от МВФ, появляются сомнения относительно того насколько успешно удастся выстроить отношения Украины с МВФ в 2018 г. в условиях моратория. Другой вопрос, что само влияние МВФ на экономику трудно оценивать позитивно, однако, это уже проблема экономической стратегии. Протекционизм же и опора на производство – понятия, конечно, явно не из словаря нынешней украинской власти и, если исходить из ее нынешнего вектора действий, не очень понятно, как можно реализовывать сотрудничество с МВФ, не выполняя его предписаний.

Существующий экономический курс в сторону углубления сотрудничества с Европой и международными финансовыми организациями под эгидой США не привел и к росту инвестиций. Если ранее объемы прямых иностранных инвестиций в украинскую экономику оценивались в отдельные периоды до 10 млрд долларов в год, то в последнее время, они составляют примерно 2,5 млрд, что совершенно недостаточно¹². Кроме того, по данным ведущих мировых рейтинговых агентств, таких как Fitch, инвестиционный потенциал Украины на очень низком уровне и некоторое улучшение, зафиксированное в отношении климата для бизнеса от Doing Business, не может ввести в заблуждение, ибо показатели, которые демонстрирует Украина по сравнению с передовыми странами все равно очень низкие¹³.

В качестве успеха правительство зачастую приводит проведение

пенсионной реформы, но по большому счету в ее результате дифференциация пенсий даже сократится, введение в качестве индикатора страхового стажа, который действует только с 2004 г. может привести к тому, что ряд лиц не смогут предоставить доказательства своей работы, учитывая то, как функционировали украинские фирмы в 1990-е гг. По сути реформа, главная составляющая, которой снижение коэффициента с 1,35 до 1 и страховой стаж вряд ли приведет к сокращению дефицита пенсионного фонда. Такие же параметры как облигации пенсионного фонда, совмещение накопительной и солидарной системы не предполагаются.

Серьезные негативные моменты заложены и в осуществляемой медицинской реформе. Вызывают очень серьезные вопросы как к самим ценам на медицинское обслуживание при сложных, так и к таким параметрам как отсутствие фельдшера в машине скорой помощи и предполагаемое наличие в ней одного парамедика, переход на систему семейных врачей, которые скорее всего не решат проблему очередей, создание национальной службы здоровья, которая аккумулирует огромные средства. При этом в Украине отсутствует обязательное медицинское страхование, что могла бы быть первым шагом в реформе. В нынешнем же виде реформа фактически направлена только на людей, имеющих средства для оплаты медицинских услуг.

Конечно, нельзя сказать, что в экономике Украины вообще не было обнадеживающих маркеров. К примеру, курс гривны оставался относительно стабильным, и валюта была девальвирована всего на 4 % к 2016 г., что не так много. В целом удалось не допустить коллапса экономики, а в отдельных отраслях, как, например, в добыче и транзите газа удалось добиться роста¹⁴. Правительство пошло на

¹² Иностранные инвестиции: в 2017 г. Украина получила в 2 раза меньше, чем в худший год. URL: <https://1fin.biz/inostrannyye-investitsii-v-2017-godu-ukraina-poluchila-v-2-raza-menshe-chem-v-hudshiy-god> (дата обращения 08.01.2018)

¹³ Официально: Украина поднялась в рейтинге Doing Business.

URL: <https://www.segodnya.ua/economics/business/oficialno-ukraina-podnyalas-v-reytinge-doing-business-1068371.html> (дата обращения 08.01.2018)

¹⁴ Украина в 2017 году увеличила добычу газа почти на 4%. URL: <http://gordonua.com/news/money/ukraina-v-2017-godu-velichila-dobychu-gaza-pochti-na-4-224536.html> (дата обращения 06.01.2018)

повышение минимальной заработной платы, которая составляет теперь в 3723 гривны, а средняя зарплата составила 8 тыс 600 гривен. Прожиточный минимум при этом составляет теперь 1700 гривен.

Тем не менее, эффект от этих нововведений будет в 2018 г. довольно ограниченным. Бизнес в таком случае зачастую идет в тень и произойдет еще большее перераспределение зарплат в сторону серой части. Уровень теневой экономики в стране при этом соответствует как минимум уровню в 37%¹⁵. 40% украинских предприятий платит зарплату в конвертах. Не следует забывать и про налогообложение, база которого за счет увеличения показателей по зарплатам увеличивается. Еще одним важным фактором в данном контексте может быть и фактор политический. 2019 г. является годом выборов и уже сейчас своими решениями власть по сути стремится обеспечить себе несколько лучшие, чем имеются сегодня стартовые показатели перед началом этой кампании.

В качестве одного из позитивных итогов 2017 г. обычно приводится получение Украиной безвизового режима. На самом деле, тем не менее, это скорее либерализация визового режима, которая окажет лишь ограниченное позитивное влияние. Это событие действительно можно признать относительным успехом, но оно не окажет серьезного влияния на социально-экономическую ситуацию в стране в условиях общих негативных макроэкономических показателей.

Что касается бюджета, принятого Верховной Радой Украины на будущий год, в целом можно считать его наследником бюджета 2017 г. Доходы предусмотрены на уровне 913,6137 млрд. гривен, расходы – 988,6343 млрд. С 1 января следующего года прожиточный минимум будет составлять 1700 гривен, с 1 июля – 1777 гривен, с 1 декабря – 1853 грн. Документ разработан, исходя из прогноза инфляции 9% и роста

ВВП в 3%. В бюджет заложен курс гривны 29,3 гривны за доллар США¹⁶.

В нынешних условиях выполнить те показатели, которые заложены в бюджет будущего года будет довольно сложно, что кстати подтверждают отличающиеся от правительственных оценки МВФ и ЕБРР. Вероятнее всего, в следующем году стоит ожидать роста ВВП на уровне 1,5% и инфляционные показатели в 12-13%, курс гривны будет балансировать в районе отметки 30 гривен за доллар США. При этом он может серьезно колебаться в течение года. Еще одним важным фактором в стабильности гривны в будущем году будет фактор поддержания цен на сырье на мировых рынках. Экспорт Украины на 80% состоит из сырьевых ресурсов, в частности руды, металлы. На курс гривны косвенно может влиять и вероятное повышение ставки ФРС, что приводит к укреплению доллара США и, соответственно, оказывает давление на стоимость сырьевых товаров¹⁷. Довольно высокой по-прежнему является доля военных расходов бюджета - порядка 5 %, однако расходы эти не содействуют пока превращению ВПК, производящего продукцию с высокой добавленной стоимостью, в один из драйверов развития экономики страны. Дополнительную нагрузку на экономику могут оказать и политические выборные факторы, когда власть может начать раздавать обещания, часть из которых придется хотя бы в каком-то виде выполнять.

При ставке Нацбанка в 14.5 % и прогнозе инфляции на 2018 г. в 9% условия для работы бизнеса создаются крайне неблагоприятные. Чтобы увеличить реальную зарплату в таком случае реальные показатели инфляции должны быть порядка 20%. 2019-2020 гг. также являются пиковыми с точки зрения внешних выплат по долгам. Уже

¹⁵ В Украине уровень теневой экономики достиг 37%. URL: <https://euroua.com/ukraine/economic/11529-v-ukraine-uroven-tenevoj-ekonomiki-dostig-37> (дата обращения 06.01.2018)

¹⁶ Курс доллара - почти 30. Главные цифры бюджета-2018. URL: <https://strana.ua/news/93053-bjudzhet-ukrainy-2018-hlavnye-tsifry.html> (дата обращения 06.01.2018)

¹⁷ Ставка ФРС ударит по экспорту Украины. URL: https://uifuture.org/ru/post/frs-rate-will-hit-ukraines-exports_547 (дата обращения 06.01.2018)

следующем 2018 г. Украина должна уже выплатить 6,5 млрд долл. долгов¹⁸, и это без учета так называемого «Долга Януковича».

Исходя из всего этого, вероятнее всего, 2018 г. также, как и 2017 будет годом стагнации, а 2019 и 2020 гг. грозят быть более рискованными, чем прошедший для украинской экономики. Несмотря на то, что украинский бизнес и представители экспертного сообщества все более осознают необходимость политики протекционизма, и новой промышленной политики, пока основной тенденцией остается деиндустриализация, рост кредитной зависимости и разочарование в реформах в обществе. 74% опрошенных, как свидетельствуют данные опроса Фонда «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива совместно с социологической службой Центра Разумкова, считает, что Украина в целом движется в неправильном направлении¹⁹.

В настоящий момент становится все более очевидным, что односторонний внешнеполитический курс, сочетаемый с сознательной политикой аграризации и ультралиберальными фрагментарными реформами не может обеспечить поступательное развитие страны и компенсацию тех потерь, которые страна понесла за три последних года. Показатели украинской экономики 2017 г., несмотря на то, что он в целом стал годом скорее стагнации, чем падения, только подтверждают этот тезис.

Сведения об авторах. Гуцин Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: aguschin78@mail.ru); Ханова Ирина Евгеньевна, доцент

¹⁸ Резкое повышение минимальной зарплаты до 4100 сорвет все балансы.
URL:

<http://finance.liga.net/economics/2018/1/4/interview/56184.htm> (дата обращения 08.01.2018)

¹⁹ События в Украине развиваются в неправильном направлении, убеждены 74% опрошенных украинцев – опрос.
URL:

<http://interfax.com.ua/news/political/473137.html> (дата обращения 08.01.2018)

Российского государственного гуманитарного университета

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. К 25-летию СНГ. Внешняя политика стран СНГ, М, 2017. 496 с.
2. Постсоветское пространство. 25 лет спустя: прошлое, настоящее, будущее. М.2017.
3. Экономическая оценка перспектив вступления Украины в таможенный союз на примере производственной сферы экономики харьковской области. Харьков-Белгород, 2013. URL: <http://euroregion.icbci.info/files/Monography.pdf>
4. Бондарь Н. Компаративный анализ социально-экономического развития Украины//Экономика Украины.К.2011.№9 С.64-75.
5. Вардомский Л. Экономика Украины в двадцатилетней ретроспективе между советским наследием и европейским выбором. Российский экономический журнал, 2012. №5. С.81-98.
6. Геец В. Тенденции макроэкономического развития Украины в условиях кризиса. Вестник Института экономики РАН, 2011.С.59-77.
7. Герасимова Р. Украина: 20 лет движения к капитализму//Современная Европа,2012.№3 С.39-54.
8. Ещенко П., Арсеев А. Восстановление социально-экономического развития - приоритет номер один в мире и в Украине // Экономика Украины. - К., 2012. - №1. - С.36-50.
9. Жильцов С.С. Политические процессы на Украине итоги и вызовы для России // Россия – Украина. Гуманитарные и экономические основы стратегического партнерства. Шаги к модернизационному альянсу? М., 2012, С.68-76.
10. Кубликов В.К. Направления системной трансформации финансовой системы Украины // Стратегии развития финансовых рынков стран СНГ: сб. науч. ст. - М., 2012. - С.14-23.
11. Модернизация украинской и

- белорусской экономик: методология, теория, практика. Острог, 2014. С.298.
12. Структурные трансформации старопромышленных регионов Украины: монография / В.И. Ляшенко, Л.Г. Червова, Л.М. Кузьменко и др. / НАН Украины, Ин-т экономики пром-сти. – Донецк, 2013. 412.с.
 13. Якубовский Н.Н.внутренний рынок как зеркало проблем украинской промышленности // Экономика Украины К., 2012 №8. С 5-15.

THE UKRAINE'S ECONOMY IN THE CRISIS CONDITIONS IN 2017

A.V. Gushchin, I.E. Khanova

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines the main issues of development of the Ukrainian economy in 2017. The authors analyze the indicators of economic growth, inflation, data on various sectors and the general situation in Ukrainian industry. They give a description of the budget of Ukraine for 2018, make a forecast about the realism of its indicators and evaluate the characteristics of pension and medical reforms in Ukraine. The article contains forecast of the economic development of Ukraine for 2018 year.

Keywords: Ukraine, economy, economic growth, inflation, investments, budget

REFERENCES

1. To the 25th anniversary of the CIS. Foreign policy of the CIS countries, M, 2017. 496 p.
2. Post-Soviet space. 25 years later: past, present, future. M.2017.
3. Economic assessment of the prospects for Ukraine's entry into the customs union on the example of the production sphere of the economy of the Kharkov region. Kharkov-Belgorod, 2013. URL: <http://euroregion.icbci.info/files/Monography.pdf>
4. Bondar N. Comparative analysis of the socio-economic development of Ukraine / / Economics of Ukraine.K.2011. №9 P.64-75.
5. Vardomsky L. Economy of Ukraine in a

- 20-year retrospective between the Soviet legacy and the European choice. Russian economic journal, 2012. №5. С.81-98.
6. Geets V. Tendencies of macroeconomic development of Ukraine in the conditions of crisis. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2011.С.59-77.
7. Gerasimova R. Ukraine: 20 years of movement towards capitalism // Contemporary Europe, 2012. N3 P.39-54.
8. Eshenko P., Arseenko A. Restoration of social and economic development - the number one priority in the world and in Ukraine // The Economy of Ukraine. - K., 2012. - №1. - С.36-50.
9. Zhiltsov S.S. Political processes in Ukraine the results and challenges for Russia // Russia - Ukraine. Humanitarian and economic foundations of strategic partnership. Steps to the modernization alliance? M., 2012, p.68-76.
10. Kublikov V.K. Directions of the system transformation of the financial system of Ukraine // Strategies for the development of the financial markets of the CIS countries: Sat. sci. Art. - M., 2012. - P.14-23.
11. Modernization of the Ukrainian and Belarusian economies: methodology, theory, practice. Ostrog, 2014. P.298.
12. Structural transformations of the old industrial regions of Ukraine: monograph / V.I. Lyashenko, L.G. Chervova, L.M. Kuzmenko et al. / NAS of Ukraine, Institute of Economics of Industry. - Donetsk, 2013. 412.c.
13. N. Yakubovsky, "The Inner Market as a Mirror of the Problems of Ukrainian Industry," in Economics of Ukraine, 2012, No. 8. With 5-15.

About the authors: Gushchin Alexander Vladimirovich – PhD in History associate Professor, Russian state University for the Humanities; Khanova Irina Evgenievna – PhD in Philosophy, associate Professor, Russian state University for the Humanities (e-mail: irkh_76@mail.ru).

**PREHISTORY OF RUSSIA'S
RELATIONSHIP WITH NATO IN THE
NEW ERA (1991-2012). (PART ONE)**

Sanjay Deshpande,
Shoaib Khan

Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai, Mumbai, India

Abstract. The article is devoted to the problem of relationship between Russian Federation and NATO in the XXI century. The relevance of the question is indisputable considering the fact that the global stability in the world depends on both positive or negative tendencies in this relationship. Since the collapse of the Soviet Union the new quality of cooperation between NATO and Russia seemed to be outworked. But still there is a huge list of factors and unsolved problems between these two key actors of the international relations which cannot grant permanent security and stability in the world. The present-day crisis that forms the political and international agenda today grows on the soil of this complex of issues which were either ignored or underestimated in the 1990-s – first decade of the 2000-s and now we just yield what we've got. The article doesn't have the objection to analyze the ongoing crisis in Ukraine or disagreements between Russia and the USA on Syria e t.c. The authors wanted to analyze pre-historical backgrounds of the relationship between NATO and Russia and, maybe, reveal some crucial points responsible for turning this relationship on the road of new confrontation. That's why our research chronologically includes two decades past the collapse of the USSR (1991-2012). The authors consider that it was the crucial time when the fundamental basis of the potential cooperation between Russia and NATO was formed.

Working on the material the authors applied to the methodology of political science and international relations. The methods of political analysis, structural analysis and invent-analysis (studying the official documents) were used in the article.

For the better understanding of the issue and in order to prevent the readers from the danger of being "over-informed" the authors

divided the material into two parts. The first part devoted to the historical analysis of the Cold War is presented in this number (№1) and the second one is going to be continued in the second (№2) one.

Keywords: Russia, NATO, cooperation, missiles, disarmament, expansion, defense.

Suspicious Cooperation

Since the re-emergence of Russia as an independent state in December 1991 debates and controversies surrounding its evolving relations with NATO have been a prominent feature of the European security scene. Analysing Russia-NATO relations, during the last 20 years and investigating the nature and substance of the relations that have developed between Russia and NATO during the period. The impact of the Kosovo crisis, September 11th, the Iraq war and the creation of the NATO-Russia Council have had on this complex relationship [Masala, Carlo Saariluoma: 2006].

Since 1991 NATO has been actively pursuing a closer and more profitable relationship with Russia. However, thus far this evolution has been on NATO's terms with little regard to Russian interests and insecurities. For Russia's part, from the beginning, it has acquiesced to, if not embraced, NATO's new developments. Russian leaders have been eager to join the more affluent West and its myriad of institutions and have realized that their desire to remain a great power gives them few, if any, alternative approaches. At the same time, Russia has continually objected to not being an equal partner. Reformed or future institutions should move towards bringing Russia in as an equal partner and be sensitive towards Russian concerns precisely because NATO needs Russia's full cooperation and assistance if it is to successfully adapt to counter today's new threats.

In November 1991 the proposed creation of the North Atlantic Cooperation Council (NACC) a forum for structured dialogue with former Warsaw Pact countries but was without concrete defense guarantees. The focus was on multilateral, political dialogue on security and defense-related issues such as arms control, civil-military relations, air-traffic management and conversion of defense industries. While a

member of NACC, Russia argued against NATO expansion and sought guarantees that would prevent the forward positioning of nuclear weapons or the stationing of alliance forces in any new member states.

Russia also advocated an alternative “strategic partnership” with the West which would be a permanent bilateral forum for consultation between Russia and NATO.

Since 1993, Russia has generally followed a realist and pragmatic foreign policy of asserting its interests where possible, given the realities of its economic and military weaknesses [Roy Allison, Margot Light and Neil Malcolm and Alex Pravda: 1996].

Russia’s first priority has been the development of close relations with some of the former Soviet states. It has also pursued close relation towards the West. The only serious deviation from this policy was when Russia opposed US policy in the Balkans and in 1999 broke ties with NATO over its military actions in Kosovo. And even these severed ties were being repaired in early 2001 – before the events of September 11.

Under Russia’s President Vladimir Putin, a key security objective has been to develop for Russia a major role alongside the other great powers in the international system. Putin and his foreign minister, Igor Ivanov, have particularly advocated the development of a multipolar as opposed to unilateral US dominated world. However, at the same time, Russia favours developing a special relationship with the US and enhancing relations between Russia and the West [Igor Ivanov: 2001].

This policy has remained stable and was reflected during Putin’s April address to the Federal Assembly where he argued for the continued pursuit of a pragmatic approach based on Russia’s actual possibilities and national interest in economic, political and military spheres [Victor Platov: 2002].

Russia NATO Council was established by the NATO-Russia Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security, signed by NATO and Russia on 27 May 1997. The Founding Act created a Permanent Joint Council (PJC) as a forum for Russia and NATO allies to consult and cooperate. The

PJC met for the first time on 18 July 1997 and regular meetings have taken place almost continuously at various levels, involving heads of state and government, foreign and defence ministers, ambassadors and chiefs of defence staffs. Issues discussed at PJC have included: strategy and doctrine, arms control, proliferation, military infrastructure, nuclear weapons issues, retraining of discharged military personnel and search and rescue at sea.

However, despite some progress, the PJC has been widely criticized by both the Russian and NATO officials and even before September 11 there were repeated calls for the development of more profitable relations. Many Russian and NATO officials argue that the PJC was never adequately used for a variety of reasons including Russia’s objections to NATO’s use of force in Kosovo in 1999¹.

The NATO-Russia Council was created on 28 May 2002 during the 2002 NATO summit in Rome. The council has been an official diplomatic tool for handling security issues and joint projects between NATO and Russia, involving consensus-building, consultations, joint decisions and joint actions. Also, military cooperation and joint military exercises were on the plan.

RFS (Russian Federation Ship) and NATO ships joint manoeuvres and personnel training Allies and Russia attend U.S. Nuclear Weapons Accident Exercise, cooperation on Afghanistan, Russia providing training courses for anti-narcotics officers from Afghanistan and Central Asian countries in cooperation with the United Nations, transportation by Russia of non-military freight in support of NATO's ISAF in Afghanistan, industrial coop-

¹ Russian and NATO troops cooperated in Bosnia and Herzegovina and in Kosovo in the Balkans. Russia currently contributes about 1,200 troops to SFOR, which number 20,000 in all, and 3,150 troops to the 42,500 strong KFOR force. Despite differences over the Allied air campaign, military cooperation between Russian and NATO troops continued without interruption in Bosnia and Herzegovina. When the air campaign in Kosovo ended, Russia agreed to contribute to KFOR. “Russia-NATO Relations NATO Fact Sheets” URL: [http:// www.nato.int/docu/facts,2000/nato-rus.htm](http://www.nato.int/docu/facts,2000/nato-rus.htm) (Date of access: 2017-09-02).

eration, cooperation on defence interoperability, non-proliferation, and other areas.

Because NATO and Russia have similar ambitions and mutual challenges, the NATO-Russia Council is seen by both sides as effective at building diplomatic agreements between all parties involved since 2002. The heads of state for NATO Allies and Russia gave a positive assessment of NATO-Russia Council achievements in a Bucharest summit meeting in April 2008, though both sides have expressed mild discontent with the lack of actual content resulting from the council. In January 2009, the Russian envoy to NATO Dmitry Rogozin said the NATO - Russia council was "a body where scholastic discussions were held." A US official shared this view, stating that we want now to structure cooperation more practically, in areas where you can achieve results, instead of insisting on things that won't happen in the days to come².

Historical Clouds of the Cold War

The post war settlement in Europe made the problem of European security more complex and intricate. Europe was vertically divided into two hostile camps after the second world war and the cold war started almost simultaneously. The emergence of the Soviet Union as a great power, its rapid advances in different fields, its championing the cause of teeming millions of Asians, Africans and Latin Americans groaning under Western domination – all these were not to the liking of the United States leadership, which took upon itself the task of combating the communist menace. The rivalry between the two blocs transcended soon beyond the European boundaries and assumed global dimensions. The friction was however more acute in Europe than in any other part of the world, because the remnants of the war in Europe were still generating constant tensions [Robert Hunter: 1969].

The security of the Soviet state was always upper most in the minds of the policy makers in Moscow. The US pronouncements such as the roll back and containing communism had

an alarmingly adverse impact on the Soviet mind, harking back to its memories of intervention and encirclement. Amidst all these the US monopoly of nuclear arms had tilted the balance of power in favour of the West. The Soviet Union quickly set out to restore its war – ravaged economy and to acquire capability at a tremendous speed. At the diplomatic level, the USSR began to consolidate its position in Eastern Europe. It entered into treaties of friendship and mutual assistance with the East European countries both before and after the World War II, ensuring their security, economic and political independence. These treaties were signed during the War with Czechoslovakia on 12th December 1943, Poland on 21st April 1945, Yugoslavia on 11th April 1945, and after the war with Romania on 4th February 1948, Hungary on 18th February 1948 and Bulgaria 18th March 1948.

The formation of the NATO made the problem of European security most fractious and intractable. The NATO set at naught the Soviet efforts for the creation of a unitary system of security for the whole of Europe. The Soviet Union plausibly interpreted the creating of the West European Union and the NATO as a direct threat to its own security.

The creation of the NATO, the rearmament of the Federal Republic of Germany and its subsequent joining the NATO, the creation of military pacts the world over, and US policy of confrontation towards the USSR caused anxiety and uneasiness in Moscow. In view of the adamant Western attitude, the USSR could not compromise its own security. By 1949, it had conducted its first atomic test. In August 1953 it tested its first hydrogen bomb and improved its missiles. Full range inter-continental Ballistic Missiles years later. The launching of the first sputnik in October 1957 was the climax in the series of these events³.

Conflict between the Western nations including the United States, Great Britain, France and other countries and the Communist Eastern bloc (led by the Union of Soviet Socialist Republics or USSR) began almost as

² "Russia does not rule out future NATO membership" Euro Observer. URL: <http://euobserver.com/13/27890> (Date of access: 2017-05-01)

³ Milestones of Soviet Foreign Policy, 1917 – 1967 Moscow, 1967, 140-145

soon as the guns fell silent at the end of World War II (1939-45). The USSR oversaw the installation of pro-Soviet governments in many of the areas it had taken from the Nazis during the war. In response, the U.S. and its Western allies sought ways to prevent further expansion of Communist influence on the European continent.

The formation of the Warsaw Pact was in some ways a response to the creation of NATO, although it did not occur until six years after the Western alliance came into being. It was more directly inspired by the re-arming of West Germany and its admission into NATO in 1955. In the aftermath of World War II, Soviet leaders felt very apprehensive about Germany once again becoming a military power--a concern that was shared by many European nations on both sides of the Cold War divide.

Like NATO, the Warsaw Pact focused on the objective of creating a coordinated defense among its member nations in order to deter an enemy attack. There was also an internal security component to the agreement that proved useful to the USSR. The alliance provided a mechanism for the Soviets to exercise even tighter control over the other Communist states in Eastern Europe and deter pact members from seeking greater autonomy. When Soviet leaders found it necessary to use military force to put down revolts in Hungary in 1956 and in Czechoslovakia in 1968, for example, they presented the action as being carried out by the Warsaw Pact rather than by the USSR alone.

The Cold War had solidified by 1947-48, when U.S. aid provided under the Marshall Plan to Western Europe had brought those countries under American influence and the Soviets had installed openly communist regimes in Eastern Europe. The Cold War reached its peak in 1948-53. In this period the Soviets unsuccessfully blockaded the Western-held sectors of West Berlin (1948-49); the United States and its European allies formed the North Atlantic Treaty Organization (NATO), a unified military command to resist the Soviet presence in Europe (1949); the Soviets exploded their first atomic warhead (1949), thus ending the American monopoly

on the atomic bomb; the Chinese communists came to power in mainland China (1949); and the Soviet-supported communist government of North Korea invaded U.S.-supported South Korea in 1950, setting off an indecisive Korean War that lasted until 1953.

From 1953 to 1957 Cold War tensions relaxed somewhat, largely owing to the death of the long-time Soviet dictator Joseph Stalin in 1953; nevertheless, the standoff remained. A unified military organization among the Soviet-bloc countries, the Warsaw Pact, was formed in 1955; and West Germany was admitted into NATO that same year. Another intense stage of the Cold War was in 1958-62. The United States and the Soviet Union began developing intercontinental ballistic missiles, and in 1962 the Soviets began secretly installing missiles in Cuba that could be used to launch nuclear attacks on U.S. cities. This sparked the Cuban missile crisis (1962), a confrontation that brought the two superpowers to the brink of war before an agreement was reached to withdraw the missiles.

The Cuban missile crisis showed that neither the United States nor the Soviet Union were ready to use nuclear weapons for fear of the other's retaliation. The two superpowers soon signed the Nuclear Test-Ban Treaty of 1963, which banned aboveground nuclear weapons testing. But the crisis also hardened the Soviets' determination never again to be humiliated by their military inferiority, and they began a build-up of both conventional and strategic forces that the United States was forced to match for the next 25 years. Throughout the Cold War the United States and the Soviet Union avoided direct military confrontation in Europe and engaged in actual combat operations only to keep allies from defecting to the other side or to overthrow them after they had done so. Thus, the Soviet Union sent troops to preserve communist rule in East Germany (1953), Hungary (1956), Czechoslovakia (1968), and Afghanistan (1979). For its part, the United States helped overthrow a left-wing government in Guatemala (1954), supported an unsuccessful invasion of Cuba (1961), invaded the Dominican Republic (1965) and Grenada (1983), and undertook a

long (1964–75) and unsuccessful effort to prevent communist North Vietnam from bringing South Vietnam under its rule.

In the course of the 1960's and 70's however, the bipolar struggle between the Soviet and American blocs gave way to a more complicated pattern of international relationships in which the world was no longer split into two clearly opposed blocs. A major split had occurred between the Soviet Union and China in 1960 and widened over the years, shattering the unity of the communist bloc. In the meantime, Western Europe and Japan achieved dynamic economic growth in the 1950's and 60's, reducing their relative inferiority to the United States. Less-powerful countries had more room to assert their independence and often showed themselves resistant to superpower coercion or cajoling.

NATO's Perception and Strategy

The post war demobilisation by the armed forces of the western powers had resulted in the Soviet bloc acquiring overwhelming conventional superiority thus creating a conceptual threat of a Russian offensive against Western Europe, America advanced the deterrent theory to justify the retention of nuclear weapons monopoly in its own hands. In the event of an attack by superior Russian forces the Americans would retaliate by an atomic bombardment. Since the effects of such bombardment had already been demonstrated in Japan, it was felt that a counter threat of this nature would deter the Russians from launching a conventional initiative.

In the earlier phase of nuclear strategy, NATO subscribed to what it perceived as a credible and viable defensive strategy, based on the fact that it possessed a deliverable bomb and the Russians did not combined actually be used in extremis. Even when it was discovered towards the end of the first phase, it was discovered that the Russians had also acquired an atom bomb, America continued to rely on the same possessed numerical superiority in numbers of atom bombs but also because the United States heartland was out of range of Russian bombers. Meanwhile NATO made certain adjustments in tactical doctrine, such as changes in dispersal limits and targeting pro-

cedures; but its plans remained based on the actual use of the bomb [Grant Schnieder: 2010].

In the second phase, the whole picture changed because of the appearance of the thermonuclear bomb, first in America, followed shortly by a similar Russian capability. Russia's superiority in conventional forces as perceived and propagated by the Western powers made their own conventional defensive posture less credible. It was at this stage that the thesis of first use of tactical nuclear weapons to counter the alleged Soviet superiority in land forces was propounded [Daryl G. Kymball:2010].

This new situation introduced European NATO and the Soviet bloc, in a purely nuclear United States - Soviet confrontation there was as yet no balance because the Americans still held strategic targeting advantage. Russian nuclear bombers could reach targets in Europe only; they still did not possess the requisite range to threaten the United States mainland whereas American bombers based in Europe and in a gradually expanding ring of bases constructed in Morocco, Turkey and later in Spain could threaten the Russian homeland [Rick Rozoff: 2011].

This advantage of geographical factor forced the Americans to transfer a part of their nuclear bomber force to the United States mainland to prevent them from being wiped out by a sudden first strike by the Russians. Dulles amounted his "massive retaliation" strategy as the basis of NATO's defensive posture). The strategy asserted that any attack by Russians against NATO ground forces would automatically be met with an immediate and full nuclear response.

As America and Russia approached the "Mutual Assured Destruction" (MAD) doctrine which deterred nuclear war only; it did not deter conventional war. It became more and more difficult for European NATO powers to believe that in the event of a Russian conventional attack leading towards certain NATO defeat, the American President would retaliate on a nuclear level and thus invite Russian nuclear response against the American homeland. In 1967 the official doctrine issued

a NATO commander directed the Supreme commander to meet a Russian conventional attack, firstly on its own level; but if that failed, to conduct a deliberate nuclear escalation if aggression could not be contained or the situation restored by direct defense [McNamara: 1967].

It was McNamara who as Kennedy's Secretary of Defence, thought of another approach to raise the level of the flexible nuclear response sufficiently high to prevent it being resorted to and yet to remain below the all-out MAD level. He issued a statement to the effect that the Americans possessed what he termed a "counter force" capacity, that is to say the capacity to target limited yield American missiles accurately onto Soviet missile sites and destroy them in a first strike without inflicting great collateral damage on Russian cities. This was the period during which a whole new set of dialectics sprang up to determine the various steps in escalation – tactical nuclear strikes, "counter – force" strikes, "counter-city" all out strikes all attempted to be orchestrated in some of bizarre escalation mechanics which nobody seemed to be able to clearly enunciate but nevertheless greatly exercised the whiz-kids and think tank specialists on both sides of the Atlantic [J. Peter Scoblic: 2009].

Another Defence Secretary, Schlesinger, who tried to retreat the counter – force concept, but with added force. By the time he came to Pentagon, Kissinger's star had been on the ascendant. Unlike Schlesinger, Kissinger harboured strong doubts about the viability of a controlled "tactical nuclear war" which he felt, would automatically escalate to an all-out war. Schlesinger's policy restated what McNamara had once tried to enforce, that the American posture should switch from a defensive (second strike) threat to an offensive first strike policy, albeit limited to counter force targets [Robert McNamara: 1969].

The Soviet – Warsaw Pact Doctrine

Soviet strategists rejected the Western notion, prevalent especially in the McNamara era, that there would necessarily be a conventional phase in a major conflict before escalation to the nuclear level, the assumption con-

tained in NATO flexible response strategy. The military programs of the Soviet Union since the 1960s, have exceeded the expectations of a large number of Western defence planners. In fact, an analysis of the respective levels of the US and Soviet military effort reveals a continued underestimation of the magnitude of the Soviet arms build-up, especially during the 1960s and early 1970s [Albert Wohlstetter: 1974].

Soviet military strategy and capabilities were designed to underwrite a global political conception in which non-communist industrialized states were weakened relative to the Soviet Union by the gradual loss of positions of influence and power, particularly in the Third World, and by the detachment of allies on the Rimlands of Eurasia, especially European NATO members and the gradual disengagement of American power from an increasingly neutralized Western Europe, also Soviet support for wars of national liberation and for progressive states engaged in the anti-imperialist struggle in Third World states and even where feasible Moscow's encouragement of revolutionary and progressive forces within capitalist states themselves [Collin S. Gray: 1977].

In the Soviet conception, war with capitalist states has been transformed from the inevitable prospect postulated during Lenin's time and until nearly the end of Stalin's rule to, in the late twentieth century, a possibility if capitalist states choose to resist the tide of events running in favour of the Soviet Union. Against this contingency the Soviet Union must be prepared in its military planning. One of the purposes of Soviet strategic – nuclear power was to deter an attack that might be mounted by the United States, lashing out against the Soviet Union in a last-ditch effort to forestall the inevitable triumph of communism – a theme of considerable prominence in Soviet military literature. Soviet Union has always had in its strategic – military doctrine an element of deterrence, first against a superior non-communist world and more recently against adversaries, principally the United States. A central component of this aspect of Soviet military doctrine has been the develop-

ment of a capability to defend against a US attack by means of air defences and a civil defence program of considerable magnitude and scope [John Erickson: 1978].

The Soviet conception of nuclear weapons as usable instrument of warfare under conditions in which Soviet vital interests are at stake is fundamental to Soviet-Warsaw Pact doctrine in Europe. Nuclear Weapons formed a part of a "combined arms concept" integrated into a broader offensive in Soviet-Warsaw Pact strategy. Not only such weapons were an integral part of Soviet force levels in Europe, but they must have been used on the battlefield without necessarily escalating to a strategic – nuclear exchange with the United States. The Capacity of the Soviet Union to prevail in a NATO – Warsaw Pact war depends upon its possession of superior forces on the battlefield.

The growth of Soviet – Warsaw Pact conventional forces, both in qualitative and quantitative dimensions, enhances the flexibility of their options with respect to the use of weapons against Western Europe. The question has been posed whether the Soviet-Warsaw Pact forces were approaching a level in which an attack could be mounted against Western Europe without resort to nuclear weapons. If such weapons could be held in reserve by the Soviet Union, the onus for first use would be placed on NATO [Stewart W.B.: 1978].

Central to Soviet –Warsaw Pact Strategy was the capability to use surprise to minimize NATO warning time, to overrun forward NATO positions in initial phase of a conflict, to cut vital supply lines to US and other NATO forces on the central front, and to prevent resupply from the United States, Canada or Great Britain. Major objectives of Soviet – Warsaw Pact forces would be the destruction of ports needed for resupply, the severing of maritime supply lines by means of large – scale deployments of attack submarines, and the use of airpower, for example the Backfire bomber, to destroy surface shipping [Jacquelyn K. Davis and Robert L. Pfalzgraff, Jr.: 1978].

The most important feature of Soviet – Warsaw Pact combat, the practical application of their concept provided for an assault against

the NATO central front, with the Northern and Southern flanks having been neutralized by demonstrably superior military forces and by political trends, especially on the southern flank that made concerted NATO action difficult, if not impossible.

A vibrant of the frontal assault was the so-called envelopment option, in which an initial surprise offensive would have been mounted across NATO, northern flank either prior to or at the same time as a strike against the central front. Such an attack would have been designed to enhance the Soviet capacity to control the coastal water of Northern and Western Europe, and especially the strategically important Greenland – Iceland – United Kingdom gap and the North Atlantic sea lines of communication.

Soviet – Warsaw Pact strategy was designed to strike NATO forces before they can be reinforced to maximum strength, since in the initial stages of a conflict in Europe the Soviet – Warsaw Pact forces would have enjoyed an increasingly qualitative edge over NATO forces, which must be reinforced from outside continental Europe [Robert Close: 1976].

The Gorbachev policy – the era of reduced tensions

United States-Soviet relations began to improve soon after Gorbachev became general secretary. The first summit meeting between Reagan and Gorbachev took place in Geneva in November 1985. The following October, the two Presidents discussed strategic arms reduction in Reykjavik, without making significant progress. In the late summer of 1987, the Soviet Union yielded on the long-standing issue of intermediate-range nuclear arms in Europe; at the Washington summit that December, Reagan and Gorbachev signed the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF Treaty), eliminating all intermediate and shorter-range missiles from Europe. In April 1988, Afghanistan and Pakistan signed an accord, with the United States and Soviet Union as guarantors, calling for withdrawal of Soviet troops from Afghanistan by February 1989. The Soviet Union subsequently met the accord's deadline

for withdrawal [Harrison, Selig; Cordovez, Diego: 1995].

Soviet relations with Europe improved markedly during the Gorbachev period, mainly because of the INF Treaty and Soviet acquiescence to the collapse of communist rule in Eastern Europe during 1989-90. Since the Soviet-led invasion of Czechoslovakia in 1968, the Soviet Union had adhered to the Brezhnev Doctrine upholding the existing order in socialist states. Throughout the first half of Gorbachev's rule, the Soviet Union continued this policy, but in July 1989, in a speech to the Council of Europe, Gorbachev insisted on "the sovereign right of each people to choose their own social system," a formulation that fell just short of repudiating the Brezhnev Doctrine. By then, however, the Soviet Union's control over its outer empire already was showing signs of disintegration [Mark Kramer: 1990].

During the Gorbachev years, improvements in United States-Soviet relations were not without complications. For example, in 1991 Soviet envoy Yevgeny Primakov's attempted mediation of the Kuwait conflict threatened to undercut the allied coalition's demand that Iraq withdraw unconditionally from Kuwait. After the signing of the CFE Treaty, disputes arose over Soviet compliance with the treaty and the Soviet military's efforts to redesignate weapons or move them so that they would not be subject to the treaty's terms. United States pressure led to the resolution of these issues, and the CFE Treaty entered into force in 1992. The Soviet crackdown on Baltic independence movements in January 1991 also slowed the improvement of relations with the United States.

By the summer of 1991, the United States-Soviet relationship showed renewed signs of momentum, when Bush and Gorbachev met in Moscow to sign the Strategic Arms Reduction Treaty (START I). Under START, for the first-time large numbers of intercontinental ballistic missiles were slated for elimination. The treaty foresaw a reduction of approximately 35 percent in United States ballistic missile warheads and about 50 percent in Soviet ballistic missile warheads within seven years of treaty ratification. Gorbachev recently had at-

tended the Group of Seven (G-7 summit) to discuss his proposals for Western aid. Gorbachev also established diplomatic relations with Saudi Arabia, South Korea, and in the waning days of the Soviet Union's existence, Israel.

To be continued in №2 of the following journal

REFERENCES

1. "Mutual Deterrence" Speech by Sec. of Defense Robert McNamara, San Francisco, September 18, 1967.
2. Air Marshall Stewart W.B. Menual, "The shifting Theater Nuclear Balance in Europe," Strategic Review, fall 1978.
3. Albert Wohlstetter, "Is there a Strategic Arms Race?" Foreign Policy, no.15 (summer 1974), p.5. See also, by the same author, "Rivals, but nor 'Race'," Foreign Policy, no.16 (fall 1974), pp. 48-81.
4. Beyond the Brezhnev Doctrine: A New Era in Soviet-East European Relations? Mark Kramer, International Security, Winter 1989/90, (Vol. 14, No.3).
5. Collin S. Gray, The Geopolitics of Nuclear Era: Heartland, Rimlands, and the Technological Revolution (New York: Crane, Russak and Company, Inc., 1977), p.46.
6. Daryl G. Kymball, "NATO's Nuclear Decision," Arms control Association, September 2010.
7. Grant Schnieder, "Tactical Nuclear Weapons, NATO and Russia", CSIS (Centre for Strategic Studies), Washington D.C. collection of Papers 2010 Conference Series.
8. Harrison, Selig; Cordovez, Diego (1995). Out of Afghanistan: The Inside Story of the Soviet withdrawal. New York: Oxford University Press. pp. 34-35. ISBN 0-19-506294-9.
9. Igor Ivanov, New Russian Diplomacy: Ten Years of the Country's Foreign Policy, (Moskva: OLMA PRESS, 2001).
10. J. Peter Scoblic, Robert McNamara's Logical legacy, September 2009. Arms Control Association.
11. Jacquelyn K. Davis and Robert L. Pfalzgraff, Jr., Soviet Theater Strategy: Implications for NATO, USSI Report 78 –

- 1 Washington D.C. United States Strategic Institute, 1978), pp. 7 – 10.
12. John Erickson, "The Chimera of Mutual Deterrence," *Strategic Review*, spring 1978, p.11
 13. Masala, Carlo Saariluoma, Katariina Renewing NATO's Partnerships: Towards a Coherent and Efficient Framework, Rome: NATO Defense College, 2006 Forum Paper; 1.
 14. McNamara papers. Strategic retaliatory forces. Subject: theatre nuclear forces, 147 pages of draft reports, dating from October 1965 to January 15, 1969, from Secretary of Defense Robert McNamara to President Lyndon Johnson, concerning theatre nuclear forces.
 15. Milestones of Soviet Foreign Policy, 1917 – 1967 Moscow, 1967, 140-145.
 16. Rick Rozoff, U.S. To Dominate All Europe Mediteranean, Through NATO Cyprus Joins Atlantic Alliance, *Global Research*, 5, March 2011.
 17. Robert Close, L' Europe sans Defense? Brussels: Editors Arts et Voyages, 1976.
 18. Robert Hunter, Security in Europe, London, 1969.
 19. Roy Allison, Margot Light and Neil Malcolm and Alex Pravda, Internal Factors in Russian Foreign Policy, Oxford University Press, 1996. Also, Nicole Jackson, Russian Foreign Policy towards the CIS States, Routledge Press.
 20. Victor Platov, RIA Novosti, April 26, 2002.

About the authors: Sanjay Deshpande – Director, Centre for Central Eurasian Studies, University of Mumbai; Shoaib Khan – Mahim Social Workers' College, Mumbai, Associated with Centre for Central Eurasian Studies.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ С США И НАТО В БОРЬБЕ С НАРКОУГРОЗОЙ В АФГАНИСТАНЕ

Сайед Ахмад Зия

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимодействия Российской Федерации и США в деле борьбы с наркотической угрозой в Афганистане. Опираясь на широкий круг источников, автор указывает, что между двумя странами всегда существовали просторечия по данному вопросу. Вместе с тем вплоть до 2014 г. Они тем не менее взаимодействовали в разных форматах и только украинский кризис, оформивший современные конфронтационные отношения между Россией и США, положил конец такому взаимодействию. В процессе работы над материалом автор применял методологию международных отношений и политической науки. В частности, применялся системный метод, аналитический метод, метод построения сценариев и метод структурно-функционального анализа.

Ключевые слова: Россия, США, Афганистан, наркотики, наркоугроза, наркотрафик, Центральная Азия.

Афганистан – одна из стран Центральной и Передней Азии, в которых сложились такие традиционные занятия, как выращивание опиумного мака и последующая торговля опиумом. Афганистан, также являющийся одной из стран Золотого полумесяца, на протяжении второй половины XX в. занимавшей лидирующие позиции по производству наркотиков в мире.

Однако традиции выращивания опиумных культур в Афганистане не так глубоки, как например в Индии или Иране. Даже в Бадахшане, одной из провинций Афганистане, где опийный мак стал выращиваться одним из первых по всей стране, его возделывали лишь с XVIII в.¹

Наркотики, производимые из опиума, имеют собирательное название – опиаты. Особое вещество – «опий сырец» получают из незрелых головок мака. Опиум представляет собой высушенный млечный сок, который на 10% состоит из морфина. Героин, в свою очередь, также является сильнейшим наркотическим веществом, которое получают в процессе обработки опиумного мака [Марухина, 2012. С. 91].

История становления Афганистана как крупнейшего импортера опиума и героина в мире тесно связана с затяжным внутренним военным конфликтом в стране и слабостью внутренних государственных структур. Присущая Афганистану на протяжении всего его исторического развития сильнейшая дефрагментация власти способствовала фактическому отсутствию контроля со стороны государства за развитием производства наркотиков [Князев, 2003. С. 6].

Становление и распространение культивирования опийных культур в Афганистане можно разделить на несколько исторических этапов, которые неразрывно связаны с этапами политической нестабильности в стране, берущей свое начало в 1970-х гг. Первый этап: 1973-1979 гг. может быть охарактеризован как период становления Афганистана как наркодержавы в условиях ослабления центральной власти и усиления влияния группировок контрабандистов. Следующий период, совпавший с введением советских войск в страну и длящийся с 1979 г. – конца 80х гг. XX в. может быть условно назван периодом расцвета опиумных культур в Гильменде и Нангархаре – провинциях, где контрабандисты взяли под свой контроль ранее известные маршруты контрабанды иных товаров, «приспособив» их в условиях бездействия закона под новые маршруты контрабанды опиума и героина. Период с начала 1990-х гг. по 1999 г. принято считать «золотым веком» для производителей наркотиков в Афганистане, когда площадь земель, засеянных опиум-

¹ The Opium Economy in Afghanistan: An International Problem. UNODC Report. Электронный ресурс:

http://www.unodc.org/pdf/publications/afg_opium_economy_www.pdf (дата обращения: 14.02.2017)

ными культурами, на тот период составляла 80-100 тыс. га по всей стране. Пиковый период исторически совпадает с захватом «Талибаном» Кабула и лояльному отношению талибов к продаже наркотиков «неверным». Как известно, за пиком всегда следует некий спад. Периодом такого спада можно назвать 2000-2002 гг., когда было отношение к выращиванию опиума на законодательном уровне изменилось – был подписан указ о запрете на его культивирование в стране. Который к удивлению мирового сообщества, принес свои плоды. Однако, положительный результат продлился недолго. Уже начиная с 2004 г. масштабы незаконного оборота наркотиков в стране увеличиваются.

Среди причин стабилизации культивирования мака в эти беспокойные военные годы можно выделить следующие:

- Нестабильность на дорогах застопорила торговлю наркотиками и способствовала концентрации их производства в традиционных для этого областях страны;
- Отсутствие достаточных знаний о выращивании опиумных маков и сети их распространения в других регионах;
- Низкие отпускные цены отпугивали потенциальных производителей;

Запрет на культивирование опиумного мака со стороны некоторых военачальников, как на противоречащее исламу занятие¹.

Россия – одна из стран наиболее сильно страдающих от увеличения незаконного производства наркотиков в Афганистане. Афганские опиаты стали проблемой для России еще с 1980-х гг., когда многие солдаты, возвращаясь со службы в Афганистане на родину, пристрастились к героину. Россия, очевидно благодаря своему географическому расположению и тесным связям и особыми таможенными привилегиями в отношении бывших центрально-азиатских республик Советского Союза стала основной целью для контрабанды афганских

наркотиков, по большей части через государственные границы с Таджикистаном и Казахстаном, по так называемому «северному пути». Наплыв афганского опиата и героина исторически совпал вначале с периодом внутренней нестабильности в Российской Федерации после распада Советского Союза. Немного позднее в начале 2000-х годов относительно невысокие по сравнению с Европой цены на афганский героин в России, экономика которой уже находилась на некотором подъеме, также способствовали росту наркозависимости в стране.

Правительство России не раз выражало свою глубокую озабоченность относительно «нарко-террористических связей», которые существуют между повстанческими чеченскими группировками и их экстремистскими исламистскими союзниками в Афганистане. Пик роста ВИЧ-инфекции и распространения героиновой наркомании 1993 г. в России также принято напрямую связывать с афганским наркотрафиком. Федеральная служба по борьбе с наркотиками Российской Федерации (ФСБ РФ) ежегодно принимает непосредственное участие вместе с коллегами из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана во многочисленных операциях по перехвату и уничтожению нескольких сотен килограммов афганских опиатов и химических веществ-прекурсоров [Blanchard 2009: 33]. Еще в 2011 г. Госдепартамент США в своем докладе о незаконном обороте наркотиков в Афганистане заявил: «Россия является главным пунктом назначения потоков героина из Афганистана и важным рынком для торговцев опиумом, гашишем, марихуаной, синтетическими наркотиками и другими опасными запрещенными веществами...»². Российская Федерация осуществляет плотное и многостороннее сотрудничество с официальными структурами Исламской Республики Афганистан путем двусторонних и многосторонних перегово-

¹ Labrousse, Alain, “Géopolitique des drogues en Afghanistan”, 2003. Электронный ресурс: http://www.mamacoca.org/FSMT_sept_2003/fr/doc/labrousse_geopolitique_des_drogues_fr.htm#_ftn23 (дата обращения: 20.02.2017)

² «Наркотеррор от ДАИШ и его спонсоров», Электронный ресурс: <http://www.ritmearasia.org/news--2016-01-23--narkoterror-ot-daish-i-ego-sponsorov-ii-21505> (дата обращения: 22.02.2017)

ров с участием также региональных стран, заинтересованных в эффективной борьбе с афганским наркотрафиком.

Приток афганских опиатов стал настоящей угрозой для современной России. Приведем данные по общему употреблению героина в России за несколько последних лет. Так, в 2010 г. в России употребили 70 т героина. Для сравнения за этот же год в Европе в целом было употреблено 88 т этого наркотического вещества. Согласно данным за 2012 г. на территорию нашей страны ежегодно ввозится 90 т героина¹. Россия наряду с Европой является привлекательной страной для афганских наркодиллеров благодаря относительной состоятельности, а, следовательно, платежеспособности населения. За последние двадцать лет число наркоманов в России увеличилось в 10 раз и практически вдвое превышает число наркоманов в Китае, стране с наибольшим населением в мире. По данным доклада ООН, в 2009 г. в России было приблизительно полмиллиона героиновых наркоманов, что вдвое больше, чем в целом в всей Европе. По некоторым данным, ежегодно от афганских наркотиков погибает от 30 до 40 тыс. человек. Эта цифра в два раза превышает число погибших советский солдат в период всей афганской войны [Тренин, Малашаенко 2010: 14].

Ежесуточно от передозировки наркотиков в России умирает 82 человека. Количество наркозависимых при этом не уменьшается – на смену погибшим наркоманам приходят новые. Статистические данные ужасают, но реальные цифры оказываются еще в разы выше официальной статистики [Волобуев, 2013. С. 53].

Наркозависимость непосредственно влияет и на показатели смертности от ВИЧ-заболеваний. По некоторым данным, более 12% наркоманов в Москве заражены ВИЧ, в Санкт-Петербурге этот показатель составляет уже 32%, а статистика по городу

Бийску показывает драматическую цифру 74%².

Наркозависимость наносит стране и сильнейший экономический ущерб. Наркоманы чаще всего исключаются из числа экономически активного населения страны. Кроме того, государству с каждым годом необходимо выделять все больше и больше средств на лечение от наркозависимости, строительство и ремонт наркобольниц, содержать и увеличивать государственные колонии и покрывать различные судебные издержки. Все вышеперечисленные расходы в среднем «крадут» у страны 3% ВВП ежегодно. По оценкам Федеральной Службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации (ФСКН РФ) общий материальный ущерб может к 2020 г. составить 14 триллионов рублей³.

Естественно, что из-за всей масштабности проблема афганского наркотрафика в России не могла не приобрести статус угрозы национальной безопасности страны и в частности угрозы безопасности личности и общества в России. Вместе с терроризмом и нелегальной миграцией незаконный оборот наркотиков был причислен Советом Безопасности России к числу основных вызовов безопасности, с которыми сталкивается страна⁴.

Стратегия государственной антинаркотической политики России до 2020 г. от 9 июня 2010 г. прямо указывает на то, что «ключевым фактором негативного развития наркоситуации в России является масштабное производство опиатов на территории Афганистана и их последующий трансна-

¹ UN Office on Drugs and Crime. World Drug Report 2009

² Огневцев А.Г. Россия против наркотиков. Электронный ресурс: <https://sites.google.com/site/nsnbrunsnbzopasnostirossi/afganskij-geroin-v-rossii> (дата обращения: 28.02.2017)

³ Богданов В. Госпрограмма спасет жизни 150 тысячам россиян // Российская газета. № 6032, 15.03.2013.

⁴ Заявление секретаря Совета Безопасности РФ Николая Патрушева, цит. по: РИА-Новости. 22.09.2011. Электронный ресурс: <http://rt.com/politics/security-world-hold-meeting-093/> (дата обращения: 26.02.2017)

циональный трафик на территорию России» [Шумилов и др., 2015. С. 5].

Прежде всего, необходимо отметить, что США оказывают не столь активное вмешательство в борьбу с афганским наркотрафиком, по сравнению с борьбой против терроризма в Афганистане. Для Вашингтона борьба с терроризмом в Афганистане всегда являлась и является первоочередной задачей. Только в конце 2000-х гг. внимание американской стороны переключилось отчасти на борьбу с афганскими наркотиками в рамках противодействия тому же терроризму, который они финансируют. Учитывая, что Афганистан исторически является аграрным государством, а в реалиях затяжной войны опиум стал наиболее популярной и неприхотливой культурой для культивирования, США небезосновательно всегда высказывали опасения, что в случае уничтожения огромных посевов мака, толпы крестьян пополнят ряды движения «Талибан». Так, данная точка зрения уже была высказана майором ВС США Н. Смитом: «Уничтожение плантаций наркотиков создает огромную волну сопротивления, потому что таким образом мы разрушаем привычный уклад жизни и лишаем провинции дохода. Сжечь поле мака – это значит спровоцировать местных воевать и оказывать сопротивление центральному правительству»¹.

США удалось достигнуть определенных результатов в борьбе с незаконным производством наркотиков еще в начале военной интервенции в 2001 г. Когда объем производства героина был снижен до 185 т в год. Данная цифра, согласно статистике ЮНОДК составляла 6% от общего числа произведённого в стране героина за предыдущий 2000 г. Однако положительные результаты не удалось сохранить на длительное время, и уже в следующем году отмечался рост культивирования наркотиков [Скотт, 2012. С. 49].

¹ Борьба с наркотиками в Афганистане: откровения американцев // Вести. – Электрон. текстовые дан. – Электронный ресурс: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=263617> (дата обращения: 10.04.17)

Наиболее активную роль НАТО в Афганистане начали играть в период с августа 2003 г. – с момента принятия на себя альянсом функций стратегического командования, контроля и координации деятельности Международных сил содействия безопасности. На фоне быстрого успеха в боевых действиях, НАТО уже в 2009 г. приняло решение отказаться от уничтожения наркопосевов в стране, заменив эту стратегическую задачу на задачу уничтожения нарколабораторий в Афганистане [Барышев, 2011. С. 59]. Такое решение ярко отразилось на статистике, которая показывает, что в 2010 г. было уничтожено 2 000 га посевов опиумного мака, а количество лабораторий по производству наркотиков увеличилось в 2, 5 раза со 175 в 2008 г. до 425 в 2010 г. [Казанцев, 2013. С. 5].

Помощник Госсекретаря США по борьбе с наркотиками и деятельности правоохранительных органов Д. Джонсон сделал следующее заявление: «Мы обнаружили, что программа уничтожения опиумного мака не советовала затратам, которые делались, и успехи приносила очень скромные. Мы изменили нашу программу и решили сосредоточиться на других областях, где можно добиться больших успехов» [Жмуйда, Морозова, 2011. С. 201].

Понимая озабоченность России проблемой афганского наркотрафика, США отвергло предложение Москвы касательно создания «антинаркотической коалиции», заявив, что Москве под силу самостоятельно «сделать больше» для разрешения этой проблемы².

Главным аргументом американской стороны против уничтожения огромного количества гектаров с опиумом стало неспособность дать ничего взамен крестьянам, выращивающим опиум десятилетиями. "Мы не можем допустить того, чтобы люди одной из беднейших стран мира остались без средства к существованию и не получили ничего взамен", - заявил предста-

² НАТО отказалось уничтожить поля опиумного мака в Афганистане, РБК. Электронный ресурс: <http://www.rbc.ru/politics/24/03/2010/5704b6689a794714c9b5285e> (дата обращения: 1.03.2017)

витель НАТО Д. Аппатурай. Американцы, таким образом, выразили свое нежелание ухудшать отношения с местным населением. По той же самой причине американская администрация отказалась от уничтожения опиумных посевов путем распыления химикатов с воздуха – не только потому, что это сложно осуществимо с технической точки зрения, но из-за опасности вызвать волну негодования крестьян и рабочих [Степанова, 2013. С. 108].

Кроме того, СМИ нередко сообщали об попустительстве со стороны командования Международными силами в Афганистане в отношении наркотрафика. Журналистами неоднократно упоминались конкретные иностранные компании, и даже указывались бортовые номера самолетов, замеченных в транспортировке наркотиков¹.

Российская сторона в свою очередь довольно резко прокомментировала попустительское отношение США к афганской наркопроблеме. «Ни в коем случае не вменяя США и НАТО целенаправленные действия по наркотизации России, тем не менее по фактическим потокам, захлестывающим нашу страну, мы обязаны сделать вывод как минимум о бездействии тех, кто принял на себя ответственность за происходящее в Афганистане», – приводит «Интерфакс» высказывание главы ФСКН В. Иванова на парламентских слушаниях, проходящих в Госдуме².

Как уже было отмечено выше, США не считает целесообразным проводить физическое устранение посевов мака по всей территории Афганистана. В 2011 г. это убеждение стало камнем преткновения между американской и российской сторонами. Предложенный Россией НАТО проект «Радуга-2» включал в себя среди про-

чих семи пунктов и пункт по уничтожению наркопосевов. Проект встретил отказ со стороны НАТО, которые не были готовы идти на данный шаг. При этом было сделано известное высказывание официального представителя альянса Дж. Аппатуя: «Мы не можем допустить того, чтобы людей во второй по бедности стране мира лишить их единственного источника дохода, самых базовых средств к существованию, а предоставить взамен им нам нечего»³.

Необходимо отметить, что российское предложение уничтожения маковых полей путем авиационного распыления гербицидов встретило протест и сто стороны тогдашнего президента Афганистана Хамида Карзая. Действительно, данные химические вещества нанесли бы ущерб не только опиумным культурам, но и другим сельскохозяйственным растениям и даже некоторым домашним животным, что, несомненно, вызвало бы протесты со стороны крестьян. В целом, в Афганистане были зафиксированы случаи оказания крестинами, защищавшими свои посевы, сопротивления наркополицейским и даже обращения к наркодилерам или талибам для защиты своих плантаций от государственной власти [Коргун, 2009. С. 142].

Говоря в целом о проекте «Радуга-2» необходимо раскрыть все предложенные им практические инициативы по борьбе с афганским наркотрафиком. Так, первый пункт проекта предусматривал объявление торговли афганским терроризмом – мировой угрозой. Второй пункт охватывал собой интенсивное расширение электрификации Афганистана, работы по проведению которой смогли бы создать огромное количество рабочих мест для жителей страны.

Третий пункт, вытекая из предыдущего, предусматривал ту самую ликвидацию опиумных посевов, которые не нанесли бы урона крестьянам, которые смогли бы получать достойную оплату своего труда, работая на благо электрификации страны. При этом уровень дохода последних возрос бы,

¹ Beste R. Afghanistan Exit, Kabul and Berlin E stranged as Withdrawal Looms / Spiegel online [Электронный ресурс] // Электронный ресурс: <http://www.spiegel.de/international/world/tensions-rise-between-kabul-and-berlin-ahead-of-withdrawal-a-899319.html> (дата обращения: 1.03.2017)

² НАТО отказалось уничтожать поля опиумного мака в Афганистане, РБК. Электронный ресурс: <http://www.rbc.ru/politics/24/03/2010/5704b6689a794714c9b5285e> (дата обращения: 1.03.2017)

³ РИА новости. Электронный ресурс <https://ria.ru/world/20140219/995741528.html> (дата обращения: 10.04.17)

благодаря тому, что вся зарплата, в отличие от прибыли, которая доставалась хозяевам маковых полей, шла бы в карман рабочим.

Четвертым пунктом соответственно предлагалось провести кадастровый учет афганских земель для выявления и борьбы с хозяевами опиумных посевов. Пятый пункт включал уничтожение войсками НАТО самих посевов, на что руководство альянса, как было сказано выше, ответило отказом. Шестой и седьмой пункты предусматривали трёхстороннее сотрудничество спецслужб включая спецслужбы Афганистана, и проведение обучения для наркополицейских¹.

В свою очередь в феврале 2012 г. на третьей министерской конференции парижского пакта году НАТО выдвинуло свое инициативное предложение под названием «Центральноазиатская антинаркотическая инициатива»². Данное предложение было рассчитано на пять государств: Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. По проекту, предложенному США в вышеперечисленных странах планировалось создать финансируемые на деньги США спецподразделения по борьбе с наркомафией. Однако еще на этапе подготовки к саммиту стало очевидно, что Россия американскую инициативу не поддерживает. Суть российских претензий к американской инициативе заключалась в предложенных американцами спецотрядах. По задумке США они должны иметь весьма широкие полномочия, а главное, полный доступ к оперативной и секретной информации, поступающей в силовые ведомства и спецслужбы центральноазиатских стран. Российская сторона выразила свои опасения, что это даст США возможность собирать чувствительную информацию и потом

¹ Россия объявляет войну афганскому наркобизнесу. Электронный ресурс: <https://topwar.ru/40200-rossiya-obyavlyayet-voynu-afganskomu-narkobiznesu.html> (дата обращения: 10.04.17)

² Материалы министерской конференции парижского пакта, Вена, 16 февраля. 2012 года, Официальный сайт ЮНОДК [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/documents/commissions/CND/CND_Sessions/CND_57/_E-CN7-2014-14/E-CN7-2014-14_V1389079_R.pdf (дата обращения: 10.04.17)

с помощью этих данных шантажировать власти стран региона. Сами США все упреки в политической подоплеке своего предложения категорически отвергли³.

Несмотря на явные разногласия в способах борьбы с афганским наркотрафиком, Россией и США предприняли ряд совместных попыток по сокращению незаконного оборота наркотиков в Афганистане. Так, после прихода к власти Б. Обамы, который вначале своего руководства брал курс на «перезагрузку» российско-американских отношений, была создана двусторонняя Президентская комиссия, которая ставила своей целью налаживание контактов между главами двух государств. Оной из задач Президентской комиссии стало сотрудничество в рамках борьбы с наркотиками, для чего внутри нее была создана Рабочая группа по борьбе с наркотиками под председательством директора ФСКН В. Иванова и главы управления Белого дома по национальной политике в области борьбы с наркотиками Г. Керликовске.

Рабочая группа осуществляла активный обмен оперативной информацией в качестве важнейшей формы сотрудничества. Так, уже в 2009 г. американская сторона назвала своим российским коллегам имена нескольких подозреваемых наркодельцов, а российская сторона в свою очередь раскрыла американцам 9 лиц, совершивших преступления в сфере незаконного наркооборота.

С 30 апреля по 14 мая 2012 г. впервые РФ и США на востоке Афганистана была проведена совместная акция по уничтожению нарколабораторий. Эта операция долго планировалась, в ней приняли участие наркополицейские России, США и Афганистана. В ходе операции было изъято 2 тонны 900 килограммов гашиша и 410 килограммов героина, уничтожено четыре нарколаборатории, арестовано 67 человек. С августа 2011 г. ФСКН передала афганским коллегам данные по 41 лаборатории и

³ Коммерсант «Антинаркотическую инициативу заблокировали в Вене», электронный ресурс: <http://kommersant.ru/doc/1874642> (дата обращения: 10.04.17)

информацию по ряду наркодельцов [Хава Мохаммад Азам, 2014. С. 121].

Уже к концу 2012 г. Россией и США было проведено 7 совместных антинаркотических спецопераций в Афганистане. Итогом проведения спецопераций российским ФСКН и американским Управлением по борьбе с наркотиками стало конфискация 2,5 т опиатов, 3,5 т гашиша, 1,5 т морфия и 5,5 т прекурсоров, а также уничтожение 10 лабораторий по производству наркотиков.

Таким образом, проведенные совместные антинаркотические рейды стали частью российско-американского компромисса в Афганистане. Уничтожение контрабандистов, наркокурьеров и самих наркотиков в ходе спецопераций имело место, в отличие от уничтожения самих наркопосевов на полях, на которых настаивала российская сторона.

Однако в 2010 г. темп проведения совместной работы пришлось сократить. Как уже было отмечено в предыдущем разделе, бывший президент Афганистана, Хамид Карзай едва ли являлся ярким сторонником проведенных совместно российско-американских операций. Открыто выразив свою позицию по данному вопросу, Карзай оказал непосредственное влияние на сокращение масштабов совместных действий государств, которым теперь необходимо было разработать систему уступок, прежде чем предпринимать новые шаги по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

При описании специфики российско-американского сотрудничества по борьбе с наркотиками в Афганистане необходимо учитывать и исторический аспект советского опыта в этой стране. Любое военное участие в этом случае исключается. Как было сказано членом Рабочей группы Е. Степановой: «Любое военное вмешательство со стороны России или военное участие в операциях по обеспечению безопасности в Афганистане находятся под запретом... Этот запрет распространяется также и на Организацию договора коллективной безопасности, в которой России принадлежит ведущая роль... Генеральный секретарь ОДКБ

Н. Бордюжа в своем официальном выступлении исключил вероятность любого такого участия, отметив, что «возможность этого даже не обсуждалась, и, надеюсь, не будет обсуждаться никогда» [Stepanova, 2013. С. 6].

Российско-американской рабочей группе по борьбе с наркотиками существенно пришлось существенно уменьшить объем своего сотрудничества в связи с санкциями, наложенными на Россию в виду событий в Украине. Однако окончательно сотрудничество не было прекращено, о чем заявлял В. Иванов в эфире одного из центральных государственных телеканалов.

«Санкции положили конец российско-американской рабочей группы по борьбе с наркотиками. Она позволяла взаимодействовать профильным ведомствам, а также Министерством образования, культуры, юстиции и решать весь комплекс задач», - сказал глава российского антинаркотического ведомства в интервью для «Россия-24»¹.

Из-за санкций в отношении России после проведенного в Крыму референдума о присоединении к территории России глава управления Белого дома по контролю за оборотом наркотиков М. Боттичелли ответил отказом на приглашение В. Иванова провести встречу в столице России.

В 2014 г. Россия, ранее сотрудничавшая с США в сфере обучения наркополицейских Афганистана, продолжила предоставлять такое обучение в одиночку.

Российская сторона довольна резко отреагировала на полученный отказ в приглашении, заявив на последующем заседании государственного антинаркотического комитета, состоявшегося 5 марта 2014 г., что США и НАТО ответственны за «катастрофический рост наркопроизводства в Афганистане и за отказ в его ликвидации»².

¹ Глава ФСКН: в России за последние три года под запрет попали 700 новых видов наркотиков. Электронный ресурс: <http://tass.ru/obschestvo/1777469> (дата обращения: 12.04.2017)

² США прекратили сотрудничество с ФСКН из-за действий России в Крыму: бороться с наркотиками страны будут отдельно Электронный ресурс

Так, накануне Варшавского саммита летом 2016 г. Генсекретарь НАТО Й. Столтенберг в интервью российским СМИ подтвердил отказ от сотрудничества с РФ и ОДКБ в области безопасности и, в частности, в сфере борьбы с афганским наркотрафиком. «Ясно, что стабильный и безопасный Афганистан – в наших общих интересах. Однако в результате агрессивных действий России в отношении Украины больше не может быть «бизнеса как обычно», и мы приняли решение приостановить практическое сотрудничество с Россией, – сказал генсек «Интерфаксу». – Да, мы сталкиваемся с глобальными и региональными вызовами в Афганистане, которые в равной степени затрагивают и НАТО, и Россию, как, например, незаконная торговля наркотиками. Но пока практическое сотрудничество с Россией приостановлено, мы сотрудничаем с Управлением ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), чтобы нарастить наш потенциал по противодействию незаконной торговле наркотиками»¹.

Необходимо отметить, что представители государственных органов Афганистана также не раз выражали свои пожелания в отношении возобновления российско-американского сотрудничества в сфере борьбы с наркотрафиком в стране. Так, бывший президент Афганистана Х. Карзай выразил свою надежду на скорейшее возобновление российско-американского сотрудничества в Афганистане сразу после избрания Д. Трампа президентом США².

Кроме того, советник Президента Афганистана по национальной безопасности Мохаммед Ханиф Атмар также в преддверии своего визита в Москву летом 2016 г. выразил пожелание в отношении скорейшего возобновления сотрудничества между

Россией и США. «Сотрудничество НАТО и России крайне высоко ценилось в Афганистане. Сотрудничество НАТО и РФ было очень полезным. Мы надеемся, что это сотрудничество будет возобновлено, потому что это в интересах всех трех сторон – Афганистана, России и НАТО»³.

Посол России в Афганистане З. Кабулов также от лица Российской Федерации не раз выражал готовность страны к возобновлению российско-американского антинаркотического сотрудничества. В одном из интервью дипломат высказал мнение, что именно США несут ответственность за обострение ситуации в Афганистане, так как не достигли поставленных перед собой же целей по восстановлению государственности в стране. В целом, посол Российской Федерации в Афганистане не раз позволял себе достаточно критические высказывания в отношении предпринимаемых американцами мер по борьбе с афганским опиумом. Так, в сентябре 2016 г. З. Кабулов заявил на пресс-конференции в Москве: «Объективно американцы не были заинтересованы в подавлении наркотрафика. Во-первых, они опасались настроить против себя широкие массы крестьянства, а в этой отрасли занято порядка 2,5 млн человек, и у каждого на гвозде Калашников висит»⁴.

Позже тон высказываний З. Кабулова, также рассчитывавшего на улучшение отношений с новой администрацией Д. Трампа, смягчился. Дипломат заявил: «Видеть в этом чей-то злой умысел не хочется. – В конечном итоге от ухудшения ситуации в Афганистане страдают и страны НАТО, которые, несмотря на значительные траты... сегодня имеют резкий приток в том числе

<http://www.newsru.com/russia/27mar2014/fskn.html>
(дата обращения: 13.04.2017)

¹ Соков К. Афганский наркотрафик как средство борьбы с Россией. Электронный ресурс <http://www.ca-portal.ru/article:28494> (дата обращения: 12.04.2017)

² Хамид Карзай поприветствовал намерение Трампа укреплять связи с Россией. Электронный ресурс <http://afghanistan.ru/doc/106171.html> (дата обращения 14.04.17)

³ Кабул надеется на возобновление сотрудничества России и НАТО. Электронный ресурс: <https://ria.ru/world/20160725/1472818891.html> (дата обращения 14.04.17)

⁴ Американцы поощряли наркотрафик из Афганистана в Россию, Европу и Китай. Электронный ресурс: <http://www.politnavigator.net/amerikancy-pooshhryali-narkotrafik-iz-afganistana-v-rossiyu-evropu-i-kitaj.html> (дата обращения 14.04.17).

афганских беженцев, рост террористической активности и наркопреступности»¹.

Несмотря на все надежды, высказанные в отношении возобновления сотрудничества России с новой администрацией Дональда Трампа на поле битвы с афганским опиумом пока нет каких-либо заметных сдвигов. В апреле 2017 г. состоялись мирные консультации по Афганистану в Москве. В консультациях приняли участие представители более 10 стран, включая Афганистан, Индию, Иран, Казахстан, Киргизию, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Приглашения было направлено российскими организаторами и американской стороне, которая выражала ранее интерес к предстоящей московской встрече. Американцы на консультациях в конечном итоге не присутствовали, сославшись на отсутствие проведения предварительных консультаций со стороны Москвы. Представитель МИД РФ М. Захарова выразила сожаление по поводу отсутствия американских коллег на консультациях, однако подчеркнула, что в том или ином случае консультации состояться и без присутствия американской стороны.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что Россия и США, несмотря на достаточное активное сотрудничество в начале 2000-х гг. в сфере борьбы с афганским наркотрафиком, всегда имели некоторые разногласия в методах ведения борьбы с ним. Россия, имеющая ограниченную сферу влияния на ситуацию в Афганистане, в отличие от бывших советских Центральноазиатских республик, заинтересована в сотрудничестве не только с властями Афганистана, но и США, имеющих большое влияние в стране, для борьбы с незаконным оборотом наркотиков. С другой стороны, для самих американцев афганский опиум большой опасности не представляет, в отличие от соседних стран Латинской Амери-

ки, которые являются источником героина для США.

Вопросы безопасности и борьбы с терроризмом всегда являлись первостепенными для Вашингтона, а борьба с наркотрафиком зачастую рассматривалась лишь в ключе борьбы с финансированием вооруженных формирований в стране. Наиболее ярким примером такой политики является отказ американских властей от российского предложения, включенного в план «Радуга-2», предполагавший авиационное уничтожение огромной площади плантаций маковых посевов. По мнению американской стороны, такие действия, которые оставят людей без средств к существованию, только спровоцируют вступление крестьян в ряды движения «Талибана».

Не смотря на глобальные разногласия стран в ходе курса сближения российско-американских отношений сразу после избрания президентом США Б. Обамы была создана двусторонняя рабочая группа по борьбе с наркотиками, включавшая представителей антинаркотических ведомств двух стран. Результатами работы группы, которая просуществовала до 2014 г., стал активный обмен оперативной информацией. Однако в связи с проведением референдума о присоединении Крыма к России, работу группы по инициативе американской стороны пришлось прекратить.

Так же необходимо отметить, что в наиболее плодотворный период российско-американского антинаркотического сотрудничества до 2014 г. было проведено ряд спецопераций, в результате которых были не только конфискованы наркотические средства, но и ликвидированы лаборатории по их изготовлению.

К сожалению, в настоящий период сотрудничество между странами ограничено. Не смотря на готовность российских властей, которые рассчитывали на улучшение отношений с администрацией Трампа, и призывы официальных представителей Афганистана возобновить совместную деятельность по борьбе с наркотиками в стране, США, по-видимому, еще не готовы к сотрудничеству, что ярко продемонстри-

¹ Замир Кабулов: Россия готова возобновить сотрудничество с НАТО на афганском направлении. Электронный ресурс: <http://afghanistan.ru/doc/107181.html> (дата обращения: 14.04.17)

ровал последний отказ от участия в консультациях по Афганистану в Москве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011. С. 59
2. Волобуев А. Противодействие легализации наркотиков // Вестн. прокуратуры. 2013. № 1. С. 53.
3. Жмуйда И.В., Морозова М.Ю. Афганская наркоэкспансия: северное и южное направления / Современный Афганистан и сопредельные страны, сборник статей, М., 2011, С. 201.
4. Казанцев А.А. Сценарии и тенденции эволюции ситуации в центрально-азиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 года // Аналитические доклады МГИМО (У) МИД России. 2013. № 2 (37). С. 5.
5. Князев А. К истории и современному состоянию производства наркотиков в Афганистане и их распространению в странах Центральной Азии. Бишкек, Илим, 2003 г. С.6
6. Коргун В. Что после Карзая? // Международные процессы. 2009. № 1. С. 141.
7. Марухина А.В. Проблема наркобизнеса в Афганистане / Регион в глобальной архитектуре современного мира [Текст]: материалы межвуз. науч.-практ. конф. / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Сев. - Зап. акад. гос. службы; Изд-во СЗИ РАНХиГС. С. 91
8. Скотт П.Д. Наркотики, нефть и война. США в Афганистане, Колумбии и Индокитае. М.: Кучково поле, 2012. С. 49.
9. Степанова Е. Россия, США и противодействие наркотрафику из Афганистана / Pro et Contra, ноябрь-декабрь 2013, С. 108.
10. Тренин Д., Малашенко А. Афганистан: взгляд с севера. – М., 2010. – С. 14.
11. Хава Мохаммад Азам М. Российско-афганское взаимодействие в контексте вызовов международной безопасности (1991-2013 гг.) / диссертация на соискание степени к.и.н., РУДН, 2014, С. 121
12. Шумилов М. М., Исаев А. П., Гуркин А. Б. «Афганская наркоугроза и меры противодействия ей в контексте реализации Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.» / Управленческое консультирование, № 3, 2015. С. 5
13. Blanchard Christopher M. Afghanistan: Narcotics and U.S. Policy. Congressional Research Service, 2009. P. 33
14. Stepanova E. Russia's Concerns Relating to Afghanistan and the Broader Region in the Context of the US/NATO Withdrawal // CIDOB Policy Research Project, June 2013, 6.

Сведения об авторе: Сайед Ахмад Зия – аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН (e-mail: smousavi.af@gmail.com).

RUSSIA'S INTERACTION WITH THE USA AND NATO IN COMBATING DRUG THREAT IN AFGHANISTAN

Sayed Ahmad Zia

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the problem of interaction between the Russian Federation and the United States in the fight against the narcotic threat in Afghanistan. Drawing on a wide range of sources, the author points out that there have always been vernaculars between the two countries on this issue. However, until 2014, they nevertheless interacted in different formats and only the Ukrainian crisis that formalized the current confrontational relations between Russia and the United States put an end to such interaction. In the process of working on the material, the author applied the methodology of international relations and political science. In particular, the system method, the analytical method, the method of constructing scenarios, and the method of structural-functional analysis were used.

Key words: Russia, the United States, Afghanistan, drugs, drug trafficking, drug trafficking, Central Asia.

REFERENCES

1. Baryshev A.P. Modern strategy of the United States and NATO (in the context of national security problems in Russia). Moscow: OGI, 2011. P. 59
2. Volobuev A. Counteracting the legalization of drugs // Vestn. prosecutors. 2013. No 1. P. 53.
3. Zhmuyda IV, Morozova M.Yu. Afghan drug expansion: northern and southern directions / Modern Afghanistan and neighboring countries, collection of articles, M., 2011, P. 201.
4. Kazantsev A.A. Scenarios and trends in the evolution of the situation in the Central Asian region of collective security of the CSTO after 2014 // Analytical reports of MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 2013. No 2 (37). C. 5.
5. Knyazev A. To the history and the current state of drug production in Afghanistan and their distribution in the countries of Central Asia. Bishkek, Ilim, 2003. C.6.
6. Qorgun V. What after Karzai? // International processes. -2009. No. 1.P. 141 - 149
7. Marukhina A.V. The problem of drug trafficking in Afghanistan / Region in the global architecture of the modern world [Text]: materials of the inter-university. scientific-practical. Conf. / Ros. acad. state. service under the President of the Russian Federation. Federation. Sev. - Zap. acad. state. service; Publishing house of the SIS RASHHGS. P. 91
8. Scott P.D. Drugs, oil and war. USA in Afghanistan, Colombia and Indochina. M.: Kuchkovo field, 2012. S. 49.
9. Stepanova E. Russia, USA and counteraction to drug trafficking from Afghanistan / Pro et Contra, November-December 2013, P. 108.
10. Trenin D., Malashenko A. Afghanistan: a view from the north. - M., 2010. - P. 14.
11. Khava Mohammad Azam M. Russian-Afghan interaction in the context of international security challenges (1991-2013) / dissertation for the degree of Candidate of Sciences, PFUR, 2014, P. 121
12. Shumilov MM, Isaev AP, Gurkin AB "The Afghan drug threat and countermeasures to it in the context of the implementation of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020" / Management consulting, No. 3, 2015. P. 5
13. Blanchard Christopher M. Afghanistan: Narcotics and U.S. Policy. Congressional Research Service, 2009. R. 33
14. Stepanova E. Russia's Concerns Relating to Afghanistan and the Broader Region in the Context of the US / NATO Withdrawal // CIDOB Policy Research Project, June 2013, 6.

About the author: Sayed Ahmad Zia — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: smousavi.af@gmail.com).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Г.В. Коваленко

филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Аннотация. Проблема включения новых независимых государств, созданных на постсоветском пространстве, в систему современных международных отношений обусловлена как теоретическими, так и практическими причинами. С теоретической точки зрения необходимо, во-первых, осмыслить, могут ли парадигмы международных отношений, использоваться при формировании внешней политики суверенных государств; во-вторых, ответить на вопрос, на каких концептуальных основаниях и в каких формах новые независимые государства участвует в функционировании международной политической системы; в-третьих, выяснить специфику становления внешней политики новых независимых государств.

Взаимодействие государств на мировой арене является с давних пор объектом исследований. Этим - описанием происходящих событий - занимается история международных отношений, в то время как теория международных отношений изучает формирование основных методологических конструкций, объясняющих появление и развитие того или иного мирового порядка. Основными методологическими школами, действующими в рамках теории международных отношений, являются реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм, конструктивизм, институционализм, функционализм, феминизм и др., в которых за основу берутся определенные предположения, на базе чего выстраивается вся система анализа. Таким образом в статье рассматриваются основные теоретические подходы к изучению внешней политики.

Ключевые слова: внешняя политика, теория международных отношений, теория внешней политики, реализм, неореализм, либерализм, неолиберализм.

Одновременно с развитием общества и

образованием первых государств возникает внешняя политика. Любое государство претворяет в жизнь тот или иной курс внешней политики, взаимодействуя с другими субъектами внешнеполитической деятельности и регулируя свои взаимоотношения с ними. Так как каждое государство не существует изолированно, его положение обязывает к выбору и взаимоотношениям с партнерами и противниками на международном уровне в системе современной мировой политики, учитывая свои национальные интересы и приоритеты.

Главными внешнеполитическими целями государства, главным образом, являются национальная безопасность, формирование подходящих внешних условий для реализации целей и задач внутренней политики, направленных на достижение национально-государственных интересов. В задачи свободного и независимого существования государства входит предотвращение внешней угрозы своей целостности и безопасности, поиск союзников и партнеров в международных процессах, отстаивание должной роли и авторитета своей страны на международном уровне и т.д.; обеспечение благоприятных внешних условий составляют единую политическую линию государства в качестве самостоятельной и независимой области политики.

Становление и процесс международной политики как правило рассматривалась в рамках локального и регионального уровней, и только в XX в. у нее появилось третье измерение - глобальное. Все акторы международных отношений взаимозависимы и взаимодействуют как элементы единого целого. Кроме того, внешняя политика, как продолжение внутренней политики, связана с ней единой ресурсной базой.

Категория «внешней политики» остается одной из самых спорных в современной теории международных отношений. Внешняя политика государства формируется под воздействием как внешних, так и преимущественно внутренних факторов, является продуктом их сложной взаимосвязи.

С современной точки зрения можно говорить о двух тенденциях в установлении дефиниции термина «внешняя политика»:

первая определяет ее как «общий курс государства в международных делах», вторая - как «отношения между народами и государствами».

Большинство исследователей придерживаются точки зрения, что внешняя политика формируется в соответствии с национальными интересами и прочно соединена с внутренней политикой каждого государства, и ее самым главным фактором, определяющим мощь страны, является дипломатия.

Специфика внешней политики новых независимых государств характеризуется конструктивными отношениями с существующими различными государствами, независимо от их государственных различий в мире.

Во-первых, выступая единым целым, она формируется из комплекса процессов, происходящих во внутренней политике государства. Результатом этого является то, что мировое сообщество рассматривает содержание внешней политики как актора мировой политики, понимает интересы и позиции всего субъекта во всей совокупности, что достаточно часто приводит к отождествлению политики государства со всей страной и даже ее населением [Косолапов, 1999. С. 64-73].

Во-вторых, одна из характеристик внешней политики, развивается в системе международных отношений и мировой политики. Таким образом, прагматичная внешняя политика основывается на формировании рационального баланса между ее целями и возможностями для их достижения.

В-третьих, в своем прямом значении внешняя политика актора ориентирована исключительно на субъекты аналогичного порядка. Соответственно, каждое государство строит свою линию поведения на международной арене, формируя и осуществляя тот или иной внешнеполитический курс.

Общепринято, что внешняя политика государства считается продолжением внутренней. Однако теория польско-австрийского социолога Л. Гумпловича трактует

противоположное: собственно, внешняя политика определяет внутреннюю. По его теории, существует три категории, в рамках которой осуществляется внешняя политика.

Первая гласит, что внутренняя политика должна добиваться реализации усиления военной мощи, при помощи которой государство обеспечивает свою безопасность. Второй категорией являются приграничное сотрудничество или противоречия из-за приграничной линии между соседними государствами. Наконец, третья категория: «дилемма безопасности», т.е. государство должно сдерживать военное усиление соседнего государства для баланса сил¹.

С позиции геополитического положения государства и его ресурсного потенциала внешнюю политику реальнее отнести к более консервативной, чем внутреннюю. Тем не менее, правильным будет аргументировать, что действительное преобладание внутренней или внешней политики в каждом случае зависит от объективно-исторической конкретики. Основой координации между внутренней и внешней политикой служит «внешнеполитический процесс», содержание и структура которого составляют особый предмет научных полемик.

В то же время, согласно теории и практики международных отношений различные действия государства на международной арене часто имеют различия в трактовке понятий.

Так, для западных специалистов характерно использование термина «поведение государства» (*conduct*). Российский исследователь Н.А. Косолапов полагает, что подобный термин довольно размыт и призван формировать выводы о существовании у любого государства соответствующих целей, исходя из «умозрительного анализа», тогда как для рациональной оценки деятельности государства необходимо рассматривать, являются ли они результатом несоординированности, существующей между отдельными ведомствами, случайности или намеренным шагом [Косолапов,

¹ Баранов Н.А., Теория политики // Международные отношения и геополитика [Электронный ресурс].

1999. С. 64-73].

Однако можно отметить, что у этой категории есть положительные стороны, и ее применение необходимо для исследования направленности во внешнеполитических процессах государства, а также для политической, правовой или моральной оценки его действий на международной арене. Таким образом, если «поведением» можно обозначить любое действие актора, «политика» предполагает осознанное участие в полимерическом виде деятельности и долгосрочную системную обусловленность конкретного курса.

В свою очередь, российский исследователь и политолог М.М. Лебедева указывает, что сегодня в современных исследованиях теории внешней политики сформировались четыре главных традиции [Лебедева, 2009. С. 32-42]. Она считает, что как самостоятельная научная дисциплина «внешняя политика» требует более глубокого исследования ввиду того, что много исследований сосредоточены, в частности, на таких аспектах международных отношений как безопасность, политические режимы, борьба за энергоресурсы и др.

Таким образом, «внешняя политика» рассматривается преимущественно с позиций школы «политического реализма» и ее взглядов на природу международных отношений.

Вторая традиция изучает внешнюю политику посредством общетеоретического и сравнительного подходов. Для политологов во главе анализа стоят - исход осуществления государством своего внешнеполитического курса, для других субъектов, представители этого подхода анализируют механизмы формирования внешней политики, а также ее связей с внутренней политикой государства [Foreign Policy, 2001].

Третья традиция заключается в исследовании внешней политики государства с помощью составления обширной базы данных. Здесь широкое распространение получают математические методы и статистический анализ. Эта методология не дает объяснения самому процессу формирования внешней политики государства и степени влияния на нее отдельных факторов. Но

при том, что это направление менее популярно двух предыдущих, оно достойно внимания в контексте объяснительной модели существующего политического устройства государств мира и исследования собственно инструментов внешней политики страны.

Необходимо отметить, что четвертое направление изучения внешней политики находится в настоящее время на стадии своего становления и преимущественно отражает традиции неолиберальной школы, подвергая при этом критике ее базовые постулаты и большей частью принимая во внимание актуальную динамику международных отношений, в том числе рост влияния негосударственных игроков, глобализацию и т.п. Главное преимущество данного подхода заключается в отрицании крайностей реализма и либерализма: эта традиция в совокупности изучает внешнюю политику государств и деятельность негосударственных игроков, представляя свое видение их взаимовлияния.

Детально изучая классические подходы к исследованию внешней политики, необходимо упомянуть наиболее распространенную теорию Г. Моргентау. Рассматривая «внешнюю политику» с точки зрения силы, где национальные интересы превалируют над международными принципами и стандартами, он выводит следующую формулу: «Цели внешней политики должны определяться в духе национальных интересов и поддерживаться силой» [Моргентау, 1997. С. 501-507].

Таким образом, сила (военная, ресурсная, экономическая) преобразовывается в главный инструмент достижения целей, поставленных государством. Данная теория экстраполируется на внешнюю политику развитых государств на международной арене, но не всегда является успешной (примером может служить внешняя политика США в Афганистане) [Сушенцов, 2013].

В условиях безвластия стремления государств усилить свою мощь и, следовательно, небезопасного мира, в обстановке, когда необходимо соблюдать равновесие сил между великими державами, по большому

счету определяют базовые принципы формирования внешней политики. На неизменности и вечности этих позиций стоит четкое понимание умозаключений реалистов. Основополагающим является соотношение военных потенциалов государства, от чего базируется положение страны в общей структуре сил. Вследствие чего внешняя политика обусловлена наращиванием мощи государства, поддержанием баланса сил и способностью противостояния внешним угрозам.

Американский политолог, К. Уолтц, принимая во внимание влияние неоклассической экономической теории, заявляет, что во внешней политике главное — это структура международных отношений, т.е. глобальная система. На основании чего он предлагает два способа анализа структуры.

Прежде всего, это теория равновесия сил, являющейся частью курса государств, с целью недопущения усиления какой-либо государства, чтоб не произошло нарушение баланса сил. Иной способ заключается в том, что структура мировой системы, как результат взаимодействия участников международных отношений, может, как ограничить деятельность на мировой арене, так и предоставить благоприятные возможности. Различия целей и результатов в деятельности внешней политики стран происходит именно из-за структурные особенности международной системы [Waltz, 2010].

Рассмотрим позицию приверженцев либеральной парадигмы. Они не отрицают роль национальных интересов во внешней политике государства. Однако считают, что интересы личности кроются в основе интересов государства и самой внешней политики.

С позиции либерализма, основными действующими акторами мировой политики и внешней политики являются индивиды и группы индивидов. Курс внешнеполитической деятельности страны зависит от стоящей элиты у власти.

Внешняя политика базируется на социальных, экономических, научно-технических, ресурсных, военных, демографических и культурных возможностях государства. Комбинация этих потенциалов определяет мощь и поведение государства на

мировой арене, его приоритеты, возможности и интересы, формируют внешнеполитический потенциал государства.

Геополитическое положение государства оказывает влияние на выбор партнеров в международных отношениях и формирование взаимоотношений с противниками. Внешнеполитический потенциал обуславливает процесс преобразования национальных интересов в цели внешней политики, без чего не может быть осуществлена любая внешнеполитическая установка.

Важнейшие внешние функции государства, определяющие его деятельность в конкретных направлениях, представляют собой:

- гарантия мира и поддержание мирового порядка;
- безопасность государства (защита суверенитета, территории, решение других вопросов в обеспечении национальной безопасности);
- интеграция в мировую экономику;
- взаимодействие в решении современных глобальных вызовов и угроз с другими государствами. [Кондратов, 2010. С. 48-54].

Исторически внешнеполитическое поведение государства определяется благодаря установлению дипломатических отношений между различными странами. При этом традиционно для внешнеполитического процесса характерно: установление дипломатических отношений между государствами, открытие представительств государства при международных организациях, либо членство в них, диалог и взаимодействие с дружественными иностранными общественными движениями, союзами и учреждениями.

Выгодные возможности для проведения успешного внешнеполитического курса и наличие широкой системы связей различных аспектов во внешней политике дают возможность государству использовать множество рычагов влияния на другие страны. Но в случае несоблюдения равновесия сил может появиться реальная угроза суверенитету такого государства. Такой дисбаланс может повлиять на развитие положение и сотрудничество государства на мировой арене. [Трухин, 2013. С. 21-26].

Динамичное развитие международных процессов в современном мире не дает применить к их анализу одну из рассмотренных нами теорий.

Сущность внешней политики до сих пор по-разному понимается современными международниками. Многие думают, что данное понятие, утратило свою актуальность или требует пересмотра.

Политологи в исследованиях предлагают использование таких альтернативных понятий как «акция» и «поведение государства». Остальные отдадут предпочтение анализу динамики внешней политики сквозь призму «процесса ее выработки и принятия», прочие - через анализ «внешнеполитической культуры» государств.

Но несомненно, что исторически «национальный интерес» — это базовая категория внешней политики любого современного государства.

Таким образом, годы независимости стали временем активного выхода стран ЦА на международную арену, динамичного проведения ими самостоятельной внешней политики. Будучи полноправными членами мирового сообщества, каждая страна региона стремится самостоятельно формировать и реализовать свои национальные интересы и внешнюю политику, в меру своих возможностей принимает активное участие во всех сферах международной жизни. Осуществляя внешнеполитическую деятельность, учитывая реалии современного мира, глобальные и региональные вызовы, страны ЦА, несмотря на все трудности, постоянно находятся в поиске достойного места в мировом сообществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов Н.А., Теория политики // Международные отношения и геополитика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/21.htm
2. Косолапов Н.А. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1999. №3.
3. Кондратов А.И. Направление внешнеполитической деятельности государства // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. №1.
4. Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? // Материалы научного семинара «Внешняя политика: вопросы теории и практики» / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во МГУ, 2009.
5. Моргентхау Г. Международная политика/ Антология мировой политической мысли: в 5 т. М.: Мысль, 1997. Т.2.
6. Сушенцов А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов/ А.А. Сушенцов; отв. ред. Богатуров А.Д. М.: Издательство МГИМО-Университета, 2013. – 249 с.
7. Трухин Б.Н. Внешняя политика государства / Вестник Алтайской государственной педагогической академии. 2013. №3-2.
8. Foreign Policy in Comparative Perspective: Domestic and International Influences on State Behavior / Eds. by R. Beasley et al. Washington D.C.: CQ Press, 2001. – 368 p.
9. Waltz K. Theory of International Politics / Long Grove, Ill.: Waveland Press, 2010. – 251 p.

Сведения об авторе: Коваленко Глеб Васильевич доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, (e-mail: kovalenko-bleb@mail.ru).

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR RESEARCH OF THE FOREIGN POLICY OF THE POST-SOVIET STATES

The Lomonosov MSU branch in Dushanbe city, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Abstract. The integration problem of the newly independent states of former Soviet Union, into the contemporary system of international relations reflects both theoretical and practical aspects. From theoretical point, first of all, it is necessary to understand whether the paradigms of international relations can be used in forming of foreign policy of sovereign states; secondly, answer the question, on which conceptual basis and in which forms the newly

independent states are participating in the functioning of the international political system; and thirdly, to find out the special nature of these newly independent states' foreign policy forming process.

The interaction of states on the global arena has long been a focus of numerous studies. This - depiction of current events - is the focus of history of international relations, while the theory of international relations studies the forming of main methodological structures which explain appearance and development of any given world order. The main methodological schools within the theory of international relations are realism, neorealism, constructionism, institutionalism, functionalism, feminism and others, in which certain assumptions are taken as a basis consequently forming the whole system analysis. As a result, the article examines main theoretical approaches on study of foreign policy.

Key words: Foreign policy, theory of international relations, theory of foreign policy, realism, neorealism, liberalism, neoliberalism.

REFERENCES

1. Baranov NA, Theory of Politics // International relations and geopolitics [Electronic resource]. Access mode: http://read.virmk.ru/b/BARANOV_POLITICA/21.htm
2. Kosolapov N.A. Foreign policy and foreign policy process of subjects of international relations // World economy and international relations. 1999. №3.
3. Kondratov AI Direction of foreign political activity of the state // Scientific and analytical magazine Observer - Observer. 2010. № 1.
4. Lebedeva M.M. Foreign policy: expiration or reboot? // Materials of the scientific seminar "Foreign Policy: Issues of Theory and Practice" / Ed. P.A. Tsygankova. Moscow: Moscow State University, 2009.
5. Morgenthau G. International Politics / Anthology of World Political Thought: in 5 volumes M.: Thought, 1997. T.2.
6. Sushentsov A.A. Essays on US policy in the regional conflicts of the 2000s / A.A. Sushentsov; otv. Ed. Bogaturov A.D. Moscow: MGIMO University Press, 2013. - 249 p.
7. Trukhin B.N. Foreign policy of the state / Bulletin of the Altai State Pedagogical Academy. 2013. № 3-2.

About the author: Kovalenko Gleb Vasilievich – PhD, associate professor of department on social and liberal art sciences of the Lomonosov MSU branch in Dushanbe city.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В СНГ*

Е.Ф. Черненко

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. Цель статьи – показать, что СНГ как интеграционное объединение постсоветского пространства, несмотря на очевидные недостатки, имеет перспективы успешного развития в интересах всех государств-членов, и Россия в своей экономической стратегии может и оказывает влияние на этот процесс. Подчёркивается приоритетность экономического сотрудничества России со странами СНГ, закреплённая во «Внешнеэкономической стратегии России до 2020 года». Автор проводит сравнительный анализ плюсов и минусов российской конкурентоспособности в условиях антироссийских санкций запада, принимая попытку с объективных позиций оценить достигнутые успехи и нереализованные возможности сотрудничества России с государствами СНГ. В качестве ядра экономической интеграции рассматривается Евразийский экономический союз. В выводах автора, в частности, отмечается перспективность разноскоростного развития интеграции на постсоветском пространстве. Позиция автора по исследуемой проблематике изложена также в ряде его предыдущих работ [Черненко, 2014. С. 349-354; 2015. С. 50-56; 2014. С. 39-45; Внешняя политика, 2017. С. 152-156].

Ключевые слова: Россия, СНГ, интеграция, стратегия, конкурентоспособность.

По рейтингу глобальной конкурентоспособности 2016–2017, который опубликован аналитической группой Всемирного экономического форума (ВЭФ) позиция России в рейтинге улучшилась с 45 до 43 места¹. Россия имеет очевидные

* Статья подготовлена по материалам выступления автора на Международной научной конференции «Внешняя политика России на пространстве СНГ», состоявшейся в РУДН 15.12.2017 г.

¹ The Global Competitiveness Index 2016–2017 [Электронный ресурс]. URL:

конкурентные преимущества, в том числе перед другими странами СНГ. Среди них: высокий образовательный уровень населения, квалифицированная рабочая сила и мощный научно-технический потенциал.

Вместе с тем достигнутый уровень конкурентоспособности нельзя назвать удовлетворительным. Открытость экономики в условиях западных антироссийских санкций показала свою чрезмерность. Есть проблемы в системе государственного управления, финансовой и институциональной сферах. Несовершенна инфраструктурная составляющая российской экономики.

Факторные условия развития конкурентоспособности России следует разделить на благоприятные и неблагоприятные. К числу первых относится обширная территория, богатые природные ресурсы (крупнейшие запасы апатитов, природного газа, бурого угля, нефти, железной руды, никеля, олова, цинка, урана, меди, свинца, золота, алмазов, платины, палладия). К неблагоприятным условиям - холодный климат, что обуславливает повышенную энергоёмкость производства и объективно повышенную стоимость рабочей силы (тёплая одежда, отопление, более калорийное питание).

СНГ является одним из важнейших внешнеэкономических приоритетов России. Основные документы, отражающие задачи, направления и приоритеты внешнеэкономической деятельности России, «Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020» (декабрь 2008 г)²; "Договор о Евразийском экономическом союзе" (29.05.2014)³ и ряд других.

Как известно, идея интеграции новообразованных суверенных государств на

<http://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>

²Внешнеэкономическая стратегия Российской Федерации до 2020» (декабрь 2008 г) [Электронный ресурс]. URL:

<http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/foreigneconomicactivity/vec2020>

³Договор о Евразийском экономическом союзе" (29.05.2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/

постсоветском пространстве принадлежала Президенту Казахстана Н. Назарбаеву и была поддержана Россией, Беларуссией и некоторыми другими бывшими союзными республиками СССР. При этом лидеры большинства из них руководствовались, прежде всего, политическими соображениями, приоритет которых первоначально объяснялся стремлением обеспечить «цивилизованный развод». Однако экономические трудности, с которыми столкнулись страны, экономики которых до распада СССР составляли единый народнохозяйственный комплекс, проблемы, связанные с обеспечением безопасности, охраной государственных границ заставили задуматься над укреплением экономического ядра интеграции. Так возникло СНГ.

В качестве важнейшей экономической составляющей интеграционных процессов выступает энергетика. В этом отношении энергетическая стратегия России, как крупнейшей энергетической державы Евразии, имеет принципиальное значение¹. Кроме того, Россия – крупнейшая экономика и наиболее технологически развитая страна на постсоветском пространстве.

Изначально допускалось, что связующим звеном постсоветской интеграции может стать сохранение единой валюты (советского рубля), однако это не получило поддержки в других бывших союзных республиках. В этом вопросе возобладало стремление разойтись по «национальным квартирам», дабы лучше сохранить национальную идентичность. В результате каждая страна создала свою национальную валюту. В странах СНГ в среде национальных элит до сих пор сохраняется боязнь ослабления своего политического влияния по мере усиления экономического интеграционного центра в лице России.

В настоящее время экономические отношения стран-членов СНГ успешнее развиваются в двустороннем, чем в многосто-

роннем формате. Двусторонние отношения будут оставаться важнейшим инструментом реализации торгово-экономических интересов России на пространстве Содружества. Так сотрудничество с Беларуссией рассматривается как один из ключевых направлений интеграции. Беларусь занимает лидирующие позиции среди внешне-торговых партнёров России. На неё приходится почти половина всего товарооборота. Вместе с тем имеются и некоторые противоречия, «рабочие моменты», которые две братские страны в состоянии урегулировать. По итогам 2016 года его объем товарооборота между Россией и Беларуссией составил 26,3 млрд. долларов сократившись на 5%. Снижение по итогам года обусловлено в первую очередь, ценовыми факторами, в результате чего сократились показатели торговли углеводородами, металлами и продукцией машиностроения. В то же время Беларусь значительно увеличила в Россию поставки продовольственных товаров – мяса и птицы, молочной продукции, фруктов и овощей. Общий объем продовольственных поставок оценивается в 2 млрд. долларов. Тем не менее, Россельхознадзор не раз отмечал, что через Беларусь в Россию поступает и подсанкционная продукция. Были неоднократные заявления со стороны Беларуссии о своих приоритетах: едином экономическом пространстве с одинаковыми ценами нефти и газа, допуске к госзакупкам России.

Чтобы осуществить эти цели, Беларусь увеличила тарифы на ввозимые автомобили при отсутствии своего производства. Из-за таких мер потребовалось установить правила сертификации товаров легкой промышленности, что нанесло урон розничной торговле.

Помимо этого, стандарты, принятые на уровне Таможенного союза, были унифицированы по образцам ВТО, при том, что Беларусь не входит в эту организацию в отличие от России. Предприятиями Беларуссии не получен доступ к программам России по импортозамещению.

Не будучи членом ВТО, Беларусь неоднократно настаивала на более льготных

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года» (13 ноября 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/96681/>

ценах на импортируемый из России газ, поднимала импортные пошлины на продукцию российского автопрома. В подобных ситуациях руководителям обоих государств, вероятно, следовало бы проявлять большую политическую гибкость, с большим пониманием относиться к интересам друг друга. Союзное государство России и Беларуси – это реальность, достойная того, чтобы её учитывать и развивать.

Республика Казахстан является стратегическим партнёром России на центрально-азиатском направлении. Отношения России и Казахстана могут служить примером успешного дипломатического и практического межгосударственного взаимодействия. Товарооборот с Казахстаном составляет $\frac{1}{4}$ всей торговли России со странами СНГ. Российские компании участвуют в разработке крупнейших казахстанских месторождений углеводородного сырья. Реализовано около двух десятков крупных совместных инвестиционных проектов, реализуются четыре, ещё три – в перспективе. Через территорию России идёт основной объём транзита казахстанской нефти (около 20 млн. т) на внешние рынки по нефтепроводам Атырау – Самара, Махачкала – Новороссийск и также по Каспийскому трубопроводу. Много больших совместных проектов в области высоких технологий, промышленности, сельского хозяйства, энергетики. Казахстанские инвестиции в Россию составляют порядка 3 млрд. долл. У России и Казахстана есть большие планы по совместной нефтедобыче на Каспии. В синхронном режиме функционируют энергосистемы двух стран. Разрабатывается программа создания общего рынка электроэнергии России и Казахстана. Реализуется проект по расширению и реконструкции Экибастузской ГРЭС-2. Идет подготовка к строительству в Казахстане первой атомной электростанции. В Казахстане создаются сборочные предприятия и сервисные центры ведущих российских автопроизводителей. Крупнейшим из них станет завод «АвтоВАЗ» в Усть-Каменогорске мощностью 120 тысяч автомобилей в год. Ведётся ра-

бота по организации СП по сборке многоцелевых вертолетов Ка-226Т. Налаживается более тесная кооперация в освоении космоса. Создается космический ракетный комплекс «Байтерек». Казахстанский космонавт летал на МКС в составе экипажа корабля «Союз ТМА-16М».

Стратегической целью России во взаимодействии с Азербайджаном, Арменией, Молдавией, Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменией является развитие более глубокого уровня экономического взаимодействия путём расширения кооперационных связей, инвестиционного сотрудничества, взаимной диверсификации торговли. При этом наиболее крупные инвестиционные проекты – в энергетике и телекоммуникациях.

Доля стран СНГ во внешней торговле России меньше, чем стран дальнего зарубежья. По итогам внешней торговли 2016 года она составила 12,1%, немного снизившись на 0,5% по сравнению с 2015 годом. В 2016 году российские компании экспортировали в СНГ товаров на сумму в 56,7 млрд. долларов (-14,2%), а импортировали на 19,3 млрд. долларов (-8,1%)¹. Падение цен на нефть привело не только к девальвации российского рубля, но и снижению курсов национальных валют в странах Содружества. Больше всех подешевел узбекский сум (-17,5%) и манат Азербайджана. Кроме того, во многих странах наметился производственный спад, который привел к сокращению спроса и предложения товаров на внешнем рынке.

Структура внешней торговли России со странами СНГ в 2016 г.

Страны СНГ	Объём товарооборота (млн. долл.)	Изменение по сравнению с 2015 г. (%)
Белоруссия	26306	-5

¹ Внешняя торговля России в 2016 году: цифры и факты [Электронный ресурс]. URL: <http://провед.рф/analytics/research/40407-vneshnyaya-topgovlya-rossii-v-2016-godu-tsifpy-i-fakty.html>

Казахстан	13039	-16.3
Узбекистан	2726	-4
Азербайджан	1954	-30
Армения	1336	+6
Киргизия	1196	-17
Молдова	1161	-13
Туркмения	902	-9
Таджикистан	688	-5

Источник: составлено по данным ФТС

В структуре внешней торговли России со странами СНГ в 2016 г., представленной Федеральной таможенной службой, среди государств СНГ увеличила внешнеторговые показатели лишь Армения – объем поставок вырос на 6% до 1,34 млрд. долларов.

В товарной структуре экспорта России в страны СНГ преобладают топливно-энергетические товары – на них приходится 32,6%. Из-за снижения цен на углеводороды, а также уменьшения поставок газа и нефти на Украину и в Белоруссию, стоимостные и физические объемы экспорта этих товаров сократились на 31,2% и 8,7% соответственно. При этом снизились поставки электроэнергии на 34,5%, природного газа на 16,6%, нефтепродуктов на 3,8%. Поставки машин и оборудования занимают второе место по объемам экспорта. Кроме того, Россия поставляет на рынок СНГ металлы, продукцию химической промышленности. При этом экспорт удобрений показал рост на 20,8%. Это связано ростом спроса в связи с развитием сельского хозяйства в странах СНГ.

Товарная структура импорта товаров из стран СНГ в последние годы начинает изменяться – с каждым годом становится всё больше доля продовольственных товаров. На 6,2% выросли поставки машиностроительной продукции. При этом наибольший рост показали объемы ввоза грузовых автомобилей – на 51,2%. Кроме того, в прошедшем году Россия увеличивала спрос на закупку сельскохозяйственной техники и оборудования.

В физическом выражении увеличились закупки металлов и изделий из них – стоимостной объем вырос на 1,9%, а физический – на 9,9%. Наибольший рост показали закупки металлических труб (+40,2%), а также плоского проката и нелегированной стали – на 17,8%.

Рекордный рост показал и импорт текстильных изделий – стоимостной объем их ввоза вырос на 25,8% и 40,8% соответственно. Конфликт с Турцией – одним из главных поставщиков текстиля на российский рынок, и девальвация рубля, которая сделала дороже закупку данной продукции в Китае, заставила отечественные компании переориентироваться на рынки стран СНГ.

Таким образом, 2016 г. для внешней торговли прошел в условиях низких цен на нефть, девальвации и торговых запретов, что повлияло на структуру торговли.

Важную роль для экономического объединения стран, входящих в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в рамках СНГ, сыграл Таможенный союз. В Таможенный союз вошли страны, у которых одно экономическое прошлое, однако сегодня эти государства заметно отличаются друг от друга. Конечно, и в советский период республики отличались по своей специализации, однако после обретения независимости произошло немало изменений, влияющих на мировой рынок и систему международного разделения труда.

Тем не менее, существуют и общие интересы. У многих стран-участниц сохранилась зависимость от российского рынка сбыта. Эта тенденция носит экономический и геополитический характер.

На протяжении всего времени ведущие позиции в процессе интеграции и стабилизации ЕАЭС и Таможенного союза занимала Россия. Это было возможным благодаря ее стабильному экономическому росту до 2014 г., когда цены на сырьевые ресурсы были высокими, что помогало осуществлять финансирование проектов в рамках достигнутых соглашений. В нынешних же условиях приходится искать компромиссы.

СНГ как международная организация имеет недостаточное количество «точек

соприкосновения» между его членами. Это побуждает лидеров стран СНГ искать альтернативные интеграционные варианты.

На пространстве СНГ сформировались несколько организаций с более конкретными общими целями и проблемами. В рамках СНГ действует механизм разновуровневой интеграции. Каждое государство само решает вопрос о том уровне интеграции, который для него является оптимальным.

Что касается многостороннего сотрудничества, то на Международном Экономическом Форуме Содружества «СНГ – взгляд в будущее» (Москва, 17 марта 2017 г.) и одновременном заседании Экономического Совета СНГ по случаю 25-летия СНГ была предложена Программа действий, ориентированная на развитие широких многосторонних связей, обеспечение стабильного и динамичного социально-экономического роста¹. Отмечена важность развития взаимодействия национальных институтов власти, деловых и финансовых структур, экспертного сообщества.

Углубление интеграционных процессов в экономике и на финансовых рынках позволит противостоять кризисным явлениям в современном мире. Необходимо принятие стабилизационных мер в финансово-банковском секторе: уход от сырьевой зависимости, увеличение доли национальных валют во взаимной торговле, расширение научно-производственной кооперации, поддержка инвестиционных проектов.

В Плане мероприятий по реализации стратегии экономического развития СНГ на период до 2020 года намечено: дальнейшее углубление торгово-экономических отношений в рамках зоны свободной торговли, развития рынков услуг и труда, создание межгосударственного информационного пространства, взаимодействие в валютно-финансовой сфере, повышение эффективности использования материальных и природных ресурсов, развитие транспорта, энергетики, промышленности, АПК.

¹ Международный экономический Форум Содружества «СНГ – взгляд в будущее» (Москва, 17 марта 2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bccis.ru/forum>

По словам Костина А.Л., Председателя правления Банка ВТБ, «Содружество подтвердило востребованность и продолжает оставаться одной из основных платформ сотрудничества на постсоветском пространстве в экономике, военно-политической и гуманитарной сферах. Именно механизмы СНГ сдержали в 1990-е гг. многие губительные дезинтеграционные процессы и существенно смягчили экономический и социальный шок»².

Выводы:

1. Стратегия Российской Федерации нацелена на долгосрочную перспективу, выходящую за пределы 2020 года.

2. Являясь экономическим ядром СНГ, и одним из инициаторов его образования, Россия рассматривает возможности углубления интеграционных процессов на постсоветском пространстве по уже имеющимся направлениям и расширения спектра таких направлений.

3. Будучи наиболее экономически развитой и богатой ресурсами страной СНГ Россия осознаёт, что интенсивность развития интеграционных процессов в Евразии и их успешность напрямую зависят от того, насколько успешно будет развиваться сама российская экономика.

4. В настоящее время и в перспективе в рамках СНГ возможно разноскоростное развитие интеграционных процессов.

5. Наиболее привлекательным становится интеграционное объединение ЕАЭС, которое, несмотря на текущие проблемы, может стать моделью успешной интеграции постсоветских государств.

6. Интеграционные усилия необходимы как со стороны национальных элит, так и микроэкономических субъектов стран СНГ.

7. Накопленный Россией опыт участия в интеграционных процессах имеет принципиальное значение для выстраивания взаимодействия, как на двусторонней, так и многосторонней основе в рамках СНГ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

² Там же.

1. Внешняя политика стран СНГ: Учеб. пособие для студентов вузов / Ред.-сост. Д. А. Дегтерев, К. П. Курyleв. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. - 496 с.
2. Черненко Е.Ф. Евразийская интеграция: геоэкономический контекст // Безопасность Евразии. – М., 2014, №2(48). – С. 349-354.
3. Черненко Е.Ф. Особенности миграционных процессов в Евразийском экономическом союзе // Вестник МГЭИ. – М., 2015, №1. С. 50-56.
4. Черненко Е.Ф. Экономические аспекты евразийской интеграции // Вестник МГЭИ. – М., 2014, №3(4). – С. 39-45.

Сведения об авторе: Черненко Елена Фёдоровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН. (e-mail: chernenko_ef@rudn.university).

THE FOREIGN ECONOMY STRATEGY OF RUSSIA IN THE CIS

E.F. Chernenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The purpose of the article is to show that the CIS as the integrated association of post-Soviet space, in spite of obvious deficiencies, has prospects for successful development in the interests of all member states, and Russia in its economic strategy can and has an effect on this process. The priority of the economic collaboration of Russia with the countries of the CIS, fixed in "The foreign economy strategy of Russia up to 2020" is emphasized. The author carries out comparative analysis of pluses and minuses of Russian competitive ability under conditions of anti-Russian sanctions of the West, undertaking an attempt from the objective positions to estimate the successes reached and unrealized possibilities for cooperation of Russia with the states of the CIS. Eurasian economic union is examined as the nucleus of economic integration. In the conclusions of the author, in particular, is noted, the prospect of the development of integration on the post-Soviet space with different velocities. The position

of the author on the problems being investigated is presented also in a number of his previous works.

Keywords: Russia, CIS, integration, strategy, competitive ability.

REFERENCES

1. Foreign policy of the CIS countries: Proc. allowance for students of universities / Ed.-Comp. D. A. Degterev, K. P. Kurylev. - Moscow: Aspect Press Publishing House, 2017. - 496 p.
2. Chernenko E.F. Eurasian integration: geo-economic context // The Safety of Eurasia. 2014. №2 (48). P. 349-354.
3. Chernenko E.F. Special features of migratory processes in the Eurasian Economic Union // Vestnik MHEI. 2015. №1. P. 50-56.
4. Chernenko E.F. Economic aspects of the Eurasian Integration // Vestnik MHEI. 2014. №3 (4). P. 39-45.

About the author: Chernenko Elena Fyodorovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: chernenko_ef@rudn.university).

**ТУРЦИЯ И РОССИЯ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВОПРЕКИ
СТОЛКНОВЕНИЮ ИНТЕРЕСОВ**

А.Г. Ибрагимов

Бакинский Государственный Университет,
Баку, Азербайджан

Аннотация. Нынешняя глобальная политика характеризуется активизацией экономического взаимодействия, ведущие державы усиливают свое влияние в важных регионах. Растущее партнерство между Турцией и Россией представляет собой полезное исследование для изучения этой трансформации, в которой западное превосходство и гегемония США становятся все более сложным. Турецко-российские отношения проливают свет на более широкие темы в мировой политике. Во-первых, значительная экономическая взаимозависимость может возникать среди государств с различными политическими перспективами в форме разрозненных схем региональной интеграции, обусловленных двусторонними отношениями между ключевыми государствами и поддержкой частных субъектов или интересов. Во-вторых, растущая экономическая взаимозависимость может сосуществовать с продолжающимся политическим конфликтом и геополитическим соперничеством, о чем свидетельствуют сирийские и украинские кризисы. Важной стратегией, которая возникает, является тенденция разделять экономические проблемы и геополитическое соперничество во избежание негативных последствий разрыва. Это способствует сосуществованию обширной конкуренции с углублением сотрудничества, что отражено в отношениях в области энергетики.

Ключевые слова: глобальный порядок, взаимодействие, стратегия, геополитические интересы, регион.

Элементы сотрудничества и конфликта в новом глобальном порядке.

Глобальная политика переживает период значительных преобразований, поскольку гегемония США оспаривается ростом новых держав. Однополярная структура международной системы, со-

зданная сразу же после окончания холодной войны, постепенно отступала, когда сформировался многополярный порядок. Дорогие войны в Афганистане и Ираке и разрушительный экономический кризис в 2008 году ускорили сдвиг в балансе сил от западных держав, Китай занимает все более важную роль в формирующемся глобальном порядке. Растущее распространение силы во все большей степени означает, что у новых держав есть все больше возможностей для проведения более амбициозной и агрессивной внешней политики. В этом контексте также бросается вызов появлению государств, которые все еще стремятся утвердиться в качестве активных региональных и глобальных субъектов. Такие страны, как Турция, Мексика и Индонезия, относятся к последней категории. В этом контексте основное внимание уделяется взаимодействию между Россией и Турцией, двумя ключевыми странами, расположенными на границе Европы, которые создали динамичное экономическое партнерство, особенно в течение последнего десятилетия, и модель растущей взаимозависимости, что резко контрастирует с весьма конфликтными отношениями между двумя странами в течение нескольких столетий.

Россия и Турция стали влиятельными акторами в Евразии, а также на Ближнем Востоке. За последнее десятилетие и Россия при Путине, и Турция при Эрдогане пользовались относительной политической стабильностью и экономическим процветанием, что упрочило степень взаимозависимости между двумя странами по сравнению с 1990-ми гг., когда Россия испытывала трудности в своем переходе к рыночному капитализму, и Турция столкнулась с рядом экономических и политических кризисов. Растущая экономическая мощь не только способствовала активизации двусторонних связей, но также способствовала стремлению обеих стран играть более активные роли на международной арене. Они также воспользовались нынешней структурой международной системы, которая обеспечивает более благоприятную среду для

таких держав, как Турция и Россия, для того, чтобы играть более активную роль в региональных делах.

Систематический анализ российско-турецких отношений в меняющемся международном порядке позволяет сделать следующие обобщения. Растущие торговые и экономические связи могут способствовать развитию значительного партнерства, обусловленного общими экономическими интересами, между государствами с расходящимися геополитическими взглядами и политическими режимами. Россия вместе с Китаем представляет собой авторитарную версию БРИКС, в то время как Турция, несмотря на свои демократические изъяны, все больше обеспокоена ростом авторитаризма и размыванием автономии государственных институтов на более позднем этапе эпохи ПСР, ближе к демократическому варианту, представленному Индией, Бразилией и Южной Африкой. Различия в геополитическом мировоззрении были отражены в подходах двух государств к арабским революциям и, в частности, к сирийскому кризису. Хотя Турция пыталась заявить о себе как о «проводнике демократии» в арабском мире, собственные демократические недостатки Турции и ее чрезмерное участие в сирийских делах создают серьезные ограничения на ее внешнюю политику в отношении Ближнего Востока. В этом контексте и в противовес Турции Россия, как и Китай, встала на сторону режима Асада в Сирии.

Важным в нынешнем контексте является то, что основные различия в политических ориентациях двух государств не подорвали их экономическое партнерство, созданное на основе торговых и инвестиционных связей, построенных в течение двух десятилетий. В то же время, при отсутствии общих норм, чрезвычайно сложно установить подлинное «политическое сообщество» среди таких государств. Этот вывод касается не только двусторонних отношений, установленных между такими государствами, но также и региональных блоков, где эти государства составляют основную дви-

жущую силу. ОЧЭС является ярким примером такого расплывчатого регионализма. Это не соответствует подлинному политическому порядку, основанному на общей идентичности, учитывая, что государства-члены, в частности такие ведущие государства, как Россия и Турция, не могут договориться об общих нормах, которые необходимы для создания подлинного политического сообщества. Другой ключевой вопрос касается часто парадоксального сосуществования взаимозависимости и зависимости, особенно когда одно из государств обладает экономическим преимуществом над другой. В российско-турецких отношениях Россия, безусловно, является более сильным партнером в результате зависимости Турции от Москвы из-за ее энергетических ресурсов. Эта схема асимметричной взаимозависимости важна с точки зрения ограничения вариантов переговоров более уязвимого партнера, что также может поставить под сомнение логику «стратегического партнерства», созданного между двумя государствами, что вызывает определенную озабоченность по поводу его долговечности.

Трансформация двусторонних отношений: элементы непрерывности и разрыва.

Русские и османы на протяжении веков были соперниками. Бурная история османско-российских отношений была отмечена 13 кровавыми войнами, последней из которых была Первой мировой войной. Однако к концу войны, когда обе монархии были свергнуты или побеждены, беспрецедентная трансформация как внутренней, так и внешней динамики этих сил положила начало новой и гораздо более позитивной главе в двусторонних отношениях. После Первой мировой войны в то время, когда обе стороны были изолированы от международной системы, большевистское правительство при Владимире Ленине, а турецкие националисты под руководством Мустафы Кемали Ататюрка развили близкие отношения. СССР был первым европейским государством, официально признавшим националистическое правительство Тур-

ции с Московским договором, подписанным 16 марта 1921 г., по иронии судьбы, в то время как Османский Султанат номинально все еще существовал.

Межвоенная эпоха была отмечена экономически близкими, но политически осторожными двусторонними отношениями. В этот период пропаганда этатизма была вдохновлена социалистическим экспериментом СССР. Очевидный успех централизованной советской экономики в то время, когда западный мир был поражен Великой депрессией, сделал ее привлекательной моделью. Однако человеческие издержки и недостатки социалистического строя в сталинскую эпоху не были раскрыты внешнему миру. Упор Турции на развитии промышленной базы и осуществление пятилетних планов было основано на советской модели. Однако, несмотря на тесное сотрудничество с СССР, турецкие лидеры подчеркнули, что их этатистская политика отличается от социализма. Не было классового конфликта, и государственный контроль все еще был ограничен. Большая часть экономики, особенно сельского хозяйства и легкой промышленности, оставалась в частных руках.

Первая серьезная напряженность в двусторонних отношениях возникла в 1936 году во время переговоров в Монтрё, что позволило Турции восстановить контроль над турецкими проливами посредством ремилитаризации. Напряженность достигла кульминации после Второй мировой войны, когда 19 марта 1945 г. министр иностранных дел СССР Молотов проинформировал Турцию о том, что СССР отказывается возобновить пакт о ненападении 1925 года. Когда правительство Турции узнало об условиях нового соглашения, Молотов сообщил, что в дополнение к базам в проливах СССР требует некоторую территорию в Восточной Анатолии. Более того, на Потсдамской конференции (июль 1945 г.) советский лидер Иосиф Сталин попытался пересмотреть Конвенцию Монтрё. В марте 1947 г. стали появляться контуры холодной войны с провозглашением Доктрины Трумэна, а СССР и Турция находились в

разных лагерях во время Корейской войны. Наконец, когда Турция присоединилась к НАТО в 1952 г., турецко-американский альянс, а также турецко-советский раскол были институционализованы.

Геостратегическое соперничество bipolarной эпохи определяло спорные отношения периода холодной войны. За это время отношения между двумя странами были практически заморожены, а подъем СССР и распространение коммунизма были расценены как серьезные угрозы безопасности с турецкой точки зрения. Турция была твердо в западном лагере, как член НАТО и как ассоциированный член и потенциальный полноправный член Европейского сообщества. Тем не менее, в эпоху холодной войны возникли периоды раннего сближения. Во-первых, под руководством премьер-министра Бюлента Эджевита произошло сближение с Советами в середине 1970-х гг. после кипрского кризиса. Затем, в 1980-х гг. в период правительства Тургута Озала заключенное в 1984 году Соглашение о природном газе стимулировало торговые и инвестиционные связи. В этот период улучшение экономических отношений было начато турецким частным сектором, который действовал под эгидой недавно созданного Совет по внешнеэкономическим связям.

В то время как исследования двусторонних отношений в основном касаются контекста после холодной войны, часто игнорируется очень важная прелюдия, которая имела место в последнее десятилетие холодной войны, события во второй половине 1980-х гг., задолго до распада СССР и окончания «холодной войны», стали подлинным поворотным моментом в турецко-российских отношениях и создали основу сильного экономического партнерства, возникшего за последние три десятилетия. С турецкой точки зрения мы наблюдаем важность сильного сотрудничества между государством и бизнесом, частный сектор играет ведущую роль, а государство, особенно под руководством Озала, играет важную вспомогательную роль в этом процессе.

Соглашение о природном газе 1984 г. требовало от СССР покупать товары и услуги из Турции в обмен на экспорт природного газа. Турецкий частный сектор предпринял согласованные усилия для выхода на советские рынки, используя преимущества, предлагаемые Соглашением о природном газе. То, как было заключено Соглашение, открыло пространство для турецких фирм для работы в жестко регулируемой и ограничительной экономической среде СССР. Этот случай подчеркивает важность государственных субъектов в создании первоначального импульса для процесса сближения, от которого частные участники явно выиграли.

Как только начальный импульс был задан, организационные возможности турецкого частного сектора, действующего под эгидой DEİK и турецко-российского делового совета оказались решающими в способности Турции расширять торговые и инвестиционные связи с СССР. Действительно, ряд ведущих турецких строительных компаний, таких как ENKA, ALARKO и TEKFEN, начали устанавливать сильные позиции в России, а также в других советских республиках в конце 1980-х гг. Это, в свою очередь, обеспечило основы для укрепления экономических отношений как с Российской Федерацией, так и с более широким постсоветским пространством, этот процесс продолжался в ускоренном темпе после развала СССР в 1991 г. Тургут Озал, архитектор экономических программ и интеграционного процесса с мировой экономикой, был ключевой фигурой оказания поддержки сильным инициативам частных корпораций и ассоциаций. Эта решительная поддержка была значительной в то время, когда ключевые сегменты турецкой экономической бюрократии неохотно поддерживали крупное расширение экономических отношений с Россией. Именно в этот период предприниматели начали сопровождать Озала в государственных визитах в СССР. Озал символизировал государственную поддержку, которая способствовала внушению доверия со стороны советских государственных

институтов, регулирующих торговлю и инвестиции. Эта стратегия повысила способность частных фирм и их коллективных ассоциаций, таких как DEİK, преодолеть сильные барьеры в торговле и инвестициях в экономику.

Распад СССР и последующая системная и региональная трансформация создали новые вызовы, а также возможности для расширения сотрудничества. В период после окончания холодной войны мы можем идентифицировать две разные фазы в турецко-российских отношениях. Окончание холодной войны в начале 1990-х гг. привело к новому этапу отношений; этот первый этап характеризовался значительным сотрудничеством в экономической сфере. Особенно в контексте начала 1990-х гг. значительная степень взаимодополняемости существовала между экономистами Турции и Российской Федерации (а также с Содружеством Независимых Государств (СНГ)). Турция зависела от российских поставок нефти и природного газа, в то время как Турция, обладающая значительным опытом роста частного сектора в смешанной экономической системе, имела хорошие возможности для возврата потребительских товаров и строительных услуг в обмен. В 1990-е гг. торговля между Турцией и Россией значительно расширилась.

Однако эти отношения характеризовались значительными элементами конфликта в разгар экономического и дипломатического сотрудничества. Основная причина конфликта возникла в стремлении Турции играть ведущую роль в отношении новых независимых турецких республик – Азербайджана и государств Центральной Азии. В начале 1990-х гг., после ряда разочарований на пути вступления в ЕС, Турция предприняла все более активную политику в отношении Азербайджана и центральноазиатских республик на основе культурных, исторических и языковых связей. В течение 1990-х гг. значительно расширились отношения между Турцией и Азербайджаном и центральноазиатскими республиками. Поддержка США в стремлении Турции играть активную роль региональ-

ного лидерства вызвала еще большее недовольство со стороны российского руководства. С российской точки зрения постсоветское пространство будет по-прежнему находиться в российской сфере влияния, хотя Советский Союз прекратил свое существование в формальном плане. Следовательно, российское руководство, столкнувшееся со значительными трудностями на внутреннем фронте и еще не способное продемонстрировать более настойчивую внешнюю политику, характерную для более поздней эпохи Путина, тем не менее было встревожено любым активным соперничеством новых держав в регионе.

Конфликт между двумя странами также был обусловлен их взаимным участием в многолетних внутренних этнических конфликтах, с которыми сталкиваются два государства, несколько симметричным образом. Турция косвенно поддерживала чеченских боевиков, что вызвало большой резонанс в России. Аналогичным образом Россия оказывала косвенную поддержку вооруженному курдскому движению ПКК, создавая столь же громкий источник возмущения в турецком контексте. Конфликты также возникли по поводу попыток Турции для диверсификации энергетических маршрутов. В 1990-е гг. основной инициативой Турции в этой сфере был проект нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), который отразил его желание утвердиться в качестве энергетического коридора, соединяющего бывшее советское пространство с западными рынками. Это видение вступало в прямой конфликт с российской перспективой. Москва стремилась монополизировать энергетические маршруты и воспринимала попытки Турции диверсифицировать их как естественную угрозу ее доминированию в энергоснабжении. Поскольку проект БТД был осуществлен при значительной поддержке со стороны США, вторжение западных держав в регион в российской сфере влияния стало дополнительным источником споров для Москвы.

Однако к концу 1990-х гг. на втором этапе отношений сдвиг поведения в стра-

тегиях двух государств привел к дальнейшему сближению. Политика Турции в отношении Азербайджана и центральноазиатских республик была смягчена по сравнению с началом 1990-х гг. Хотя Турция продолжала развивать экономические, культурные и дипломатические связи с Азербайджаном и центральноазиатскими республиками, это было достигнуто более сбалансированным образом. Турецкие политики уже с конца 1990-х гг. осознавали пределы «вмешательства» в регион и избегали активной конфронтации с Россией, особенно в регионах, которые оказались в прямой сфере влияния России. Более того, между двумя государствами было негласное соглашение о невмешательстве во внутренние политические конфликты друг друга, что имело очевидные отрицательные последствия. И Турция, и Россия приняли нейтральные позиции в отношении курдских и чеченских конфликтов. В результате этих событий маятник резко развернулся в направлении сотрудничества в начале нового века. Эта фаза, которая в целом соответствует эпохе после 2001 г., может быть определена как «золотой век» турецко-российских отношений, процесс явно облегчается несколькими государственными визитами высокого уровня и официальными двусторонними соглашениями. Под руководством Эрдогана и Путина отношения приобрели новый импульс, основанный на сильной экономической взаимозависимости. Степень сотрудничества значительно улучшилась в ходе третьего этапа. В то же время мы должны с осторожностью относиться к термину «стратегическое партнерство», считая, что существенные элементы раздора продолжают характеризовать отношения, особенно в геополитических терминах.

Значительная экономическая взаимозависимость может возникать среди государств с различными политическими взглядами. Кроме того, эта растущая взаимозависимость обусловлена двусторонними отношениями между ключевыми государствами и поддержкой частных субъектов или интересов в фор-

ме разрозненных схем региональной интеграции. Одной из интересных особенностей турецко-российского экономического партнерства является то, что, хотя ОЧЭС внесла свой вклад в этот процесс, она не была центральной движущей силой. Действительно, черноморский регион стал динамичным экономическим пространством с точки зрения торговли, инвестиций и потоков людей, несмотря на кажущуюся слабость формальной региональной интеграционной структуры.

Растущая экономическая взаимозависимость может сосуществовать с продолжающимися политическими конфликтами и геополитическим соперничеством. Однако противостоящие позиции Турции и России в контексте сирийского и украинского кризисов показывают, однако, что, хотя такие конфликты существуют и мешают политическим отношениям, они существенно не подрывают, казалось бы, прочные экономические отношения, созданные до сих пор. Одной из важных стратегий, которая возникла в этот период, является тенденция отсеивания экономических проблем и геополитического соперничества во избежание негативного воздействия определенных разногласий на двустороннее сотрудничество. Это также способствует сосуществованию обширной конкуренции с углублением сотрудничества, что четко отражено в отношениях в области энергетики. Однако, если расхождения будут углубляться по вопросам безопасности, особенно в Сирии, они также могут значительно затруднить развитие сотрудничества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aktürk, Şener. "Toward a Turkish-Russian Axis? Conflicts in Georgia, Syria, and Ukraine, and Co-operation over Nuclear Energy." *Insight Turkey* 16, no. 4 (2014): 13–22.
2. Altun, Mehmet. *Dış Dünyanın Anahtarı DEİK: Dış Ekonomik İlişkiler Kurulu'nun İlk Yılları* [DEİK Key to the Outer World: First Years of the Foreign Economic Relations Board]. Istanbul: Kurumsal Yayınlar, 2009.
3. Aras, Bülent. *Dealing with Russia: A Turkish Perspective*. Stockholm: Trilateral Strategy Group, 2010.
4. Armijo, Leslie Elliot. "The BRICS Countries (Brazil, Russia, China and India) as an Analytical Category: Mirage or Insight?" *Asian Perspective* 31, no. 4 (2007): 7–42.
5. Aydın, Mustafa. "Europe's New Region: The Black Sea in the Wider European Neighbourhood." *South East European and Black Sea Studies* 5, no. 2 (2005): 257–283.
6. Aydın, Mustafa. "Regional Cooperation in the Black Sea and the Role of Institutions." *Perceptions. Journal of International Affairs* 10, no. 3 (2005): 57–84.
7. Baev, Pavel K. *Russia and Turkey in Conflict (Mis)management in the Caucasus*. Policy Brief 06/2013. Oslo: Peace Research Institute Oslo, 2013.
8. Balcer, Adam. "The Future of Turkish-Russian Relations: A Strategic Perspective." *Turkish Policy Quarterly* 8, no. 1 (2009): 79–90.
9. Bayer, Reşat. "Termination of the Vendetta of the Black Sea? Stable Peace, Energy Security and Russian-Turkish Relations." In *Turkey and Human Security*, edited by Alp Özerdem and Füsün Özerdem, 183–197. London: Routledge, 2013.
10. Bilgin, Mert. "Energy Policy in Turkey: Security, Markets, Supplies and Pipelines." *Turkish Studies* 12, no.3 (2011): 399–417.
11. Bilgin, Pınar, and Kıvanç Coş. "'Stalin's Demands': Constructions of the 'Soviet Other' in Turkey's Foreign Policy, 1919–1945." *Foreign Policy Analysis* 6, no. 5 (2009): 43–60.
12. Bourgeot, Remi. "Russia–Turkey: A Relationship Shaped by Energy." *Russie.NEI.Visions*, no. 69 (2013).
13. Brüttsch, Christian, and Mihaela Papa. "Deconstructing the BRICS: Bargaining Coalition, Imagined Community or Geopolitical Fad?" *Chinese Journal of International Politics* 6, no. 3 (2013): 299–327.
14. Eder, Mine, and Özlem Öz. "From Cross-border Exchange Networks to

- Transnational Trading Practices? The Case of Shuttle Traders in Laleli, İstanbul.” In *Transnational Communities: Shaping Global Economic Governance*, edited by M. L. Djelic and S. Quack, 82–104. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
15. Eder, Mine, A. Yakovlev, and Ali Çarukoğlu. *The Suitcase Trade between Turkey and Russia: Microeconomics and Institutional Structure*. Препринт WP4/2003/07, Серия WP4. Moscow: Социология рынков, 2003.
 16. Fish, M. Steven. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
 17. Hale, William, and Ergun Özbudun. *Islamism, Democracy and Liberalism in Turkey: The Case of the AKP*. London: Routledge, 2009.
 18. Hill, Fiona, and Ömer Taşpınar. “Turkey and Russia: Axis of the Excluded?” *Survival* 48, no. 1 (2006): 81–92.
 19. Horvath, Robert. “Putin’s ‘Preventive Counter-revolution’: Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution.” *Europe-Asia Studies* 63, no. 1 (2011): 1–25.
 20. Hosking, Geoffrey. *The First Socialist Society: A History of the Soviet Union from Within*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
 21. Jongryn, Mo. *MIKTA, Middle Powers and the New Dynamics of Global Governance*. New York: Palgrave Macmillan, 2015.
 22. Kahler, Miles. “Rising Powers and Global Governance: Negotiating Change in a Resilient Status Quo.” *International Affairs* 89, no. 3 (2013): 711–729.
 23. Kalaycıoğlu, Ersin, and Ali Çarukoğlu. *Turkish Democracy Today: Elections, Protest and Stability in an Islamic Society*. London: I. B. Tauris, 2007.
 24. Kanbolat, Hasan. 2012. “Davutoglu in Moscow: New Era in Turkish Russian Relations.” *Today’s Zaman*, January 23.
 25. Kılavuz, M. Tahir, and Şuhnaz Yılmaz. *Restoring Brotherly Bonds: Turkish–Azeri Energy Relations*. Washington, DC: PONARS (The Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia) Eurasia Policy Memo 240. 2012.
 26. Kınıklioğlu, Suat, and Valeriy Morkva. “An Anatomy of Turkish-Russian Relations.” *Southeast European and Black Sea Studies* 7, no. 4 (2007): 533–553.
 27. Kibaroglu, Mustafa. “Turkey’s Place in the Missile Shield.” *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 15, no. 2 (2013): 223–236.
 28. Kotkin, Stephan. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press, 1995.
 29. Kudryashova, Y. Активизация российско–турецких отношений: сущность и перспективы [The intensification of Russian–Turkish relations: Essence and Perspectives]. Moscow State Institute of International Relations Report No. 5(26), 2012. http://vestnik-old.mgimo.ru/files/26/06_kudryashova.pdf.
 30. Kupchan, Charles. *No One’s World: The West, the Rising Rest and the Global Turn*. New York: Oxford University Press, 2012.
 31. Larson, Deborah Welch, and Alexei Shevchenko. “Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy.” *International Security* 34, no. 4 (2010): 63–95.
 32. Levine, M. “Society and the Stalinist State in the Period of Five Year Plans.” *Social History* 1, no. 2 (1976): 139–175.
 33. Macfarlane, S. Neil. “The ‘R’ in BRICS: Is Russia an Emerging Power?” *International Affairs* 82, no. 1 (2006): 41–57.
 34. Martin, Lenore G. “Turkey and the USA in a Bipolarizing Middle East.” *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 15, no. 2 (2013): 175–188.
 35. Müftüler-Baç, Meltem, and Deniz Başkan. “The Future of Energy Security for Europe: Turkey’s Role as an Energy Corridor.” *Middle Eastern Studies* 47, no. 2 (2011): 361–378.

36. Öniş, Ziya. "The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era." *Turkish Studies* 13, no. 2 (2012): 135–152.
37. Öniş, Ziya. "Sharing Power: Turkey's Democratization Challenge in the Age of the AKP Hegemony." *Insight Turkey* 15, no. 2 (2013): 103–122.
38. Öniş, Ziya, and Mustafa Kutlay. "Rising Powers in a Changing Global Order: The Political Economy of Turkey in the Age of BRICS." *Third World Quarterly* 34, no. 8 (2013): 1409–1426.
39. Öniş, Ziya, and Şuhnaz Yılmaz. "Between Europeanization and Euro-Asianism: Foreign Policy Activism in Turkey during the AKP Era." *Turkish Studies* 10, no. 1 (2009): 7–24.
40. Özdal, Habibe, Hasan Selim Özertem, Kerim Has, and M. Turgut Demirtepe. *Türkiye–Rusya İlişkileri: Rekabetten Çok Yönlü İşbirliğine* [Turkey–Russia Relationship: From Rivalry to Multilateral Cooperation]. Report No. 2013-6, USAK Raporları. Ankara: USAK Yayınları, 2013.
41. Özel, Soli, and Şuhnaz Yılmaz. *Turkish–American Relations for a New Era: A Turkish Perspective*. TÜSİAD Report. İstanbul: TÜSİAD, April 2009.
42. Özpek, Burak Bilgehan. "Securing Energy or Energising Security: The Impact of Russia's Energy Policy on Turkey's Accession to the European Union." *Journal of International Relations and Development*, no. 16 (2013): 358–379.
43. Peker, Emre. 2014. "Russia, Turkey complete Initial Turk Stream Gas Pipeline Talks." *Wall Street Journal*, 11 December.
44. Primakov, Y. M. *Турция: новая роль в современном мире* [Turkey: a new role in a modern world]. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2012.
45. "Rus Büyükelçi Dışişleri'ne çağırıldı" [Russian ambassador is invited to the Foreign Ministry]. *Hürriyet*, November 5, 1998.
46. "Rusya bir kez daha uyarıldı" [Russia is warned one more time]. *Hürriyet*, November 10, 1998.
47. "Rusya'ya Sorumluluk Çağrısı" [Responsibility call to Russia]. *Hürriyet*, October 22, 1998.
48. Sakwa, Richard. "Putin's Leadership: Character and Consequences." *Europe-Asia Studies* 60, no. 6 (2008): 879–897.
49. Sandal, Nükhet. "Middle Powerhood as a Legitimation Strategy in the Developing World: The Cases of Brazil and Turkey." *International Politics* 51 (2014): 693–708.
50. Shchedrov, O. 2008 "Georgia Crisis Defines a New Russian Defence Policy." *Washington Post*, September 1.
51. Schweller, Randall. "Emerging Powers in an Age of Disorder." *Global Governance* 17, no. 3 (2011): 285–297. Soysal, İsmail. "Türkiye–Ermenistan Barış Andlaşması" [Turkey–Armenia Peace Treaty]. In *Türkiye'nin Siyasal Anlaşmaları* [Turkish Political Agreements], Vol. 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989: 19–23.
52. Soysal, İsmail. "Türkiye ve Sovyet Rusya Dostluk ve Barış Andlaşması" [Turkey and Soviet Union Friendship and Peace Treaty]. In *Türkiye'nin Siyasal Anlaşmaları* [Turkish Political Agreements], Vol. 1. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989: 32–38.
53. Stulberg, Adam N., and Matthew Fuhrmann eds. *The Nuclear Renaissance and International Security*. Redwood City, CA: Stanford University Press, 2013.
54. Tekin, Ali, and Paul Williams. *Geopolitics of the Euro-Asia Energy Nexus: The European Union, Russia and Turkey – New Security Challenges*. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
55. Torbakov, Igor. *The Georgia Crisis and Russia-Turkey Relations*. Washington, DC: Jamestown Foundation, 2008.
56. Treisman, Daniel. *The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*. New York: Free Press, 2012.
57. Trenin, Dmitri. "From Damascus to Kabul: Any Common Ground between Damascus and Russia." *Insight Turkey* 15, no. 1 (2013): 37–49.

58. Turkish Energy Strategy in the 21st Century: Weathering Uncertainties and Discontinuities. Task Force Report. Istanbul: Global Relations, Forum, 2013.
59. Türker, Ahmet Tolga. "An Analysis of Turkish–Russian Rapprochement: Trends and Prospects." ISZU Journal of Social Sciences 1, no. 1 (2012): 46–60.
60. "Türkiye'den Rusya'ya: İlişkiler Bıtebilir" [From Turkey to Russia: relations may end]. Sabah, November 9, 1998.
61. Ülgen, S. ed. Nükleer Enerjiye Geçişte Türkiye Modeli [Turkish model in transition to nuclear energy]. EDAM Report. İstanbul: EDAM, 2011.

Сведения об авторе: Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского Государственного Университета (e-mail: ialimusa@mail.ru).

**TURKEY AND RUSSIA:
INTERACTION CONTRARY TO THE
CONFLICT OF INTERESTS**

A.G. Ibrahimov

Baku State University, Baku, Azerbaijan

Abstract. The current global policy is characterized by the intensification of economic interaction, leading powers are strengthening their influence in important regions. The growing partnership between Turkey and Russia constitutes a useful case study for examining this transformation, in which Western supremacy and US hegemony are under increasing challenge. Turkish–Russian relations shed light on broader themes in global political economy. First, significant economic interdependence may be generated among states with different political outlooks, in the form of loose regional integration schemes driven by bilateral relations between key states and supporting private actors or interests. Second, growing economic interdependence may coexist with continued political conflict and geopolitical rivalry, as indicated by the Syrian and Ukrainian crises. An important strategy that emerges is the tendency to compartmentalize economic issues and geopolitical rivalries in order to avoid negative spill-over ef-

fects. This facilitates the coexistence of extensive competition with deepening cooperation, as reflected in relations in the field of energy.

Keywords: global order, interaction, strategy, geopolitical interests, region

About the author: Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University (e-mail: ialimusa@mail.ru).

БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1991-2017 гг.

Д.В. Юрчак

Витебский государственный университет
П.М. Машерова, Витебск, Республика
Беларусь

Аннотация. В статье рассматривается формирование и развитие двухсторонних межгосударственных отношений между Республикой Беларусь и Украиной в постсоветский период. Автор на основе имеющихся источников и публикаций по теме показывает, что переход к новому формату отношений между республиками начался после подписания первого базового двустороннего Договора о сотрудничестве между БССР и УССР в декабре 1990 г. и установления дипломатических отношений 24 декабря 1991 г. Затем страны сумели наладить прямой политический диалог и создать развитую договорную базу сотрудничества, которая по количеству подписанных документов и охвату различных сфер двусторонних отношений уступает только сотрудничеству Беларуси с Россией. В статье показана динамика политических контактов с учётом особенности взаимодействия на различных этапах развития сотрудничества, обращено внимание на несовпадение внешнеполитических приоритетов двух стран, что и обусловило специфику развития двусторонних отношений, в которых особый акцент делался на развитие экономического сотрудничества. Уделено внимание специфике развития белорусско-украинских отношений после украинского кризиса (2013 – 2014 гг.) и начала сооруженного конфликта на востоке Украины. Особый акцент сделан на то, что именно Минск стал основной переговорной площадкой по урегулированию конфликта на Донбассе, которая устроила все заинтересованные стороны и до настоящего времени не имеет альтернативы. Автор в контексте развития политического диалога рассматривает общую динамику взаимной торговли двух стран, уделяет внимание перспективам сотрудничества в рамках инициативы Европейского Союза «Восточ-

ное партнёрство» с учётом отношения к этому проекту со стороны руководства Беларуси и России.

Ключевые слова: Беларусь, Украина, двусторонние отношения, политические контакты, постсоветское пространство.

Дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве привели к появлению на политической карте Евразии новых государств. Среди них были и две славянские республики бывшего СССР – Беларусь и Украина. Им пришлось выстраивать двусторонние отношения в новом формате с учётом имевшегося опыта сотрудничества на уровне советских республик и имеющихся геополитических ориентиров правящих элит.

Актуальность темы развития белорусско-украинских отношений после распада СССР обуславливается тем, что с обретением независимости Беларусь и Украина столкнулись с практически одинаковыми проблемами, а также обладали схожими стартовыми позициями и были крайне заинтересованы в развитии тесного и взаимовыгодного сотрудничества. В государственно-политической сфере к этому подталкивали общее прошлое, тысяча километров совместной границы и геополитическое положение двух стран, выступающих своеобразным связующим мостом как между Россией и расширяющим свои границы Европейским Союзом, так и между государствами бассейнов Черного и Балтийского морей.

При работе над данной проблематикой были изучены различные источники (включая документа Архива МИД Республики Беларусь, договоры, публикации в СМИ) и имеющиеся научные работы. Автором применялись как общенаучные, так и специально-исторические методы. Широко использовался историко-генетический метод, который давал возможность проследить динамику двусторонних отношений. Для сопоставления внешнеполитических стратегий двух стран применялся историко-сравнительный метод. При изучении условий формирования межгосударственных

отношений двух республик использовался ретроспективный метод.

Научная актуальность вопроса развития белорусско-украинских отношений обусловлена и тем фактом, что на сегодняшний день эта тематика является недостаточно разработанной в отечественной и зарубежной историографии. Долгое время среди специалистов предпочтение отдавалось изучению сотрудничества Беларуси и Украины с двумя ведущими центрами силы в Восточноевропейском регионе: Российской Федерацией и Европейским Союзом. В белорусской и украинской историографии не существовало исследований, рассматривающих комплексно основные аспекты двустороннего сотрудничества стран-соседей, включая государственно-политические и экономические связи. Преимущественно изучались торгово-экономические аспекты сотрудничества [Демичев, 2000].

Первой работой, изменившей ситуацию статья А.В. Тихомирова, в которой автор сконцентрировал внимание на основных составляющих политического сотрудничества, включая контакты на уровне глав государств, руководителей правительств, дал характеристику межпарламентских связей и взаимодействия на международной арене [Ціхаміраў, 2007]. К этому вопросу А.В. Тихомиров обращался и впоследствии [Тихомиров, 2010].

В конце 2000-х гг. белорусско-украинскими отношениями заинтересовались и в Украине. В частности, руководитель Полесского фонда международных и региональных исследований Г. Максак также подготовил ряд содержательных статей, касающихся развития сотрудничества двух стран на современном этапе [Максак, 2009, 2010]. В последние годы вопросами политического и экономического сотрудничества двух стран стал заниматься С.П. Макеев. Они касаются политического диалога на разных хронологических отрезках в постсоветский период, развития приграничных отношений, экономического сотрудничества двух стран [Макеєв, 2009, 2011, 2012].

Значительной вехой в изучении отношений Беларуси и Украины в постсоветский период в украинской историографии могла стать монография С.М. Вдовенко. Однако вопросам двусторонних белорусско-украинских связей после 1991 г. посвящено только около 100 страниц из 448. При этом государственно-политическое и экономическое взаимодействие рассматривается лишь на трети из них, а основное внимание уделяется вопросам двусторонних встреч, визитам и отдельным вопросам экономических связей [Вдовенко, 2010: 341-372].

Среди зарубежных исследователей и аналитиков прослеживается тенденция к изучению двух стран в контексте их сотрудничества с Европейским Союзом и Россией. Примером этого могут быть работы Р.Волчука [Wolczuk, 2003] и Дж.Шерра [Sherr, 2003], которые посвящены внешней политике Украины, так как это государство, по мнению западных исследователей, представляло в постсоветский период наибольший интерес для Европы и России. Также имеются работы западных авторов, посвящённые обеим странам или рассматривающие сотрудничество Европейского Союза с новыми соседями, ранее входившими в состав Советского Союза. К их числу, в частности, относятся публикации К.Гуичерд [Guicherd, 2002], Д.Кацы [Katsy, 1998] и Х.Тиммерманна [Тиммерманн, 2007]. Всё это свидетельствует о недостаточном внимании исследователей к данной теме.

Наиболее основательной работой, в которой комплексно проанализированы белорусско-украинские отношения в постсоветский период, стала монография Д.В. Юрчака [Юрчак, 2015]. Однако с момента её второго издания также произошли изменения в двустороннем сотрудничестве, что требует дальнейшего изучения данной проблематики.

Результаты и их обсуждение.

Развитие прямых двусторонних контактов Республики Беларусь и Украины началось ещё в период существования СССР. Изначально эти контакты развивались в

межреспубликанском формате. Однако после «парада суверенитетов» и в условиях дезинтеграционных процессов, охвативших Советский Союз в конце 1990 – начале 1991 г., республики начали переходить к прямым двусторонним контактам, основанным на декларациях о независимости. БССР и УССР подписали базовый договор о сотрудничестве 29 декабря 1990 г. Для Беларуси это было второе подобного рода соглашения (первое с РСФСР). Данный документ вступил в силу после выполнения всех внутригосударственных процедур в конце августа 1991 г. и регулировал отношения республик вплоть до 1997 г. Тем самым, основы двустороннего формата были заложены ещё в тот период, когда СССР формально существовал и многие даже представить не могли, что произойдёт со страной.

Однако началом двусторонних межгосударственных отношений стоит считать не подписание Договора между БССР и УССР. Непосредственно о начале сотрудничества республик в новом формате уместно говорить с декабря 1991 г., когда после декабрьского референдума о независимости Украины, всем стало понятно, что существование СССР в прежнем формате невозможно.

Обращает на себя внимание и тот факт, что свой первый зарубежный визит Президент Украины Л.М. Кравчук совершил в Беларусь 7 декабря 1991 г., где он предполагал провести встречу и с Б.Н. Ельциным. Эти переговоры перенесли в Вискули, в которых на следующий день был реализован разработанный в Москве и поддержанный в Киеве сценарий по созданию Содружества независимых государств, с которым белорусская сторона, несмотря на имевшиеся противоречия в составе делегации, согласилась.

Кроме того, уместно обратить внимание и на то, что подписанное в Беловежской пуще Соглашение об образовании СНГ можно считать документом, утвердившим новый статус в отношениях стран «восточнославянского треугольника», которые *de jure* признали независимость друг

друга. Но стороны посчитали, что для налаживания двусторонних отношений необходимо заключить отдельное соглашение. 24 декабря 1991 г. руководству Украины было направлено заявление Председателя Верховного Совета Беларуси С.С. Шушкевича, в котором говорилось о признании независимости Украины и о готовности установить с нею дипломатические отношения. В заявлении белорусский спикер небезосновательно обращал внимание на то, что независимость Украины Беларусь признала ещё 29 декабря 1990 г. в ст.1 Договора между БССР и УССР. Это же, по мнению руководства Беларуси, было подтверждено 8 декабря 1991 г. в Вискулях¹.

Установление дипломатических отношений между Беларусью и Украиной и ещё одно официальное признание независимости произошло 27 декабря 1991 г. путём обмена нотами. Обе ноты с закреплённого в тексте согласия сторон составили Соглашение об установлении дипломатических отношений. Показательным является тот факт, что именно Украина стала первым государством мира, официально признавшим независимость Республики Беларусь и установившим с нею дипломатические отношения, что легко объясняется заинтересованностью украинских элит на тот момент в скорейшем признании независимости Беларуси.

С самого начала развития межгосударственного сотрудничества стороны столкнулись с проблемой отсутствия развитой нормативно-правовой базы, регулирующей отношения двух стран в различных сферах. Поэтому возникла необходимость восполнить этот пробел, тем более что работа в данном направлении была предусмотрена ещё в Договоре между БССР и УССР 1990 г. Но активное создание договорно-правовой базы началось только с конца 1992 г., когда состоялся первый после распада СССР визит представительной белорусской делегации в Киев. В ходе визита были заключены первые два десятка меж-

¹ Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 12. – Л.262.

правительственных и межведомственных документов. После этого договорно-правовая база в отношениях двух стран регулярно пополнялась новыми документами двустороннего характера.

Политический белорусско-украинский диалог в постсоветский период развивался циклически и во многом зависел от их внешнеполитических ориентиров правящих элит. Позиция обеих стран в отношении сотрудничества друг с другом формировалась постепенно под воздействием ряда противоречивых факторов. Во-первых, связи Украины и Беларуси определялись их геополитическим положением. Во-вторых, важным фактором, обусловившим позицию обеих стран по двустороннему сотрудничеству, стало стремление сохранить ранее существовавшие тесные экономические отношения.

Однако основным фактором, повлиявшим на позиции Беларуси и Украины в вопросе двусторонних отношений, стала разновекторность их стратегических внешнеполитических приоритетов (ориентация Беларуси на интеграционные проекты в рамках постсоветского пространства и прозападный выбор большинства украинских элит), окончательно сформировавшихся в середине 1990-х гг.

Также на развитие политического диалога оказывали влияние и позиции ключевых центров силы в Балто-Черноморском регионе: России, ЕС и США. Но, несмотря на позиции последних, специфика двустороннего сотрудничества определялась всё-таки на месте. Об этом свидетельствует исполнение белорусской стороной Договора о свободной торговле с Украиной 1992 г. в той части, которая не противоречила её национальным интересам и соглашениям, заключённым в рамках Таможенного союза середины 1990-х гг. То же можно сказать и о позиции Украины. Не оглядываясь на выпады США и ЕС в 1997 г. после конституционного референдума в Беларуси официальный Киев пошёл на активизацию двустороннего сотрудничества с Беларусью.

Разнонаправленность внешнеполитических стратегий и интеграционных устрем-

лений обеих стран обуславливали постоянное доминирование экономической составляющей в сотрудничестве. В первые годы независимости (декабрь 1991 – июль 1994 гг.) в белорусско-украинских отношениях наблюдалась низкая активность в вопросе двусторонних контактов на различных уровнях, которая была вызвана тяжёлым экономическим кризисом и сосредоточением внимания на сотрудничестве в рамках СНГ. Вместе с тем, Беларусь и Украина в это время смогли добиться определённых политических результатов: установить дипломатические отношения, обменяться посольствами, заложить договорно-правовой фундамент сотрудничества, начать переговоры по урегулированию вопросов прохождения государственной границы.

После июля 1994 г. начался новый этап в отношениях, который завершился украинским политическим кризисом конца 2004 г., существенно повлиявшим на отношения Беларуси и Украины в различных областях. Данный этап характеризовался заметной активизацией двусторонних политических контактов на различных уровнях и расширением межгосударственных связей. Новый импульс приобрело региональное и военное сотрудничество, расширилась договорно-правовая база, начался процесс правового оформления режима государственной границы, к 1997 г. полностью завершилась её делимитация, налаживались приграничные связи. Всё это, несмотря на имевшие место временные похолодания в отношениях в 1996 и 1999 гг., а также неурегулированность проблемы задолженности украинских субъектов хозяйствования за 1992 г. (задолженность в размере около 200 млн. долларов, которую вначале Киев признал, как «государственный долг», но потом возникли разногласия в методике подсчёта и размерах задолженности) позитивно повлияло на сотрудничество двух стран в других областях.

Именно в этот период в середине 1990-х гг. стало очевидно, что основополагающий договор в отношениях двух стран, подписанный ещё в 1990 г., устарел и необходимо принятие нового. Поэтому новый

базовый документ – Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве – был подписан двумя странами 17 июля 1995 г. (вступил в силу 6 августа 1997 г.). В целом за период с июля 1994 по 2004 гг. стороны сумели заключить около 120 различного рода двусторонних документов. Анализ их содержания позволяет говорить, что из 96 межгосударственных и межправительственных соглашений значительная часть касалась экономических вопросов. Те же тенденции прослеживаются и в межведомственных документах.

События 2004 года в Украине сильно повлияли на её отношения с соседями. Приход к власти В.А. Ющенко и в первую очередь то, как это было достигнуто, очень негативно восприняли в России. Всё это не могло не сказаться на белорусско-украинских отношениях. А учитывая, что это дополнялось так и нерешёнными проблемами с государственным долгом и ратификацией договора о границе, перспективы сотрудничества были очень неопределёнными. Однако на заключительном этапе нахождения В.А. Ющенко у власти ситуация кардинально изменилась, в отношениях двух стран начался активный политический диалог (2009 г. – начало 2010 гг.) и прозвучали заявления о переходе к стратегическому партнёрству.

Приход к власти в Украине В.Ф. Януковича (дед которого является уроженцем белорусской деревни Януки на Витебщине) содействовал переводу политического диалога двух стран в прагматическую плоскость (середина 2010 г. – 2013 г.). В это время межгосударственные контакты не выглядели такими интенсивными, как в 2009 – начале 2010 гг. Тем не менее, многие имеющиеся сложности в отношениях двух стран (вступление в силу договора о государственной границе и урегулирование вопроса задолженности украинских субъектов хозяйствования за 1992 г.) именно в это время были преодолены, что наравне со встречами на различных уровнях свидетельствует о прагматических отношениях на фоне стремительного роста товарооборота.

В этот период немного расширяется нормативно-правовая база сотрудничества. К концу 2011 года стороны заключили 194 договоров и соглашений различного уровня. За 2012 – 2013 гг. этот перечень пополнил ещё один десяток документов. Однако в сравнении с предыдущим периодом динамика сотрудничества в этом направлении явно отставала от политических контактов и роста объёмов взаимной торговли. Незначительное число двусторонних соглашений в отношениях между Республикой Беларусь и Украиной в 2005-2013 гг. и в последующем, на наш взгляд, можно объяснить тем, что стороны в предыдущие годы создали достаточно обширную и проработанную договорно-правовую базу, позволившую урегулировать правоотношения в различных областях сотрудничества. В подтверждение этого тезиса достаточно вспомнить общее количество различного рода соглашений между государствами и сравнить их с договорами, заключёнными с другими странами мира. В этом показателе для Беларуси Украина однозначно окажется на втором месте после России, что, безусловно, свидетельствует об успехах в развитии белорусско-украинского сотрудничества в постсоветский период.

Стремительное изменение ситуации в Украине после кровавых столкновений в Киеве, дестабилизация ситуации в стране, смена власти и открытое вооружённое противостояние на востоке Украины существенно изменили условия развития белорусско-украинских отношений. Намечавшееся ранее несовпадение внешнеполитических стратегий Беларуси и Украины стало очевидно после бегства В.Ф. Януковича из страны. Проевропейский выбор значительной части украинской элиты и возросшие антироссийские настроения не могли не сказаться отрицательно на сотрудничестве с Беларусью, которая продолжает оставаться ближайшим союзником России в условиях возрождающегося многополярного мира. И хотя белорусское руководство стремится минимизировать последствия конфликта в Украине и трезво оценивает

обстановку, но иногда сделать это в новых геополитических реалиях весьма сложно.

Фактор России в отношениях двух стран, безусловно, выступает одним из ключевых. Очевидно, что после присоединения Крыма к России украинско-российские отношения не могли быть прежними. Всё это серьёзным образом влияет на белорусско-украинские отношения, так как любые действия белорусского руководства по этому вопросу могут быть негативно восприняты в Москве или Киеве.

Вместе с тем, уместно обратить внимание на то, что руководство Беларуси стремится максимально дистанцироваться от конфликта. Особенно показательна в этом плане позиция Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, чьи оценки ситуации в Украине в прямом эфире «Шустер life» вызвали чуть ли не 100-процентную поддержку украинской аудитории. В частности, Александр Григорьевич заявил: «Украину надо сохранить единым и целостным государством, как оно есть, надо всё успокоить. Нельзя в этой суматохе и неразберихе проводить некие референдумы о федерализации и прочее. Нельзя это делать!»¹. В то же время Президент Беларуси продолжает утверждать, что тесная интеграция с постсоветскими странами для Украины – это неизбежность (хотя условия для этого сейчас не самые благоприятные).

Продолжая тему Крыма стоит обратить внимание и на тот факт, что громкое заявление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко в марте 2014 г. о том, что полуостров является *de facto* российским, не вызвал резкой реакции официального Киева. В частности, белорусский лидер заявил: «Крым сегодня – часть территории Российской Федерации. Можно признавать это или не признавать, но от этого ничего не изменится». Комментируя это заявление в

эфире «Шустер life» А.Г. Лукашенко отметил: «Крым был отдан. Это ли не *de facto* признание того, что сегодня Крым – как минимум не территория Украины? Я что, не прав? Я как Президент, наверное, должен был витиевато, дипломатически как-то отвечать на этот вопрос. Но я Вам отвечаю, как гражданин! Как Президент Беларуси: если это твоя земля – дороже ничего быть не может, понимаете, ничего!»².

Открытый диалог с украинской аудиторией сказался на положительном отношении к белорусскому руководству со стороны местных элит. Они, на наш взгляд, также изначально воспринимали руководство Беларуси в качестве потенциального «переговорщика» в отношении с Кремлём. Это обусловило активизацию политического диалога в 2014 г., которая началась 29 марта 2014 года с неожиданного для многих визита исполняющего обязанности Президента Украины А. Турчинова на Гомельщину. Москва открыто не отреагировала на происходящее, хотя было очевидно, что некоторым политическим силам в России такая ситуация не импонировала.

Высказал свою позицию А.Г. Лукашенко и по поводу легитимности новой власти и президентских выборов в соседней стране посредством принятия приглашения для участия в инаугурации новоизбранного Президента Украины П.А. Порошенко. Отметим, что после этого 26 августа 2013 г. состоялся ещё визит нового главы Украины в Беларусь. Фактически это была третья встреча на уровне глав двух стран за 2013 год.

После этого, белорусско-украинский политический диалог не отличался подобной интенсивностью, хотя контакты А.Г. Лукашенко и П.А. Порошенко не прекращались, но имени немного иной формат (телефонные разговоры, встречи во время многосторонних переговоров и т.д.). Только в 20-21 июля 2017 г. состоялся официальный визит Президента Беларуси в Украину. Ему предшествовала встреча с П.А. Порошенко на годовщину аварии на ЧАЭС

¹ Интервью Лукашенко украинской программе «Шустер LIVE» // БЕЛТА – Новости Беларуси – Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс]. – URL: http://www.belta.by/ru/all_news/president/Intervju-Lukashenko-ukrainskoj-programmeShuster-LIVE_i_664335.html (дата обращения 11.10.2017).

² Там же.

в апреле этого же года. Кроме того, вызывает интерес и неожиданная для многих аналитиков двухсторонняя встреча в Абу-Даби 2 ноября 2017 г., в ходе которой преимущественно обсуждались вопросы экономического сотрудничества.

Особое значение для развития белорусско-украинского сотрудничества имел тот факт, что именно минская площадка стала ключевой для начала переговорного процесса по урегулированию ситуации на востоке Украины. На саммите в Минске, состоявшимся 11-12 февраля 2015 г., руководители Германии, Франции, Украины, России в формате «нормандской четвёрки» и контактной группой, состоящей из представителей Украины, России, ОБСЕ и непризнанных Донецкой и Луганской народных республик, подписали так называемое «второе минское соглашение».

Тем самым, нейтральная позиция Беларуси по Украине содействовало превращению Минска в место для переговоров. Белорусская столица является максимально комфортной для России. Во-первых, это продиктовано тесной интеграцией и союзническими отношениями. Во-вторых, представители самопровозглашённых республик в таких условиях также более комфортно чувствуют себя именно в Беларуси, чем в любой другой стране, которая могла бы выступить посредником в переговорах (кроме России, но этот вариант не устроил бы уже украинскую делегацию).

Белорусское посредничество полностью устраивает и официальный Киев. Это обусловлено нейтралитетом белорусского руководства вокруг украинского кризиса. И хотя критика в адрес действий официального Минска уже не раз звучала со стороны представителей различных политических сил Украины, в том числе и от отдельных высокопоставленных чиновников, тем не менее, реальной альтернативы минской площадке пока нет. Всё это, безусловно, позитивно влияет на стабильное развитие двустороннего белорусско-украинского сотрудничества.

При позитивном развитии политического диалога в отношениях двух стран уместно говорить о периодически возникающих «торговых противостояниях». Поводом для одного из них стало решение белорусских властей от 1 мая 2014 г. о введении на полгода режима лицензирования импорта пива и кондитерских изделий из-за пределов Таможенного союза, что в первую очередь существенно ударило по украинским производителям. Кто-то в этом увидел руку Кремля, кто-то попытку поддержать отечественных производителей. В качестве ответной меры «на дискриминационные и недружественные действия Беларуси» Украиной в отношении кондитерских изделий и пива, были введены заградительные пошлины на эти же продукты белорусского производства, а также на шины, удобрения, холодильники, молочные продукты, электрические лампы накаливания до конца 2016 г.¹. Всё это вызвало сдержанную оценку белорусского МИДа, а затем и отказ белорусской и украинской стороной от введённых ограничений. Такие же ситуации не раз возникали во взаимной торговле двух стран и чаще всего не приводили к длительным противоречиям.

Следует отметить, что в последние годы политические контакты происходили на фоне стремительного роста товарооборота двух стран. Так в 2011 г. общий объём торговли впервые превысил 6 млрд. долларов, в 2012 г. достиг нового рекорда в 7,9 млрд. долларов. Однако в 2013 году цифры товарооборота вновь приблизились к объёмам 2011 года, после чего наметилась тенденция значительного сокращения (2014 г. – 5,8; 2015 г. – 3,5; 2016 г. – 3,8 млрд. долларов). Последнее было обусловлено общим экономическим спадом в двух странах, на которые существенное влияние оказывали ситуация в Украине, введение Западом антироссийских санкций и ответная реакция Кремля на действия европейских держав и

¹ Украина наносит ответный удар: на ключевые товары белорусского экспорта введена спецпошлина // Tut.by [Электронный ресурс]. – URL: <http://news.tut.by/economics/407138.html> (дата обращения 15.10.2017).

США. Вместе с тем, сохранение товарооборота в нынешних объёмах при прежнем выгодном для Беларуси соотношении пропорций импорта и экспорта следует признать успехом в сотрудничестве двух стран. Оперативные данные за 2017 год позволяют говорить о том, что у обеих стран есть возможность незначительно превысить объёмы взаимной торговли в сравнении с предыдущим годом.

Конструктивное влияние на белорусско-украинские отношения мог бы оказать проект ЕС «Восточное партнёрство». Однако, на наш взгляд, рассматривать «Восточное партнёрство» как возможную площадку развития политического диалога двух стран маловероятно. Это обусловлено тем, что у Беларуси и Украины и без того достаточно возможностей для дальнейшего тесного взаимодействия, и участие третьей стороны в этом процессе совсем необязательно (если не сказать, что это может негативно сказаться на развитии двустороннего сотрудничества).

Но стоит учитывать и российский фактор, так как Россия явно негативно оценивает деятельность ЕС в рамках «Восточного партнёрства», считая его антироссийским проектом. И, на наш взгляд, небезосновательно. В пользу этого говорят, как основные приоритеты для стран партнёров ЕС, так и особенности появления самой инициативы. Она возникла именно в то время (2008 г.), когда стало очевидно, что иной антироссийский интеграционный проект на постсоветском пространстве – ГУАМ – полностью исчерпал себя (несмотря на имевшие место попытки его реанимирования с активным участием В.А. Ющенко). Поэтому «Восточное партнёрство» рассматривается в Кремле только как новый вариант реализации антироссийской стратегии, и с этим нужно считаться, особенно официальному Минску, который рассматривает данную инициативу как возможность улучшить не самые простые отношения с Евросоюзом, что, безусловно, в интересах Республики Беларусь и никак не противоречит стратегическому партнёрству с Россией.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что белорусско-украинские связи с 1991 г. развивались в зависимости от внешнеполитических приоритетов стран. С середины 1990-х гг. отчетливо просматривалось несоответствие внешнеполитических приоритетов республик. Такое положение серьёзным образом влияло на развитие двустороннего политического взаимодействия, что в условиях существования многоуровневых экономических связей приводило к доминированию экономической составляющей в отношениях. В первые годы независимости страны успешно перешли от межреспубликанских к межгосударственным связям.

Цикличность в политическом диалоге стала ключевой особенностью развития белорусско-украинских государственно-политических связей постсоветский период. Вместе с тем, не смотря на имеющиеся разногласия и противоречия, стороны сумели создать основательный договорной фундамент для дальнейшего сотрудничества, разрешить сложные противоречия, наладить политический диалог. На отношения двух стран не мог не повлиять украинский кризис 2013-2014 гг. и его последствия. В этом вопросе Беларусь заняла нейтральную позицию, что позволило найти компромисс и выстроить отношения с РФ и Украиной с учётом имеющихся противоречий между последними. Благодаря этому Минск стал оптимальной площадкой для переговоров по урегулированию военного противостояния на Востоке Украины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вдовенко С.М. Україна-Білорусь: взаємовідносини на перехрестях перемін / С.М. Вдовенко. – Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2010. – 446 с.
2. Демичев Д.М. Торгово-економічні відносини Республіки Білорусь і України / Д.М. Демичев // Економічний журнал. – 2000. – №4. – С. 75–83.
3. Макєєв С.П. Політичні відносини України та Республіки Білорусь на рівні глав держав (2005 – 2010 рр.) / С.П.

- Макеєв // Збірник наукових праць ХНПУ імені Г.С. Сковороди Серія «Історія та географія». – Харків: Колегіум, 2012. – С. 112–116.
4. Макеєв С.П. Проблеми поглиблення прикордонних українсько-білоруських зв'язків / С.П. Макеєв // Збірник наукових праць ХНПУ імені Г.С. Сковороди. Серія «Історія та географія». – Харків: Майдан, 2011. – С. 41–44.
 5. Макеєв С.П. Розвиток політичних відносин України та Республіки Білорусь (1991 – 2008 рр.) / С.П. Макеєв // Збірник наукових праць ХНПУ імені Г.С. Сковороди. Серія «Історія та географія». – Харків: 2009. – С. 115–119.
 6. Максак Г.А. Международный аспект диалога Украины и Беларуси / Г. Максак, Б.А. Уваров // Полесская аналитика. – 2009. – № 2. – С. 26–35.
 7. Максак Г. Украина-Беларусь: состояние и перспективы / Г. Максак // Украина – Россия: второе дыхание: Ежемесячный информационно-аналитический бюллетень. – 2010. – №3. – С.22–28.
 8. Тиммерманн Х. Внутренне развитие и внешнеполитические перспективы Белоруссии и Украины (Европейский взгляд) / Х. Тиммерманн // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №7. – С.82–97.
 9. Тихомиров А.В. Белорусско-украинские отношения в 1991–2009 гг. / А.В. Тихомиров // Труды факультета международных отношений: науч. сб. – Минск, 2010. – Вып. 1. – С. 43–46.
 10. Ціхаміраў А.В. Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. / А.В. Ціхаміраў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 2. – С. 3–10.
 11. Юрчак Д.В. Беларусь – Украина: 20 лет межгосударственных отношений / Д.В. Юрчак. 2-е изд. перераб. и доп. – Витебск: УА “ВДУ ім. П.М. Машэрава”, 2015. – 295 с.
 12. Guicherd C. The enlarged EU's eastern border: Integrating Ukraine, Belarus and Moldova in the European project / C.Guicherd. – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2002. – 88 p.
 13. Katsy D. The European Union policy towards Belarus and Ukraine / D. Katsy // European Integration in a Changing World. – Prague, 1998. – p. 205–230.
 14. Najder Z. Ukraine and European Union / Z.Najder // Where Ukraine is heading? Conference proceedings / edited by J. Onyszkiewicz. – Warsaw : Center for international relations, 2003. – P. 39–45.
 15. Sherr J. Ukraine and its neighbours / J.Sherr // Where Ukraine is heading? Conference proceedings / edited by J.Onyszkiewicz. – Warsaw : Center for international relations, 2003. – P. 78–84.
 16. Wolczuk R. Ukraine's Foreign and Security Policy 1991 – 2000 / R.Wolczuk – New York : Routledge Curzon, 2003. – 216 p.

Сведения об авторе: *Юрчак Денис Валерьевич* – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси учреждения образования «Витебский государственный университет П.М. Машерова» (e-mail: kajuga@list.ru).

BELARUS-UKRAINIAN RELATIONS IN 1991-2017

D.V. Yurchak

Vitebsk State University named after P.M. Masherova, Vitebsk, Republic of Belarus.

Abstract. The process of formation and development of bilateral interstate relations between the Republic of Belarus and Ukraine in the post-Soviet period is penciled in the article. On the basis of available sources and publications on the subject, the author shows that the transition to a new format of relations between the republics began after the signing of the first basic bilateral Treaty between the Byelorussian SSR and the Ukrainian SSR in December 1990 and the establishment of diplomatic relations on December 24, 1991. After that, managed to establish a direct political dialogue, create a developed contractual framework for cooperation, which, in terms of the number of agreements signed and the coverage of various spheres of bilateral relations, is second only to cooperation Republic of Belarus with Russia.

The article shows the dynamics of political contacts, taking into account the specifics of interaction at various stages of development of cooperation, attention is drawn to the discrepancy between the foreign policy priorities of the two countries, which determined the specifics of the development of bilateral relations, in which special emphasis was placed on the development of economic cooperation. Attention is paid to the specifics of the development of Belarusian-Ukrainian relations after the Ukrainian crisis (2013 – 2014) and the beginning of the conflict in the east of Ukraine. Particular emphasis is placed on the fact that Minsk has become the main negotiating ground for the settlement of the conflict in the Donbass, which has arranged all the parties concerned and has no alternative so far. In the context of the development of the political dialogue, the author considers the overall dynamics of mutual trade between the two countries, pays attention to the prospects for cooperation within the framework of the initiative of the European Union "Eastern Partnership", taking into account the attitude of the leadership of Belarus and Russia towards this project.

Key words: Belarus, Ukraine, bilateral relations, political contacts, post-Soviet space.

REFERENCES

1. Vdovenko S.M. Ukraine-Belarus: Relations at Changes. Chernigov, Publisher Lozovy V.M., 2010, 446 p. (in Ukr.).
2. Demichev D.M. Trade and Economic Relations of the Republic of Belarus and Ukraine. Economic Journal, 2000, No4, p. 75 – 83. (in Russ.).
3. Makeev S.P. Political relations of Ukraine and the Republic of Belarus at the level of heads of state (2005 – 2010). Collection of scientific works of KhNPU named after G.S. Skovoroda. Series «History and Geography», Kharkiv: Collegium Pab., 2012, p. 112 – 116. (in Ukr.).
4. Makeev S.P. Problems of deepening Ukrainian-Belarusian border links. Collection of scientific works of KhNPU named after G.S. Skovoroda. Series «History and Geography», Kharkiv: Maidan Pab., 2011, p. 41 – 44. (in Ukr.).
5. Makeev S.P. Development of Political Relations of Ukraine and the Republic of Belarus (1991 – 2008). Collection of scientific works of KhNPU named after G.S. Skovoroda. Series «History and Geography», Kharkiv, 2009, p. 115 – 119. (in Ukr.).
6. Maksak G.A., Uvarov B.A. International dimension of the dialogue between Ukraine and Belarus. Polesskaya Analytics, 2009, No 2, p. 26 – 35. (in Russ.).
7. Maksak G. Ukraine-Belarus: state and prospects. Ukraine-Russia: second wind: Monthly information-analytical bulletin, 2010, No 3. p. 22 – 28. (in Russ.).
8. Timmermann H. Internal development and foreign policy prospects of Belarus and Ukraine (European view). World Economy and International Relations, 2007, No 7, p. 82 – 97. (in Russ.).
9. Tikhomirov A.V. Belarusian-Ukrainian relations in 1991 – 2009. Proceedings of the Faculty of International Relations: scientific collection, Minsk, 2010, Vol. 1, p. 43 – 46. (in Russ.).
10. Tikhomirov A.V. Belarusian-Ukrainian relations in 1991 – 2006. Belarusian Historical Journal, 2007, No 2, p. 3–10. (in Belarus.).
11. Yurchak D.V. Belarus - Ukraine: 20 years of interstate relations. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherova, 2015, 295 p. (in Russ.).
12. Guicherd C. The enlarged EU's eastern border: Integrating Ukraine, Belarus and Moldova in the European project. Berlin, Stiftung Wissenschaft und Politik, 2002, 88 p.
13. Katsy D. The European Union policy towards Belarus and Ukraine. European Integration in a Changing World, Prague, 1998. p. 205–230.
14. Najder Z. Ukraine and European Union. Where Ukraine is heading? Conference proceedings, Warsaw, Center for international relations Publ., 2003, p. 39–45.

15. Sherr J. Ukraine and its neighbours Where Ukraine is heading? Conference proceedings, Warsaw, Center for international relations Publ., 2003, p. 78–84.
16. Wolczuk R. Ukraine's Foreign and Security Policy 1991 – 2000. New York, Routledge Curzon, 2003, 216 p.

About the author: Yurchak Denis Valerievich - candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of Belarus history, Vitebsk State University named after P.M. Masherova, (e-mail: kajuga@list.ru).

ГРУЗИНО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*

Г.Г. Мачавариани

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация: Снятие санкций с Ирана в январе 2016 года в Грузии расценили положительно, поскольку это должно позитивно повлиять на регион в целом. Грузия надеется сыграть значительную роль в ряде проектов, связанных с Ираном, особенно в энергетической сфере. Также для Грузии Иран интересен в плане развития туристического сектора, что благоприятно отразится на экономике Грузии. В свою очередь, иранский бизнес намерен использовать в своих энергетических транспортных проектах географическое положение Грузии, ее порты на Черном море, которыми Иран давно заинтересован как альтернативным маршрутом транспортировки природного газа в Европу в обход Турции и России.

Ключевые слова: Грузия, Иран, санкции, энергоресурсы, сотрудничество.

После распада СССР власти Ирана приступили к осмыслению собственных государственных интересов в новом геополитическом пространстве и формированию новой кавказской политики. В результате между Ираном и Турцией возобновилась прежняя конкуренция за лидерство в регионе, и в этой борьбе Грузии отводилось не последнее место, прежде всего из-за транспортных коммуникаций, проходящих через ее территорию. В частности, Грузия рассматривалась Ираном в качестве транзитного коридора для транспортировки своих энергоресурсов в Россию и Европу, а также в перспективе экспорта собственной продукции транзитом по железнодорожной ветке, связывающей Азербайджан и Турцию. Заметим, что в настоящее время Иран является крупнейшим в регионе экспортером сельхозпродукции, и стоимость на иранские товары гораздо ниже,

чем аналогичные европейские. Со своей стороны, Иран заинтересован в задействовании энергетического коридора Север – Юг, поскольку, при избытке нефти и газа, испытывает определенный дефицит электроэнергии. В связи с интенсивным строительством высоковольтной линии электропередач из России в Грузию, в будущем Иран рассчитывает на участие в данном региональном проекте века.

Дипломатические отношения Грузия и Иран установили 15 мая 1992 г. В 1994 г. в Тегеране открылось грузинское посольство. Несмотря на конфликт между США и Ираном, усилия Тбилиси по поддержанию отношений с обеими сторонами свидетельствовали о том, что Грузия хотела вести многовекторную политику и искала союзников не только в кругу друзей США, но и в стане их врагов.

После «революции роз», параллельно с четким прозападным курсом правительства М. Саакашвили, сотрудничество с Ираном продолжилось. Углубление экономических связей с Тегераном было необходимо Грузии на фоне резкого падения экономики.

По итогам августовского конфликта 2008 года, в результате которого отношения Грузии и США значительно охладели, вначале довольно нерегулярные политические и экономические связи с Ираном постепенно стали значительно расширяться.

В 2010 г. страны договорились о сотрудничестве в сфере энергетики и энергоснабжения. Совместные экономические проекты были основаны на острой потребности Грузии в энергоресурсах – газе и нефти. В свою очередь, Иран был заинтересован в возможности установления контактов с другими странами и выходом на новые рынки посредством Грузии. Кроме энергетических проектов, Грузия и Иран в 2010-2011 гг. вели интенсивные переговоры по таким сферам экономического сотрудничества, как сельское хозяйство, транспорт, торговля и др. Расширялись также культурные связи, организовывались совместные выставки и конференции.

* Статья подготовлена по материалам выступления автора на Международной научной конференции

«Внешняя политика России на пространстве СНГ», состоявшейся в РУДН 15.12.2017 г.

В 2011 г. между Грузией и Ираном был отменен визовый режим для краткосрочных поездок, установлено прямое воздушное сообщение, в результате чего резко возрос поток туристов в Грузию. Тесное сотрудничество продолжилось и после прихода к власти коалиции «Грузинская мечта». Такие интенсивные контакты не могли не вызвать раздражения Вашингтона, который вовсе не приветствовал улучшение отношений между Грузией и Ираном. Так, выступая в Атлантическом совете (Atlantic Council), посол США в Грузии с 2009 по 2012 год Дж. Баас заметил, что переход на безвизовый режим между Грузией и Ираном – шаг положительный, но он не должен быть использован для того, чтобы Иран получил возможность обходить введенные в отношении него экономические санкции¹. Также высокопоставленный чиновник Министерства финансов США Д. Коэн в июне 2013 г. заявил изданию «Уолл-стрит джорнэл»: «США известно о происходящих событиях в Иране, и мы внимательно следим, чтобы пресекать все попытки иранских подданных уклоняться от санкций ООН, в том числе и в Грузии. Мы работаем в тесном контакте с грузинской стороной в данной области, и представители правительства Грузии также следят за процессами в торговле и всячески пресекают выявленные нарушения»². Комментируя статью, министр юстиции Грузии Т. Цулукиани заявила, что все подобные заявления будут тщательно изучены правоохранительными органами, и, если найдутся хоть какие-то основания, со стороны властей последует незамедлительная реакция³ [Там же]. В результате безвизовый режим с Ираном был временно приостановлен Грузией, что соответственно привело к сворачива-

нию торговых отношений. По заявлению тогдашнего премьера Б. Иванишвили, этот шаг был сделан по рекомендации ООН. Занимавшая в то время пост главы внешнеполитического ведомства М. Панджикидзе отметила, что данное решение было принято с целью урегулирования миграционной политики.

После снятия экономических санкций в 2016 г., введенных США и ЕС в связи с иранской ядерной программой, Иран получил доступ к замороженным ранее активам – в общей сложности, примерно 100 млрд долл., возможность пользоваться системой SWIFT и продажи своей нефти европейским странам⁴. Ожидается, что Иран приложит все усилия, чтобы укрепить свои позиции на Южном Кавказе, и Грузия сможет стать его партнером и посредником в деле урегулирования отношений со странами ЕС и США. Предполагалось, что стремление Грузии в НАТО и ЕС не должно повлиять на отношения с Ираном, наоборот, это сближение с ЕС может принести Ирану экономическую и политическую выгоду⁵.

Согласно новому соглашению, визовый режим между Грузией и Ираном был отменен 15 февраля 2016 г., в результате чего поток туристов из Ирана в Грузию значительно вырос. По данным министерства экономики, за девять месяцев 2017 г. он увеличился на 127%⁶. По данным второго квартала 2017 г., из Ирана в Грузию было осуществлено инвестиций на сумму 1,6 млн долларов, что на 657 % превышает показатель этого же периода 2016 г.⁷ Все это положительно сказывается на углублении двусторонних политических и торгово-экономических отношений, росте импорта и экспорта, развитии культурных связей, туризма, привлечении иранских инвестиций.

¹ Роль России и Турции в системе безопасности Южного Кавказа¹. URL: <http://ebooks.azlib-net.az/book/qrMhCsz5.pdf>

² Коллайдулин А. Грузия в строгости выполняет санкции ООН в отношении Ирана URL: http://novostimira.com/novosti_mira_60168.html

³ Там же.

⁴ Иран: первый месяц без санкций. URL: <http://nangs.org/news/world/tag/Санкции?start=140>

⁵ Иран: первый месяц без санкций. URL: <http://nangs.org/news/world/tag/Санкции?start=140>

⁶ Грузино-иранский бизнес-форум прошел в Тбилиси. <https://sputnik-georgia.ru/economy/20171010/237692910/Gruzino-iranskij-biznes-forum-proshel-v-Tbilisi.html>

⁷ Грузино-иранский бизнес-форум прошел в Тбилиси. <https://sputnik-georgia.ru/economy/20171010/237692910/Gruzino-iranskij-biznes-forum-proshel-v-Tbilisi.html>

Что касается торговли, пока что Иран не является значительным торговым партнером Грузии. В 2016 г. объем экспорта в Иран составлял 1,62 %, а объем импорта в Грузию – 1,9 %¹. Если торговый оборот между Грузией и Ираном в 2015 г. составлял 128,1 млн долл., а за первые шесть месяцев 2016 г. возрос до 53 млн долл. При этом экспорт составил более 16 млн долл., а импорт – примерно 37 млн долл.² Согласно данным за восемь месяцев 2017 года, торговый оборот между Грузией и Ираном по сравнению с прошлым годом увеличился на 48%³. Иран экспортировал в Грузию с начала первого полугодия 2016 г. продукты нефтехимии, субпродукты, керамическую плитку, мрамор, изюм. Из Грузии в Иран импортировались, в основном, древесина, транспортные средства и фармацевтические препараты.

17-18 апреля 2017 г. состоялся двухдневный официальный визит в Грузию главы МИД Ирана Мохаммада Джавада Зарифа. На встрече с президентом Грузии Г. Маргвелашвили и премьер-министром Г. Квирикашвили были обсуждены вопросы регионального сотрудничества между Грузией, Ираном и Азербайджаном и активизации транзитной функции Грузии, рассмотрены перспективы развития сотрудничества в сферах транспорта, энергетики, сельского хозяйства, инфраструктуры и промышленности.

Одновременно в грузинской столице прошел двухсторонний бизнес-форум, на котором рассматривались вопросы транзита иранской продукции в Европу через территорию Грузии. Иранская сторона выразила заинтересованность в экспорте газа, хотя иранский газ намного дороже азербайджанского, которым сегодня обеспечивается Грузия. Также в техническом плане создание соответствующей инфраструктуры для доставки газа из Ирана в Грузию связано с серьезными инвестициями и

временем, а также в практическом развитии идеи транзитного коридора Персидский залив – Черное море, в создании которого обязательно должны принять участие Грузия, Иран, Азербайджан и Армения.

22-23 апреля 2017 г. состоялся ответный визит грузинской делегации во главе с премьер-министром Г. Квирикашвили в Иран, во время которого грузинский премьер пригласил иранских бизнесменов инвестировать в грузинскую экономику с получением возможности свободной торговли со странами Европы через Грузию, хотя для этого, в первую очередь, важно восстановления доверия со стороны иранского бизнеса, пошатнувшегося после приостановления Грузией безвизового режима и ужесточения получения вида на жительство для граждан Ирана в 2013 г. Для этого правительство Грузии намерено предложить такую программу дальнейшего двустороннего сотрудничества, которая не будет зависеть от внешних влияний.

Однозначно, не считаться с фактором Ирана на Южном Кавказе нельзя. По мнению д.и.н. В.И. Юртаева: «формат евразийской интеграции сегодня зависит как от сохранения, так и от стратегии Исламской Республики Иран. В случае сохранения ИРИ вырисовывается иной облик лидеров развивающихся стран – «нового третьего мира» XXI в. Иран находится на перепутье, перед ним большой выбор»⁴. Действительно, Иран на протяжении всей своей истории имел огромные амбиции как на Ближнем Востоке, так и в Центральной Азии, Афганистане и Пакистане. Что касается его влияния на Южном Кавказе, то здесь оно было ослаблено интересами других главных претендентов на первенство в регионе – России и Турции. В свою очередь, Иран с его восьмидесятимиллионным населением входит в число влиятельнейших государств региона,

¹ В декабре 2016 г. импорт товаров в Грузию возрос на 1.9%. URL: <http://www.ge.gicci.org>

² Торговля Грузии с Ираном. URL: <https://sputnik-georgia.ru/reviews/20160729/232860855.html>

³ Грузино-иранский бизнес-форум прошел в Тбилиси. <https://sputnik->

georgia.ru/economy/20171010/237692910/Gruzino-iranskij-biznes-forum-proshel-v-Tbilisi.html

⁴ Иран: перспективные сценарии региональной интеграции. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/iran-perspektivnye-stsenarii-regionalnoy-integratsii#ixzz4au81fWOs>

поэтому сотрудничество с ним в плане использования богатого энергетического, туристического и инвестиционного потенциала представляется весьма перспективным для Грузии.

Сведения об авторе: Мачавариани Гурам Григорьевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений РУДН. (e-mail: guram1984@hotmail.com).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гиваргизова Л.С. Транспортный коридор Иран-Армения-Грузия, как стимулирующий фактор региональной интеграции и изменяющий архитектуру современной мировой экономики // Кавказ в начале XXI в.: народы, общество и государство. Ставрополь. 2016. С. 67-70.
2. Мачавариани Г.Г. Внешняя политика Грузии на Южном Кавказе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., РУДН, 2017 г. 27 с.
3. Сулейманов А.В. Политика Турции и Ирана в Закавказье: сопоставительный анализ // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения», 2010 г. № 1. С. 53-59.
4. Шлепентох Д. Заигрывание Грузии с Ираном и его возможные геополитические следствия // Кавказ и глобализация. Т. 6. № 3. 2012 г. С. 17-32.
5. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979-2010 гг.). М.: РУДН. 2012 г. 385 с.

MODERN STATE OF GEORGIAN-IRANIAN RELATIONS

G.G. Machavariani

Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The removal of sanctions from Iran in January 2016 considered positive in Georgia, as it should positively affect the region. Georgia hopes to play a significant role in a number of projects related to Iran, especially in the energy sector. Also, Iran is interesting for

Georgia in terms of development of the tourism, which will have a positive effect on the Georgian economy. In turn, the Iranian business intends to use geographic location of Georgia for its energy transportation projects and its ports on the Black Sea, which Iran has long been interested in as an alternative route for transporting natural gas to Europe bypassing Turkey and Russia.

Keywords: Georgia, Iran, sanctions, energy resources, cooperation.

REFERENCES

1. Givargizova L.S. The Iran-Armenia-Georgia transport corridor as a stimulating factor of regional integration and changing the architecture of the modern world economy // Caucasus at the beginning of the 21st century: peoples, society and the state. Stavropol. 2016. P. 67-70.
2. Machavariani G.G. Foreign policy of Georgia in the South Caucasus. Author's dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. M., RUDN, 2017, 27 pp.
3. Suleymanov A.V. The policy of Turkey and Iran in Transcaucasia: comparative analysis // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "International Relations", 2010, No. 1. P. 53-59.
4. Shlepentoch D. Flirtation of Georgia with Iran and its possible geopolitical consequences // Caucasus and globalization. T. 6. № 3. 3. 2012. pp. 17-32.
5. Yurtaev V.I. Features and implementation of the foreign policy of the Islamic Republic of Iran (1979-2010). Moscow: RUDN. 2012 385 p.

About the author: Machavariani Guram Grigoryevich - Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: guram1984@hotmail.com)

ФОРМИРОВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ АРМЕНИИ И ГРУЗИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Н.Г. Галоян

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования внешнеполитических векторов и доктрин национальной безопасности Армении и Грузии после распада СССР. На основе анализа национального законодательства в сфере внешней политики и национальной безопасности рассматриваемых государств Южнокавказского региона и наиболее значимых научных изысканий в данной проблематике, внимание автора обращено на процесс формирования внешнеполитических принципов и утверждения основ национальной безопасности Армении и Грузии, стремившихся к защите национально-государственных интересов. Автор приходит к выводу, что как субъективные, так и объективные внутренние и внешние факторы обусловили противоположные пути внешнеполитического развития Армении и Грузии. Первая предпочла развиваться, реализуя принцип комплиментаризма, вторая избрала атлантический курс развития своей внешней политики. Методологической базой исследования является метод ключей, метод структурного анализа и метод обобщения (политическая наука и история международных отношений).

Ключевые слова. Армения, Грузия, комплиментаризм, атлантизм, Россия, США, НАТО, Евросоюз.

Процессы системной дезинтеграции в общественной и политической сфере, в социальной структуре и народном хозяйстве привели к прекращению существования Советского Союза как государства в 1991 г. Армения и Грузия, входившие в состав СССР, оказались заключены в сложнейшие социально-экономические и политические условия, однако, именно распад Советского

Союза способствовал формированию обновлённых внешнеполитических принципов и приоритетов в названных странах, о которых и пойдёт речь в данном параграфе.

Внешняя политика Армении формировалась в сложнейших условиях депрессии 1990-х гг. Учитывая факторы блокады и изоляции, страна вынуждена была опираться на периферийные ресурсы, представленные армянской диаспорой. Нестабильное политическое положение обусловило отсутствие заинтересованности и не привлекательность Армении для стран Запада, в то же время государству удалось наладить дружественные взаимоотношения с Россией и Ираном. Чётко заданные внешнеполитические векторы позволили Армении преодолеть кризисные годы, вызванные распадом СССР.

В советский период, характерными особенностями внешней политики которого были консолидированный внешнеполитический курс республик и принятие важнейших дипломатических решений в Москве, Армения не имела возможности самостоятельно эффективно взаимодействовать и развивать внешние контакты как с соседними государствами – Турцией и Ираном, так и с ключевыми мировыми акторами.

После распада СССР руководство Армении начало вырабатывать внешнеполитический курс, позволяющий обеспечить национальные интересы. В кризисные 1990-е гг. властям Армении пришлось по-новому взглянуть и пересмотреть накопленный за долгие годы опыт становления и развития государственности, который, во многом, был утерян. Обретение Арменией независимости привело к тому, что стране пришлось строить свою внешнюю политику с нуля. Г. Демоян отмечает по этому поводу, что «Армения в своих представлениях была далека от реальности, предпочитая мифы о важности своего географического расположения, ведь предполагалось, что именно Союз тормозил её развитие» [Демоян, 2005. С. 88].

Однако происходящие события подтвердили факт того, что страны Кавказа

были ввергнуты в пучину политической нестабильности и экономического кризиса, при этом наиболее негативным образом данные события проявились именно в Армении. В период распада Советского Союза Армения оказалась перед сложным выбором – политикой изоляции, возникновением разделительных линий в регионе и экономическим крахом, что и предопределило будущий характер проводимой руководством страны внешней политики. Власти Армении пребывали в активном поиске выхода из сложившейся ситуации, что привело к определению внешнеполитической доктрины государства на основе принципа комплиментаризма, суть которого состояла в отказе от однозначной ориентации на какой-либо единый внешний центр силы и предполагала совмещение баланса интересов стран, вовлечённых в регион.

На начальном этапе формирования внешнеполитических приоритетов Армении, концептуальные основы внешней политики нашли свое отражение не только на уровне политического дискурса, но также и в основополагающих официальных документах, отдельных законах и законодательных актах, регламентирующих те или иные аспекты внешнеполитической деятельности.

В частности, международное и внешнеполитическое «кредо» Армении в суверенном статусе впервые было зафиксировано в п. 6 Декларации о независимости Армении, принятой 23 августа 1990 г. Верховным Советом Армянской ССР: «Республика Армения как субъект международного права, проводит независимую внешнюю политику, устанавливает прямые отношения с другими государствами, национально-государственными образованиями СССР, участвует в деятельности международных организаций»¹.

Декларация положила начало процессу обретения Арменией реальной независимости.

¹ Декларация о независимости Армении (23 августа 1990 г.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2602&lang=rus&sel=show> (Дата обращения: 30.11.2017).

сти. В преамбуле к документу заключено, что Верховный Совет Республики Армения, принимая Декларацию, основывается на совместном Постановлении Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря 1989 г. «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха», развивает демократические традиции образованной 28 мая 1918 г. независимой Республики Армения. Тем самым высший государственный орган Республики не только подчеркнул исторический предпосылки становления армянской государственности, но и косвенно упомянул Нагорнокарабахский конфликт, переживавший в начале 1990-х годов очередную стадию эскалации.

Также преамбула гласит о том, что Декларация была принята, «исходя из принципов Всеобщей декларации прав человека и общепризнанных норм международного права, и претворяя в жизнь право наций на свободное самоопределение»².

Этот важнейший принцип международного права был конкретизирован в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие. Недостаточная политическая, экономическая и социальная подготовленность или недостаточная подготовленность в области образования никогда не должны использоваться как предлог для задержки достижения независимости»³. В целом эта Декларация является моральной, политической и правовой

² Декларация о независимости Армении (23 августа 1990 г.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2602&lang=rus&sel=show> (Дата обращения: 30.11.2017).

³ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (Дата обращения: 30.11.2017).

базой развития принципов самоопределения и территориальности.

Согласно Декларации принципов Заключительного акта СБСЕ 1975 г., право на внешнее и внутреннее самоопределение также принадлежит всем народам мира: «Исходя из принципа равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой, все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие»¹.

Фактически до принятия Конституции в Армении Декларация о независимости считалась Основным Законом страны. Доктор исторических наук, профессор Ереванского государственного университета Э.М. Минасян утверждает, что «избранная в дальнейшем народом власть допустила грубейшие нарушения при становлении политической системы, при приватизации предприятий, при установлении рыночных отношений» [Минасян, 2007. С. 93].

Без преувеличения, можно констатировать то, что Декларация о независимости Армении можно считать важнейшим историческим документом Армении, который был принят Республикой после распада СССР. Данный официальный акт составлен в соответствии с фундаментальными принципами международного права, в частности права наций на свободное самоопределение, а также актуализирует наиболее значимую для Армении проблему – Нагорно-карабахский конфликт.

Конституция Республики Армения, принятая 5 июля 1995 г. в развитие положений Декларации о независимости Армении, конкретизировала нормативно-правовые основы осуществления внешней политики государства. В ст. 9 Конституции Армении закрепляется фундаментальная

норма-принцип, в соответствии с которой внешняя политика «осуществляется в соответствии с принципами и нормами международного права в целях установления добрососедских и взаимовыгодных отношений со всеми государствами»².

В Основном Законе Армении подчеркивается важность поддержания связей с армянской диаспорой, так п. 2 ст. 11 гласит следующее: «Республика Армения в рамках принципов и норм международного права способствует укреплению связей с армянской Диаспорой, сохранению находящихся в других государствах армянских исторических и культурных ценностей, развитию армянской образовательной и культурной жизни»³. Такой акцент в Конституции Армении сделан не случайно: по различным оценкам, совокупная численность армянской диаспоре в мире составляет от 7 до 10 млн человек, что в 2-3 раза превышает официальные данные по численности населения государства⁴. В разделе «К благополучной Армении вместе с братьями и сестрами из диаспоры» предвыборной программы 2013 г. «Вперед к безопасной, благополучной Армении» действующего Президента Республики Армения Сержа Саргсяна, в частности, отмечается, что «В последние годы партнерские отношения с Диаспорой поднялись на новый уровень. Наш совместный потенциал, сотни примеров сплоченности и сотрудничества армян во всем мире преумножили наши конкурентные преимущества. Вместе с тем нынешние результаты не отражают в полной

¹ Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1 августа 1975 г.) // Официальный сайт ОБСЕ. – Режим доступа: <https://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (Дата обращения: 30.11.2017).

² Конституция Республики Армения (5 июля 1995 г., с изменениями от 27 ноября 2005 г.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

³ Там же.

⁴ Степанян Д. Отношения Армения – Диаспора нуждаются в пересмотре // Ноев Ковчег. - № 6 (212). - Апрель (1-15) 2013 г. – Режим доступа: <http://noevkovcheg.ru/mag/2013-06/3755.html> (Дата обращения: 30.11.2017).

мере разнообразия и глубины наших коллективных возможностей»¹.

Вышеуказанное подчеркивает необходимость продолжения и активизации диалога официального Еревана с этническими армянами, проживающими за пределами Родины, как для поддержки соотечественников, так и, потенциально, в целях развития народной дипломатии и продвижения внешнеполитических позиций Армении в мире.

В последние годы партнерские отношения с Диаспорой поднялись на новый уровень. Наш совместный потенциал, сотни примеров сплоченности и сотрудничества армян во всем мире преумножили наши конкурентные преимущества. Вместе с тем нынешние результаты не отражают в полной мере разнообразия и глубины наших коллективных возможностей.

В системе органов государственной власти Армении ключевая роль в реализации внешней политики отведена Президенту Республики. Так, в соответствии со ст. 55 Конституции Армении, Президент Республики в сфере внешней политики:

«7) представляет Республику Армения в международных отношениях, осуществляет общее руководство внешней политикой, заключает международные договоры, представляет международные договоры на ратификацию Национальному Собранию и подписывает их ратификационные грамоты, утверждает, приостанавливает действие или денонсирует международные договоры, не требующие ратификации;

8) назначает и отзывает дипломатических представителей Республики Армения в иностранных государствах и при международных организациях, принимает верительные и отзывные грамоты дипломатиче-

ских представителей иностранных государств и международных организаций»².

Как отмечается в разделе «Внешняя политика на пути к безопасной Армении» предвыборной программы 2013 г. «Вперед к безопасной, благополучной Армении» Президента Армении С. Саргсяна: «Мы продолжим вносить наш вклад и способствовать осуществлению всех инициатив, формирующих позитивную повестку дня в международных отношениях и благоприятствующих нашим интересам, используя, в первую очередь, возможности, которые дает членство Армении в международных структурах. Мы останемся верны духу партнерства и сотрудничества. Для внешнего мира Армения останется надежным и предсказуемым партнером»³.

Национальному Собранию Армении отведена не менее важная роль в реализации внешней политики государства. На основании ст. 81 Конституции Армении: «Национальное Собрание по предложению Президента Республики: ... 2) ратифицирует, приостанавливает или денонсирует международные договоры Республики Армения»⁴.

Помимо участия в заключении международных договоров от имени Армении, Национальное Собрание РА в рамках соглашений о межпарламентском сотрудничестве взаимодействует с парламентами Грузии, Российской Федерации, Французской Республики, Ливанской Республики, Сирийской Арабской Республики, Арабской Республики Египет, Республики Кыр-

¹ Вперед к безопасной, благополучной Армении. Предвыборная программа С. Саргсяна. 2013 г. // Официальный сайт Президента Республики Армения. – Режим доступа: http://www.president.am/u_files/file/docs/election-programm-2013-ru.pdf (на армянском) (Дата обращения: 30.11.2017).

² Конституция Республики Армения (5 июля 1995 г., с изменениями от 27 ноября 2005 г.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

³ Вперед к безопасной, благополучной Армении. Предвыборная программа Сержа Саргсяна. 2013 г. // Официальный сайт Президента Республики Армения. – Режим доступа: http://www.president.am/u_files/file/docs/election-programm-2013-ru.pdf (на армянском) (Дата обращения: 30.11.2017).

⁴ Там же.

гыстан и Нагорно-Карабахской Республики¹.

Парламент Армении также реализует двустороннее сотрудничество в форматах Межпарламентских комиссий с законодательными органами Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Кипр и Республики Арцах²; 59 Групп дружбы с коллегами-депутатами дружественных государств³.

Правительство Армении в соответствии с п. 6 ст. 89. Конституции Армении: «обеспечивает осуществление ... внешней политики Республики»⁴, исполняя тем самым поручения Президента и Национального Собрания Армении.

Заключаем, что положения Конституции Армении, касающиеся сферы внешней политики, конкретизировали положения Декларации о независимости Армении, закрепили разделение полномочий между высшими государственными органами и в самых общих чертах заложили основы принципа комплементаризма, утвердившегося в последствии в качестве базиса внешней политики государства.

Важно отметить, что в сложный переходный период, сопровождавшийся признанием и установлением независимости Армении, проводимые общественно-

политические реформы приобрели особое значение. Руководство Армении, среди которого было и много случайных людей, во многом, пыталось скопировать методы работы и структуру государственной машины развитых стран Европы, не учитывая, что правовое поле и стабильные экономические отношения европейских государств формировались на протяжении многих десятилетий.

Не менее важным представляется опыт становления внешнеполитических принципов и приоритетов Грузии. Очевидно, что в условиях усилившихся центробежных процессов стремление к самостоятельности в большинстве союзных республик (в ряде случаев, выражавшееся ещё в канун распада СССР в форме референдумов о выходе республик из союзного пространства) усиливалось, и временами, как в случае с Грузией, принимало явные формы.

Обретение Грузией в 1991 г. независимости стало причиной того, что политическая элита приступила к формированию обновлённых институтов государственной власти. Ситуация внутри страны продолжала оставаться сложной, что было связано с чередой непрекращающихся этнополитических конфликтов и гражданского противостояния.

Как отмечает З.З. Бахтуридзе: «Одним из наиболее сложных процессов созидания международного контента на постсоветском пространстве стал процесс формирования независимого грузинского государства, в ходе которого столкнулись интересы различных акторов мировой политики, среди которых - США и Россия» [Бахтуридзе, 2015. С. 4].

Однако, вплоть до момента непосредственного распада СССР, начавшегося международного признания Грузии (в марте 1992 г., после вхождения в ООН) и построения на этой основе дипломатических отношений с рядом стран, говорить о самостоятельном внешнеполитическом курсе Грузии не приходится.

Процесс дистанцирования от России сопровождался полуофициальными визитами парламентариев и членов правитель-

¹ Межпарламентские соглашения, заключенные Национальным Собранием Республики Армения. // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/international.php?id=1&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

² Межпарламентские комиссии Национального Собрания Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/international.php?id=2&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

³ Группы дружбы Национального Собрания Республики Армения // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/international.php?id=4&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

⁴ Конституция Республики Армения (5 июля 1995 г., с изменениями от 27 ноября 2005 г.) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (Дата обращения: 30.11.2017).

ства в Европу и США. Но в 1991 г. возможности для маневрирования у грузинского руководства были довольно ограничены: международному признанию мешали этническое и гражданское противостояние в стране и неопределённое будущее постсоветского пространства. В этом смысле об отсчёте внешней политики Грузии с 1991 г. можно говорить с большой натяжкой, максимум, речь может идти о предпосылках формирования приоритетных направлений внешнеполитического курса страны, но не о нём самом.

Общая внешнеполитическая ситуация в Грузии после распада Советского Союза характеризовалась как противоречивая и сложная. Существенное влияние на её становление оказала экономика, пребывающая в кризисном состоянии, усиление настроений региональной обособленности и удаленность национальных районов, отсутствие перспективных способов урегулирования обострившихся конфликтов. Безусловно, после провозглашения независимости для нормального развития Грузии необходимым фактором стало установление безопасности и стабильности в регионе. Главным условием для этого являлось формирование дружественных отношений с ближайшими соседями. Важно отметить и тот факт, что в осуществлении внешнеполитических проектов имел место фактор манипуляций со стороны заинтересованных государств, что должно было привести к разделению Южнокавказского региона на зоны влияния. Это, конечно же, отрицательно влияло на региональную политику Грузии.

В движении за независимость Грузии, активно развернувшемся к концу 1980-х гг., господствовали представления о том, что внешнеполитический курс страны должен быть направлен к интеграции с Западом. Отмечается, что на начальном этапе формирования грузинской внешнеполитической ориентации усиление прозападных настроений подогревали углублявшийся социально-экономический кризис (общественное недовольство старались увести в русло конфронтации с Россией), эскалация

пребывавших до того момента в латентном состоянии межэтнических конфликтов, ошибочные, по мнению автора, действия российской стороны.

Принятый и провозглашенный депутатами Верховного Совета и Правительства Республики Грузия 9 апреля 1991 г. Акт о восстановлении государственной независимости Грузии не только определил правовые основания нового суверенного государства на Южном Кавказе, но и обозначил некоторые принципы внешней политики Грузии.

В соответствии с Актом Верховный Совет Республики Грузия выражает стремление «занять достойное место в содружестве государств мира», заявляет, «что будет твердо соблюдать общепризнанные принципы политического, экономического и культурного сотрудничества с другими государствами»¹.

Помимо этого, в Акте о восстановлении государственной независимости Грузии, как и в Декларации о независимости Армении, содержится отсылка на основополагающий принцип - право нации на самоопределение: «Восстановление государственной независимости Республики Грузия полностью соответствует Уставу Организации Объединенных Наций, Хельсинкскому и Венскому актам, признающим и закрепляющим право всех народов самостоятельно определять политическую судьбу своей страны»².

Анализируя подходы политических элит Армении и Грузии к определению независимости государств, можно прийти к выводу о том, что общими детерминантами выступили: обращение к историческому опыту формирования государственности в 1910-е годы, а также акцент на проблему обеспечения региональной безопасности на Южном Кавказе.

Принципиальная особенность позиции грузинских законодателей - явно выражен-

¹ Акт о восстановлении государственной независимости Грузии (9 апреля 1991 г., специальная сессия Верховного Совета) - Верховный Совет Республики Грузия. - 1991. - № 4. - Ст. 291.

² Там же.

ное негативное отношение к вхождению Грузии в состав СССР («в состав Советского Союза Грузия вошла не добровольно») и советскому этапу грузинской истории («весь период насильственного пребывания Грузии в составе СССР отмечен кровавым террором и репрессиями»). Само название документа – Акт о восстановлении государственной независимости Грузии – подчеркивает непринятие позиции конституционности и соответствия воли народа вхождению Грузии в состав Советского Союза.

По мнению З.З. Бахтуридзе, принятие Акта о восстановлении государственной независимости Грузии можно считать точкой отсчёта новейшей истории Грузии как независимого государства и участника международных отношений, которое оказалось перед выбором как внутренних, так и внешних направлений развития [Бахтуридзе, 2015. С. 18].

Таким образом, Акт о восстановлении государственной независимости Грузии, заложив «фундамент» грузинского суверенитета на современном этапе, не только провозгласил появление нового государства на мировой арене и определил некоторые основы внешней политики страны, но и закрепил предпосылки антироссийского внешнеполитического вектора Грузии.

В 1992 г., после государственного переворота в Грузию возвратился бывший первый секретарь ЦК Коммунистической партии Грузии, министр иностранных дел СССР – Э. Шеварднадзе. Совместно с редакционной группой, Э. Шеварднадзе в 1995 г. представил Государственной конституционной комиссии проект Конституции Грузии, который был одобрен и принят Парламентом страны 24 августа 1995 г.¹ В рамках действовавшей Конституции был введён пост Президента, который занял Э. Шеварднадзе. Наравне с процессом государственного строительства в Грузии формировались и соответствующие векторы внешней политики. Важно отметить, что

¹ Конституция Грузии от 24 августа 1995 г. // Ведомости Парламента Грузии. - 1995. - № 31-33. – Ст. 668.

после распада Советского Союза и вплоть до 1995 г. власти Грузии не уделяли достаточного внимания развитию внешней политики государства.

В грузинском обществе активно обсуждалось место государства в Южнокавказском регионе и мире в целом. Среди грузин существовало большое количество сторонников прозападного пути развития, с последующим вхождением в Европейский Союз и Организацию Североатлантического договора.

При сложившихся установках руководства Грузии в этот период (ориентация на Запад), учитывая весьма неоднозначные действия российского руководства в грузино-абхазском и грузино-югоосетинском конфликте, был взят курс на разрыв отношений с Россией [Бахтуридзе, 2015. С. 19].

Такой путь поддержал и Президент Грузии Э. Шеварднадзе. В феврале 1996 г. он сформулировал 6 основных принципов «мирного Кавказа»:

- незыблемость территориальной целостности и неприкосновенности существующих границ;
- защита прав человека;
- защита транспортных и других коммуникаций и недопущение их блокирования;
- сотрудничество в защите окружающей природы и ликвидации последствий стихийных бедствий;
- выражение этнической и религиозной толерантности;
- отрицание всех форм проявления национализма и ксенофобии;
- всяческая поддержка международных проектов и инвестиций для Кавказа и обеспечение их безопасности².

Противостояние давлению извне и установление конструктивных отношений с

² Чиаберашвили З. О национальных интересах Грузии. // Стратегия национальной безопасности Украины в контексте опыта мирового сообщества. Материалы международной конференции (2011 г.). – Киев.: Национальный институт стратегических исследований. - Режим доступа: <http://www.niss.gov.ua/book/strateg/014.htm> (Дата обращения: 30.11.2017).

соседними государствами являлись на тот период важнейшими внешнеполитическими проблемами, решение которых было трудным, но которое нельзя было отложить в «дальний ящик». В то же время нельзя было обострять противостояние как внутри региона, так и за его пределами за контроль над последним, так как это могло привести к плачевным последствиям.

Необходимо было определить так называемую «золотую середину», которая бы способствовала наилучшему сценарию развития отношений между странами Южнокавказского региона. Учитывая вышесказанное, Грузия в своей внешней политике делала ставку, в первую очередь, на разрешение внутригосударственных проблем. После распада Советского Союза в условиях этнотерриториальных конфликтов идея установления безопасности и стабильности в Грузии казалась почти неосуществимой. Однако, невозможно не принимать во внимание проблемы, существовавшие между странами Южнокавказского региона.

Обсуждая вопрос приоритетных направлений внешней политики Грузии, уместно представить стратегический документ национальной безопасности и внешней политики Грузии, подписанный 5 октября 2000 г., под названием «Грузия и мир: Восприятие и стратегия на будущее». Документ можно условно разделить на 3 составляющие: внешнеполитическая, внешнеэкономическая и стратегия по обеспечению безопасности¹.

Из документа следует, что для Тбилиси интеграция в европейские и евроатлантические организации является приоритетным направлением внешней политики, так как, по их убеждению, это исторически доказанная необходимость. Также отмечалось, что вышесказанная интеграция должна переплетаться с процессами углубления сотрудничества на региональном уровне².

¹ Вооруженные силы Грузии // Военный информатор. - Режим доступа: <http://www.military-informer.narod.ru/Georgia.html> (Дата обращения: 30.11.2017).

² Там же.

Действующая редакция Конституции Грузии, принятая Парламентом 13 октября 2017 г., конкретизирует правовые основы внешней политики государства.

Преамбула Основного Закона ссылается на волю народа Грузии к упрочнению «мирных отношений с другими народами»³.

Определяя статус и полномочия Парламента Грузии, ст. 36 Конституции относит к последним, в частности, определение направлений внешней политики. В Основном Законе детально прописаны полномочия Парламента государства в части ратификации, денонсации и отмены международных договоров. Так, в соответствии со ст. 47 Конституции Грузии: «Парламент большинством полного состава осуществляет ратификацию, денонсацию и отмену международных договоров. ... Кроме международных договоров, предусматривающих ратификацию, обязательной является также ратификация международных договоров:

а) предусматривающих вступление Грузии в международную организацию или межгосударственный союз;

б) военного характера;

в) касающихся территориальной целостности государства или изменения государственных границ;

г) связанных с взятием или выдачей займа государством;

д) требующих изменения внутригосударственного законодательства, принятия законов, необходимых для исполнения принятых международных обязательств ...»⁴.

Утверждая статус Президента, п. 3 ст. 49 Конституции Грузии, гласит: «Президент Грузии представляет Грузию во внешних сношениях»⁵. Конкретизируя полномо-

³ Конституционный закон Грузии «О внесении изменений в Конституцию Грузии» (№1324-6b, 13 октября 2017) // Законодательный Вестник Грузии. - Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3811818> (Дата обращения: 30.11.2017).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

чия Президента, п. 1 ст. 52 Конституции Грузии закрепляет следующее: «Президент Грузии: а) с согласия Правительства осуществляет представительские полномочия во внешних сношениях, ведет переговоры с иностранными государствами и международными организациями, заключает международные договоры, принимает аккредитацию послов и других дипломатических представителей иностранных государств и международных организаций; по представлению Правительства назначает на должность и освобождает от должности послов и руководителей дипломатических представительств Грузии ...»¹.

Формулируя статус и полномочия Правительства и Премьер-министра, Конституции Грузии п. 1 ст. 54 определяет: «Правительство Грузии является высшим органом исполнительной власти, осуществляющим внутреннюю и внешнюю политику страны», а п. 3 ст. 55 устанавливает, что «Премьер-министр представляет Грузию во внешних сношениях, заключает от имени Грузии международные договоры»².

Сложившееся распределение полномочий высших органов государственной власти Грузии в сфере внешней политики не является случайным, а обусловлено существованием парламентско-президентской формы правления, которая предполагает отнесение ключевых внешнеполитических функций к компетенции Парламента и формируемого им Правительства при номинальной, представительской роли Президента страны. В этом аспекте конституционные акты Армении и Грузии существенно разнятся в условия президентско-парламентской формы правления в Армении.

Однако, важнейшим внешнеполитическим постулатом Конституции Грузии является тезис, закрепленный в последней

статье Основного Закона. Так, ст. 78, именованная «Интеграция в европейские и евроатлантические структуры» гласит: «Конституционным органам в пределах своих полномочий принять все меры для обеспечения полной интеграции Грузии в Европейский союз и Организацию Североатлантического договора»³.

Необходимо отметить, что подобный подход к закреплению внешнеполитического вектора государства характеризуется неоднозначно. С одной стороны, определение основного направления внешней политики в Конституции вносит четкость не только в работу высших органов государственной власти, но и дает возможность другим субъектам международных отношений предельно ясно оценивать обстановку и выстраивать двух- и многостороннее взаимодействие на основе обоюдных интересов. С другой стороны, в условиях постоянно меняющейся архитектуры мирового порядка государства, применяющие рассматриваемый подход могут оказаться «заложниками» собственных решений, поскольку конституция любого государства является программным документом, внести изменения в который представляется достаточно сложным в виду многоуровневой законодательной процедуры.

Таким образом, Конституция Грузии в редакции 13 октября 2017 г. не только закрепила правовой статус и полномочия высших органов государственной власти во внешнеполитической сфере, но и программно утвердила основной вектор внешней политики государства - полная интеграция Грузии в Европейский союз и Организацию Североатлантического договора.

В научных кругах мнения относительно внешнеполитических векторов Армении и Грузии разделились. Часть экспертного сообщества, представляющая преимущественно армянские и российские мозговые центры, склонна считать многовекторность и ее проявление – принцип комплементаризма – наиболее удачной моделью построения связей государства с внешним миром,

¹ Конституционный закон Грузии «О внесении изменений в Конституцию Грузии» (№1324-6)б, 13 октября 2017) // Законодательный Вестник Грузии. - Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/3811818> (Дата обращения: 30.11.2017)..

² Там же.

³ Там же.

особенно в условиях конфликтогенной специфики Южнокавказского региона. С точки зрения наиболее авторитетных специалистов-международников грузинской научной школы, в современных реалиях мироустройства и многополярности именно мновекторность, предполагающая членство в военно-политических и экономических блоках, дает возможность государству обеспечить свой суверенитет, независимость и не допустить посягательства на территориальную целостность.

По утверждению сотрудника Института Кавказа Г. Микаеляна, принцип комплементаризма наиболее эффективно работал в первые два года независимости Армении (1991-1992 гг.), когда стране удалось использовать свою уникальную внешнеполитическую конъюнктуру в разгар Нагорно-карабахского конфликта [Микаэлян, 2009. С. 138]. В обозначенный период главным гарантом безопасности Армении стала Россия. Кроме того, в 1992 г. Армения вступила в СНГ, став соучредителем Договора о коллективной безопасности¹.

Следуя принципу комплементаризма, Армения развивала отношения со странами Запада, с Ираном, прилагая необходимые усилия для открытия армяно-турецкой границы. Весьма важным вектором внешней политики Армении после распада Советского Союза стало урегулирование Нагорнокарабахского конфликта. В постсоветской действительности Армения воспринимала Россию как преемницу СССР, что ощущалось особенно сильно в 1990-х гг. Ввиду этого и отношение к России складывалось негативное, однако, после утверждение принципа комплементаризма двусторонние отношения стран изменились к лучшему. В частности, Россия стала главным партнёром Армении в решении важнейших вопросов экономического и военного значения.

Новый этап развития принципа комплементаризма начался в конце 1990-х г.,

¹ Договор о коллективной безопасности (15 мая 1992 г.). - Режим доступа: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=126 (Дата обращения: 02.10.2017).

при правлении второго Президента Армении Р. Кочаряна. Данный этап связан с именем главного идеолога и автора термина «комплементаризм» - главы МИД Армении (1998-2008 гг.) В. Осканяна. По мере снижения российского влияния в регионе с конца 1990-х гг. Армения «мелкими шагами» превратила комплементаризм в достаточно отточенную технику «сидения одновременно на нескольких стульях». Причем в определенных случаях комплементаризм позволял Еревану как уравнивать влияние Москвы в региональных процессах, так и, наоборот, - сдерживать США или европейские государства на некоторых этапах Нагорнокарабахского переговорного процесса².

Именно такая внешняя политика продолжает осуществляться Арменией уже третье десятилетие, несмотря на перманентно звучащие обвинения в практической несостоятельности принципа комплементаризма. Однако, каждый новый региональный конфликт (например, события в Южной Осетии в августе 2008 г.) лишь вновь демонстрируют потенциал армянского комплементаризма. Фактически внешнеполитическую доктрину Армении с равным успехом можно было бы назвать, скажем, «прагматизмом» или «реализмом»³.

Для лучшего понимания принципа комплементаризма внешней политики Армении видится возможным сравнить его с мновекторностью во внешней политике других постсоветских стран - Азербайджана и республик Центральной Азии.

Во-первых, можно заметить, что отличительная особенность армянского комплементаризма от мновекторности других евразийских стран - в стабильности и преемственности его реализации с первых дней обретения Арменией независимости. В отличие от Армении, например, Азербайджан долгое время (особенно в периоды

² Там же.

³ Минасян С. Армения в контексте украинского кризиса: новая финляндизация? // Информационно-аналитическое агентство REGNUM. - Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1901217.html> (Дата обращения: 02.10.2017).

правления А. Эльчибея и начальный период правления Г. Алиева - до середины 1990-х гг.) придерживался однополярной политической ориентации, с упором на Турцию, как проводника западной политической ориентации. Лишь после вступления Азербайджана в ОДКБ в 1994 г. и одновременного начала реализации нефтяных проектов с участием западных компаний Баку удалось уравновесить эту тенденцию.

Аналогично можно утверждать о наличии реальной многовекторности во внешней политике стран Центральной Азии, вплоть до второй половины 1990-х гг. Западное влияние в Центральной Азии было минимальным, приобщение в регион Турции и Ирана - незначительными, а Китай вызывал только настороженность и страх, чтобы восприниматься как надежный внешнеполитический партнер в глазах центральноазиатских государств. Только аморфность российской внешней политики в 1990-х гг. не превратила пророссийскую ориентацию государств Центральной Азии в полностью безальтернативную. Да и сам термин «многовекторность» (особенно в случае с Казахстаном) возник как скрытый синоним политики дистанцирования этих стран от России только в середине 1990-х г. [Меликян, 2013. С. 52].

Необходимо признать, что у Азербайджана и центральноазиатских стран (Казахстана, Туркменистана и частично Узбекистана) имеется очень важный ресурс многовекторности - нефть и газ. Благодаря энергоресурсам, Баку в своей внешней политике может не сочетать, как Армения, интересы Запада, России и Ирана, или же не пытаться, как центральноазиатские страны, использовать отношения с Западом или Китаем для компенсации избыточной зависимости от Москвы (и наоборот). Зачастую Азербайджан пытается играть на противоречиях силовых центров, при этом втягивая в эту игру также и Турцию, не переходя на сторону одного из них. Яркой иллюстрацией этого является подписание Баку «назло» Анкаре газового контракта с Москвой 14 октября 2009 г. во время визита Президента Армении в Турцию. Очевидно,

что энергетические доходы и осознание своей значимости в реализации энергетических и коммуникационных проектов являются главными внешнеполитическими ресурсами Азербайджана. Важно уточнить, что реализация Азербайджаном политики многовекторности на региональном уровне ограничена в условиях Нагорнокарабахского конфликта, участницей которого является Армения, имеющая традиционно дружественные отношения с Россией, Ираном и Западом.

Существенным отличием армянского комплементаризма является плюрализм внутривнутриполитического поля. В отличие от Азербайджана и стран Центральной Азии это создает возможность вести серьезный общественный и политический дискурс об основных направлениях и ориентации внешней политики страны на внутривнутриполитическом поле Армении, что не представляется возможным в авторитарных государствах. И, наоборот, в Азербайджане и Центральной Азии в значительно большей степени, чем в Армении, внешнеполитическая многовекторность обуславливается наличием проблем с демократией. Важной особенностью армянского комплементаризма является одновременное наличие диаспоры и в России, и в США, и в европейских странах, а также присутствие достаточно влиятельных армянских общин в Иране и в ряде государств Ближнего Востока [Меликян, 2013. С. 54].

Если некоторые постсоветские страны в своей внешней политике сделали упор на противостояние с Россией при поддержке западных стран, то Армения выбрала другой путь: пытаться совместить взаимно противоречащие интересы России, западных стран и даже Ирана.

В результате Армения представляет интерес для США и европейских государств во многом, именно в силу своих особых отношений с Россией и Ираном. Одновременно Армения, которая не имеет прямого географического сообщения с Россией, является бенефициаром крупных российских инвестиций (особенно в транспортную и инфраструктурную сферу).

Таким образом, следует отметить, что внешнеполитические ориентиры Армении и Грузии после распада СССР формировались в сложных условиях политической и экономической нестабильности, а также этнотерриториальных конфликтов в Южнокавказском регионе. В постсоветский период власти государств Южного Кавказа активно стремились защищать национально-государственные интересы, налаживая при этом дипломатические отношения с внешним миром. Политические элиты рассматриваемых стран по-разному определили свой внешнеполитический курс: руководство Армении в течение более 20 лет является апологетом принципа комплементаризма – баланса интересов, в то время, как правящие круги Грузии в условиях двух территориальных конфликтов и противостояния с Россией избрали иной подход, обозначив в Конституции намерение полностью интегрироваться в ЕС и НАТО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтуридзе З.З. Внешняя политика Грузии 1991–2014 гг.: ключевые ориентиры и партнёры. - СПб.: Аврора. - 2015. – С. 4.
2. Демоян Г. Символическая география или география как символ на постсоветском Южном Кавказе. // Идентичность, власть и город в работах молодых ученых Южного Кавказа. - Тбилиси: Фонд им. Генриха Белля., 2005. - С. 88.
3. Меликян Р. Евразийский Союз, Евросоюз и армянский комплементаризм // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Том 16. Выпуск 2. – С. 52.
4. Микаелян Г. Внешняя политика Армении: попытка совместить интересы США, Европы и России // Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - № 3(63). - С. 138.
5. Минасян Э.М. Республика Армения: на тернистом пути независимости // Центральная Азия и Кавказ. - 2007. - № 2 (50). - С. 93.

Сведения об авторе: Галоян Наре Гарегиновна – ведущий специалист Международного центра тестирования Факультета

повышения квалификации преподавателей русского языка как иностранного Российского университета дружбы народов (МЦТ ФПКП РКИ РУДН), (e-mail: naregalojan@mail.ru).

FORMATION OF THE FOREIGN POLICY PRINCIPLES OF ARMENIA AND GEORGIA AFTER THE DECAY OF THE USSR

N.G. Galoyan

Peoples' Friendship University of Russia Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The peculiarities of forming foreign policy vectors and doctrines of national security of Armenia and Georgia after the collapse of the USSR are considered in the article. Based on the analysis of national legislation in the sphere of foreign policy and national security of the states of the South Caucasus region and the most significant scientific research in this area, the author's attention is drawn to the process of forming foreign policy principles and establishing the foundations of national security of Armenia and Georgia, protection of national-state interests. The author comes to the conclusion that both subjective and objective internal and external factors determined the opposite ways of the foreign policy development of Armenia and Georgia. The first preferred to develop, implementing the principle of complementarity, the second chose the Atlantic policy of development of its foreign policy. The methodological basis of the research is the method of keys, the method of structural analysis and the method of generalization (political science and the history of international relations).

Keywords: Armenia, Georgia, complementarity, Atlanticism, Russia, the United States, NATO, the European Union.

REFERENCES

1. Bakhturidze Z.Z. Foreign policy of Georgia 1991-2014: key orientations and partners. - St. Petersburg: Aurora. - 2015. - С. 4.
2. Demoyan G. Symbolic geography or geography as a symbol in the post-Soviet South

Caucasus. // Identity, power and city in the works of young scientists of the South Caucasus. - Tbilisi: The Fund. Heinrich Böll., 2005. - P. 88.

3. Melikyan R. The Eurasian Union, the European Union and the Armenian complementarity // Central Asia and the Caucasus. - 2013. - Volume 16. Issue 2. - P. 52.
4. Mikaelyan G. Foreign Policy of Armenia: An Attempt to Combine the Interests of the US, Europe and Russia // Central Asia and the Caucasus. - 2009. - No. 3 (63). - P. 138.
5. Minasyan E.M. Republic of Armenia: on the thorny path of independence // Central Asia and the Caucasus. - 2007. - No. 2 (50). - P. 93.

About the author: Galoyan Nare Gareginovna – a leading specialist of the International Testing Center of the Faculty for the Enhancement of the Qualifications of Russian Language Teachers as a Foreign Peoples Friendship University of Russia Russia (RUDN University) (ITC FPKP RKI PFUR), (e-mail: naregalojan@mail.ru).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПО РАЗВИТИЮ КОСМОНАВТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.Ж. Имаш

Российский университет дружбы народов,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются законодательно-правовая и концептуальная база Казахстана и России по развитию космической деятельности. Путем их изучения автор обосновывает легитимность осуществления космической деятельности Республикой Казахстан и Российской Федерацией. Также в ходе их анализа определяется их потенциал для реализации международного сотрудничества в космической сфере.

При подготовке данного исследования автор применял методологию изучения международных отношений. Среди методов, которыми автор руководствовался при работе над концептуальной базой исследования, основными были: метод сравнения, аналитический метод, контент-анализ источниковой базы и метод систематизации.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, Космос, космонавтика, сотрудничество, Байконур.

На сегодняшний день идет активное использование результатов освоения космического пространства. Это дает толчок ускоренному развитию экономического сектора страны, которое в дальнейшем определяет место и роль государства в современном мире. Космическая деятельность относится к приоритетным направлениям обеспечения национальной безопасности большинства государств мира, Казахстан и Россия не являются исключением. Как пишет Н.А. Назарбаев в книге «Казахстанский путь»: «Многие государства, в том числе и Казахстан, пришли к пониманию важности геополитических интересов в космосе, вследствие чего освоение и использование космического пространства стало сегодня одним из приоритетов наци-

ональной политики» [Назарбаев, 2012. С. 412].

Кроме того, развитие космических технологий — это залог улучшения качества жизни людей, а также двигатель мировой экономики. Концептуальное развитие космической деятельности в каждой стране выполняется практически по одной схеме: путем принятия основополагающих законов, стратегических планов развития, государственных космических программ и так далее.

Концептуализация космической деятельности в Республике Казахстан начала формироваться только в начале 2000-х гг. Хардинг Р. связывает начало «внезапной» активности Казахстана в космической сфере с желанием его руководства после ухода России эффективно использовать существующие космические активы, а также создать новые современные космические системы [Harding, 2012. P. 178].

Мнение Хардинга скорее можно отнести к внешним факторам, повлиявшим на этот процесс; в то время как Н. Назарбаев пишет: «Экономический рост страны явился основой для разработки и реализации космических программ» [Назарбаев, 2012. С. 410], тем самым указывая, что внутренние факторы стали первопричиной начала осуществления космической деятельности.

После подписания главами России и Казахстана нового договора об аренде космодрома «Байконур» до 2050 года в 2004 г., начались разработки самой первой программы по развитию космической деятельности в РК.

25 января 2005 г. Указом президента Республики Казахстан была утверждена первая Государственная программа «Развитие космической деятельности Республики Казахстан на 2005-2007 гг.»¹. Это была среднесрочная программа, основными це-

¹ Государственная программа «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005-2007 гг.». Утверждена Указом Президента РК от 25 января 2005 г. N 1513. Официальный сайт Правительства РК. [Электронный ресурс]. URL: http://ru.government.kz/docs/u051513_rus.html (Дата обращения 08.02.2017)

лями которой стали – становление и развитие космической деятельности, которая способствовала бы укреплению национальной безопасности, улучшению социально-экономической жизни населения, а также обеспечение научно-технического развития страны с использованием космических технологий.

На момент принятия Госпрограммы на 2005-2007 гг. в республике остро стояла задача обеспечения национальным телевидением всей территории страны, основной массе населения не всегда были доступны услуги операторов связи, а возможностью доступа в Интернет обладали только жители городов и районных центров. Кроме того, услуги в сфере космической связи и вещания предоставлялись операторами, которые, в свою очередь, арендовали использование спутниковых систем у зарубежных компаний.

В связи с этим, в рамках Госпрограммы ставились конкретные задачи – это создание и запуск первого национального спутника связи и вещания «KazSat», и создание на его основе целого комплекса предоставления телекоммуникационных услуг; проведение научно-исследовательских работ для разработки техники космического назначения; подготовка высококвалифицированных кадров для развития космической деятельности.

В ходе осуществления этой программы в 2006 г. был запущен первый казахстанский спутник «KazSat-1». Первый год своего функционирования он работал исправно, при этом основные республиканские операторы связи были переведены на него. По истечению менее, чем двух лет, данный спутник вышел из строя, многочисленные попытки восстановить его работы были безуспешными. Таким образом, реализация проекта первого казахстанского спутника связи телевидения потерпела неудачу, которая стала одной из причин признания Госпрограммы на 2005-2007 гг. непродуктивной.

В IV квартале 2007 г. Счетный комитет РК предоставил Заключение по результатам контроля и эффективности реализации

Государственной программы «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005-2007 гг.». По этому документу, вышеназванная программа была реализована неэффективно, при этом подчеркивается, что не предусмотрены механизмы контроля за исполнением задач и мероприятий согласно плану, что привело к недостижению положительных конечных результатов и неэффективному расходованию финансовых средств².

По словам Т. Мусабаева, одной из главных причин некачественной реализации первой космической программы страны также явилось отсутствие единого руководящего органа, который бы в полной мере нес ответственность за нее³. Данный отрицательный опыт республики в развитии космической деятельности привел к созданию в 2007 г. Национального космического агентства (Казкосмос), призванного руководить космической сферой и курировать осуществление государственных проектов в этой отрасли.

В 2008 г. Казкосмосом был разработан Стратегический план, рассчитанный на 2009-2010 гг. Согласно этому плану, ключевой задачей Казкосмоса на тот момент стало формирование новой для Казахстана космической отрасли⁴. Кроме того, были

² Итоги контроля эффективности реализации государственной программы «Развитие космической деятельности в Республике Казахстан на 2005-2007 гг.». Информационный бюллетень Счетного комитета РК №14 за IV квартал 2007 года. Официальный сайт Счетного комитета РК по контролю за исполнением республиканского бюджета. [Электронный ресурс]. URL: <http://esep.kz/rus/showin/article/1530> (Дата обращения 09.02.2017)

³ Первая космическая программа Казахстана не была успешной – Талгат Мусабаев [электронный ресурс] / Республиканская газета «Казахстанская правда» - 21 ноября 2016 г. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/tehnologii/pervaya-kosmicheskaya-programma-kazahstana-ne-bil-uspeshnoi--talgat-musabaev/> (Дата обращения 28.01.2017)

⁴ Стратегический план Национального космического агентства РК на 2009-2010 гг. Официальный сайт «kazcosmos.gov.kz». [Электронный ресурс]. – Астана, 2008. URL: <https://kazcosmos.gov.kz/ru/content/strategicheskiy-plan-na-2009-2011-gody> (Дата обращения 10.02.2017)

определены его приоритетные направления, такие как создание космических целевых систем и технологий, развитие комплекса «Байконур» и средств выведения космических аппаратов, а также формирование нормативно-правовой базы осуществления космической деятельности в Казахстане. Необходимо отметить, что и этот стратегический план не излагал четких сформулированных целевых задач, что привело к обновлению Стратегического плана в 2010 г. и его продлению до 2014 г.⁵

В ходе реализации этого плана в 2011 году был запущен второй казахстанский спутник «KazSat-2»⁶. Его запуск неоднократно откладывался из-за недоработок в такой сложной технике, изготовителем которого также, как и в первом случае, был российский «Государственный космический научно-производственный центр имени М.В. Хруничева». Кроме того, в рамках осуществления стратегического плана в 2010 году был объявлен тендер на изготовление третьего спутника «KazSat-3», который выиграло ОАО «Информационные спутниковые системы» им. академика М.Ф. Решетнева». Этот спутник был запущен в 2014 г. и по сегодняшний день активно используется в коммерческих интересах.

В соответствии со «Стратегическим планом развития Республики Казахстан до 2020 года» (2010 г.)⁷ был обновлен «Стратегический план развития космической деятельности на 2011-2015

гг.»⁸. В этой версии плана отдельное внимание уделяется развитию Казахстаном космодрома «Байконур» в рамках международного сотрудничества. Подчеркивается, что насущной задачей для казахстанского руководства становится совершенствование и модернизация наземной космической инфраструктуры на космодроме «Байконур», а также говорится, что «по оценкам специалистов, оставшийся срок физического и морального износа наземного космического оборудования космодрома составляет около десяти лет и видимо неслучайно совпадает с намеченными сроками введения в эксплуатацию нового космодрома России «Восточный», расположенного на Дальнем Востоке.

В «Стратегическом плане на 2011-2015 гг.» указывается необходимость скорейшего завершения космического ракетного комплекса «Байтерек», который позволит совершать запуски экологически безопасных ракет-носителей. В связи с предполагаемым уходом РФ на «Восточный» перед Казахстаном ставится задача модернизировать «Байконур» и создать свою космическую отрасль по созданию космической техники и технологий. Кроме того, в документе прописывается тот факт, что в глобальной экономике формируется полноценный рынок, являющийся крупным и быстроразвивающимся сегментом мирового рынка высоких технологий.

Стоит признать, что этот Стратегический план выполнен намного эффективнее своих предшественников, в нем произведен конструктивный анализ слабых и сильных сторон Казахстана в области развития космонавтики, а также ставятся цели и задачи, соизмеримые с

⁵ Стратегический план Национального космического агентства РК на 2010-2014 гг. Утвержден Постановлением Правительства РК от 3 марта 2010 года № 170. Официальный сайт «kazcosmos.gov.kz». [Электронный ресурс]. URL: <https://kazcosmos.gov.kz/ru/content/strategicheskiy-plan-nacionalnogo-kosmicheskogo-agentstva-respubliki-kazahstan-na-2010-2014> (Дата обращения 10.02.2017)

⁶ Там же.

⁷ Стратегический план развития Республики Казахстан до 2020 г. Утвержден Указом Президента РК N 922 от 1 февраля 2010 года. Информационная система «Параграф». [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30559730#pos=12;-201 (Дата обращения 11.02.2017)

⁸ Стратегический план Национального космического агентства РК на 2011-2015 гг. Утвержден Постановлением Правительства РК от 17 февраля 2011 г. № 151. Официальный сайт «kazcosmos.gov.kz». [Электронный ресурс]. URL: <https://kazcosmos.gov.kz/ru/content/strategicheskiy-plan-nacionalnogo-kosmicheskogo-agentstva-respubliki-kazahstan-na-2011-0> (Дата обращения 11.02.2017)

реальными возможностями космического сектора казахстанской экономики.

В рамках Стратегического плана на 2011-2015 гг. также был выполнен проект по созданию казахстанской космической системы дистанционного зондирования Земли, для реализации которого в 2014 г. с космодрома Куру (во Французской Гвиане) и «Ясный» (в России) были успешно запущены два спутника «KazEOSat-1» и «KazEOSat-2», изготовленные ведущей европейской компанией «Airbus Defence and Space»⁹. ДЗЗ позволяет Казахстану решать проблемы с сельским хозяйством, которое на данный момент находится в некотором упадке. Снимки со спутников ДЗЗ позволяют рационально использовать земледельческие районы, отслеживать состояние кормовых угодий в сфере животноводства, а также эффективны в деле управления водными, лесными ресурсами, проведения геолого-разведывательных мероприятий и предупреждения чрезвычайных ситуаций. Появление у Казахстана собственной космической системы ДЗЗ позволяет при наименьших финансовых потерях регулировать развитие сельского хозяйства как одного из приоритетных секторов экономики и осуществлять мониторинг обширной территории государства в целях его эффективного использования.

Самым грандиозным событием в области нормативно-правового обеспечения космической деятельности в Казахстане стало принятие в 2012 г. Закона РК «О космической деятельности»¹⁰. Тот факт, что в Казахстане полноценно начинает разви-

ваться космическая отрасль говорит о правильном векторе проведения государственной политики в области космонавтики. Этот закон позволит РК планомерно развивать космическую деятельность, при этом обеспечивая ее необходимой нормативно-правовой базой. Кроме того, разработка и реализация последующих стратегических планов «Казкосмоса» будет осуществляться в соответствии с основными положениями Закона.

Кроме всех вышеперечисленных документов существует еще один немаловажный источник, который лежит в основе космической деятельности в Республике Казахстан. Это «Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию РК на 2010-2014 гг.», а также «Государственная программа по индустриально-инновационному развитию РК на 2015-2019 гг.». В первой программе акцент ставится на таких направлениях как создание и развитие целевых космических систем и их использование (в его рамках выполнен запуск двух спутников «KazEOSat»), создание наземной космической инфраструктуры (экологически безопасного КРК «Байтерек»), осуществление проекта «Создание сборочно-испытательного комплекса космических аппаратов (СБИК КА)» и другие¹¹. Из всех перечисленных направлений за время программы был осуществлен только запуск казахстанских КС ДЗЗ; остальные еще находятся в стадии разработки.

Вторая Госпрограмма является логическим продолжением первой, а также конкретизирует проблемы, стоящие перед космической отраслью. Одними из основных проблем, стоящими на пути форсированного развития космической сферы, обознача-

⁹ Стратегический план Национального космического агентства РК на 2011-2015 гг. Утвержден Постановлением Правительства РК от 17 февраля 2011 г. № 151. Официальный сайт «kazcosmos.gov.kz». [Электронный ресурс]. URL: <https://kazcosmos.gov.kz/ru/content/strategicheskiy-plan-nacionalnogo-kosmicheskogo-agentstva-respubliki-kazakhstan-na-2011-0> (Дата обращения 11.02.2017)

¹⁰ Закон Республики Казахстан «О космической деятельности» от 6 января 2012 года № 528-IV. Информационная система «Параграф». [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31112199#pos=0;0 (Дата обращения 11.02.2017)

¹¹ Государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию Республики Казахстан на 2010 – 2014 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 19 марта 2010 года N 958. Официальный сайт «kazcosmos.gov.kz». [Электронный ресурс]. URL: <https://kazcosmos.gov.kz/ru/content/gosudarstvennaya-programma-po-forsirovannomu-industrialno-innovacionnomu-razvitiyu-0> (Дата обращения 12.02.2017)

ются отсутствие современной системы опытно-экспериментальной базы космических исследований; технологическая зависимость от зарубежных партнеров. Приоритетными направлениями деятельности определены научно-исследовательские работы по разработке казахстанской космической техники и технологий, обеспечение своего производства космических систем связи, космических систем ДЗЗ и систем навигации¹².

В целом, концептуальные основы развития космической деятельности в Казахстане заложены в многочисленных программных документах и составляют единый базис, на котором строится космическая политика Казахстана. Космическая деятельность РК отличается тем, что она начинает только развиваться в отличие от других стран космического клуба. Возможно именно по причине недостатка опыта в данной сфере, Казахстан часто сталкивается с проблемами по осуществлению проектов (продление сроков, некачественное выполнение заказов по изготовлению спутников, нехватка высококвалифицированных кадров и так далее). Но несмотря на все преграды, Казахстан начал свой «тернистый» путь к космическим звездам и, извлекая уроки из своих ошибок, находится в процессе создания своей полноценной космической отрасли.

Развитие космонавтики для России имеет огромное значение в связи с ее географическим расположением, обладанием значительных природных ресурсов, а также для установления общего информационного пространства на всей территории, особенно в отдаленных регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока. К тому же, ни одна из проводимых крупномасштабных

программ в различных сферах не обходится без привлечения возможностей космической отрасли. Несомненно, для России развивать космонавтику особенно важно с целью обеспечения своей национальной безопасности [Колчин и др., 2012. С. 2-13].

Концептуальное развитие космической деятельности в Российской Федерации заложено в «Стратегии обеспечения национальной безопасности России»¹³. Обеспечение комплексного развития инновационной системы, в том числе наукоемкой отрасли, нанотехнологий, робототехники и других направлений является продуктом исследования и использования космического пространства. Все эти действия направлены на улучшение социально-экономической сферы жизнедеятельности страны, которое, в свою очередь, входит в число задач обеспечения национальной безопасности России.

Нормативно-правовая база Российской Федерации в области космонавтики состоит из большого количества законов, указов и постановлений, которые регулируют деятельность государственных органов власти, предприятий в соответствующей сфере и граждан России, в той или иной форме участвующих в деле развития космонавтики в стране.

Первым событием в сфере космической деятельности России после распада СССР стало образование в 1992 г. Российского космического агентства при Правительстве России на базе Министерства общего машиностроения СССР.

Следующим шагом государственной политики в космической области стало принятие Закона РФ от 20 августа 1993 г. «О космической деятельности». Данный документ вплоть до настоящего времени является основополагающим «рамочным»

¹² Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 гг. Утверждена Указом Президента РК от 1 августа 2014 года N 874. Официальный сайт Министерства по инвестициям и развитию РК. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.gov.kz/ru/pages/gosudarstvennaya-programma-industrialno-innovacionnogo-razvitiya-respubliki-kazahstan-na-2015> (Дата обращения 13.02.2017)

¹³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683. Справочная правовая система «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_1_91669/61a97f7ab0f2f3757fe034d11011c763bc2e593f/ (Дата обращения 15.02.2017)

документом в области космонавтики и определяет основные цели и задачи государства и уполномоченного органа в рамках реализации космической деятельности. Этот закон сыграл важную роль в определении правовой системы государства в космической области. Главными пунктами, которые обозначены в данном законодательном акте, являются – понятие космической деятельности, ее основные направления; цели, задачи и принципы космической деятельности России; определение компетенций органов, которые ответственны за руководство и реализацию целей и задач, обозначенных этим законом; закрепление необходимости разработки федеральной космической программы, которая является долгосрочным концептуальным документом, призванным определять космическую политику государства на определенный промежуток времени¹⁴.

По мнению С.А. Жукова и И.М. Моисеева, Закон РФ «О космической деятельности» изначально был призван стать основой для создания полноценной законодательной базы российской космонавтики, но данная миссия этого закона оказалась неудачной. Причиной для этого они называют тот факт, что согласно закону, обязанность по совершенствованию законодательной основы космической деятельности были возложены на «Роскосмос» (по сути исполнительный орган). Ситуация сложилась таким образом, что управление космической сферой развития страны оказалась автономной в рамках космического агентства, которое в своих интересах расширяло круг своих полномочий, при этом снижая уровень своей ответственности. Таким образом, эти авторы сошлись во мнении, что автономная деятельность «Роскосмоса» как в законодательной, так и в исполнительной части является неконструктивным методом

развития космической отрасли [Жуков, Моисеев, 2011. С. 49-54].

Самая первая Федеральная космическая программа, разработанная в рамках осуществления космической деятельности РФ согласно Закону «О космической деятельности», была одобрена постановлением Совета министров Правительства Российской Федерации 11 декабря 1993 г.¹⁵ Эта программа предусматривала развитие космической сферы до 2000 г. На время осуществления первой ФКП пришелся скачок в расширении международного сотрудничества в космической области. Россия присоединилась к реализации проекта Международной космической станции и в 1998 г. на орбиту был выведен первый модуль МКС, разработанный на основе проекта российской космической станции «Мир-2».

Несмотря на успехи международного сотрудничества, развитие российской космической сферы именно в 1990-е гг. было особенно трудным. Это связано с тяжелой экономической ситуацией, возникшей после распада СССР, которая привела к возникновению кризиса на территории всего постсоветского пространства. Недостаток финансовых средств, требуемых для полноценного осуществления космических программ, стал причиной того, что первый российский модуль для МКС был разработан на средства США взамен на российский опыт и технологии в области построения пилотируемых космических объектов. Кроме этого, следствием указанной проблемы стало развитие космического туризма, в рамках которого в 2001 году в космос был отправлен самый первый космический турист в мире – Деннис Тито, заплативший за поездку на околоземную орбиту 35 миллионов долларов¹⁶.

¹⁴ Закон Российской Федерации «О космической деятельности» от 20 августа 1993 года N 5663-1. Информационно-правовой портал «Гарант.ру». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/136323/#friends> (Дата обращения 16.02.2017)

¹⁵ Федеральная космическая программа на 1993-2000 гг. Утверждена Постановлением Совета министров – Правительства РФ от 11 декабря 1993 г. N 1282. Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102046353&backlink=1&&nd=102027585> (Дата обращения 16.02.2017)

¹⁶ Космический туризм: от Денниса Тито до лунных проектов Илона Маска [электронный ре-

На время осуществления первой космической программы России пришелся спад в развитии космической деятельности. Многие специалисты указывают на то, что в этот период увеличивается число государств, которые активно начали разворачивать свои космические программы, а США и страны ЕКА ушли вперед по уровню развития космических технологий и их применения в жизни. К тому же началась деградация Глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС), которая привел к тому, что в 2002 году принимается федеральная целевая программа по ее совершенствованию и модернизации.

Многие проблемы, с которыми России пришлось столкнуться в это время, в том числе недофинансирование и технологическое отставание от передовых стран, не повлияли на то, что Российская Федерация оставалась лидером в области пилотируемой космонавтики, отправке экипажей и тяжелых грузов на орбиту.

Вторым документом, определившим цели и задачи российской космонавтики на следующие 4 года, стала «Федеральная космическая программа на 2001-2005 гг.» от 30 марта 2000 г.¹⁷ Основными направлениями деятельности, указанными в данной программе являются – расширение международного сотрудничества в фундаментальных космических исследованиях, разработка и участие в конкурентоспособных космических проектах, реструктуризация космического сектора промышленности, модернизация ракетно-авиационных технологий и другие¹⁸.

Из позитивных моментов в процессе выполнения установленных целей и задач

можно отметить – начало работ по созданию экологически безопасных ракет-носителей «Ангара», испытание модернизированных легких ракет и разгонных блоков, начало использования российского сегмента международной космической станции. Наряду с положительными результатами ФКП на 2001-2005 гг. существуют и невыполненные задачи: создание системы микроспутников «Система» для дистанционного зондирования Земли, космических систем для прогнозирования вулканов, осуществления прикладных и научно-исследовательских задач и другие.

Как уже упоминалось ранее, во время реализации ФКП на 2001-2005 гг. была принята «Федеральная целевая программа по развитию ГЛОНАСС на 2002-2011 гг.». Это связано с тем, что к концу 1990-х гг. ГЛОНАСС оказалась в упадке настолько, что к 2001 г. количество спутников в орбитальной группировке достигло своего минимума – 6 штук. Возникает вопрос, почему же для ГЛОНАСС создают отдельную программу развития? Ответ скорее заключается в том, что обеспечение функциональной деятельности ГЛОНАСС является одной из стратегических задач обеспечения национальной безопасности. В мире существуют только две функционирующие системы глобальной навигации – это ГЛОНАСС и GPS, который принадлежит США. Особый статус российской системы выражается в ее значении в социально-экономической сфере, обеспечении национальной безопасности и сохранении лидирующих позиций России в области спутниковой навигации. Как пишет Урличич Ю., «для государства наличие глобальной спутниковой системы соизмеримо с обладанием ядерного оружия и стратегических энергетических ресурсов, что определяет политический вес государства в рамках международного сотрудничества». Таким образом, закрытие ГЛОНАСС привело бы к использованию GPS, что могло отрицательно повлиять на обеспечение национальной безопасности России [Урличич, 2008. С. 14-18].

курс] / Интернет-портал «МИР24» - 12 апреля 2017 г. URL: <http://mir24.tv/news/Science/15956032> (Дата обращения 12.04.2017)

¹⁷ Федеральная космическая программа на 2001-2005 гг. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 30 марта 2000 г. № 288. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_45699/a8009d4d371c9916be0aabdb654c7ca83d82ea0/ (Дата обращения 16.02.2017)

¹⁸ Там же.

Основным итогом первой «Федеральной целевой программы по развитию ГЛОНАСС на 2002-2011 гг.» стало создание к 2011 году полноценной российской навигационной системы, которая непрерывно обеспечивает глобальный мониторинг поверхности Земли и основные технические характеристики, которой сопоставимы с американской системой GPS.

В октябре 2005 г. была утверждена третья Федеральная космическая программа, рассчитанная на 2006-2015 гг.¹⁹ Эта программа была разработана с целью прорывного развития космической отрасли. Подчеркивается, что Россия, по сравнению с США, Европой, Китаем, Японией и Канадой значительно отстает в сфере космических технологий и освоению космического пространства, Луны, Марса и других небесных тел. Это влечет к необходимости усовершенствования ракетных технологий, проведению научно-исследовательских программ, которые дадут возможность использовать космические ресурсы для развития собственных нанотехнологий. Кроме этого, в документе говорится, что в России ведутся работы исключительно по транспортировке грузов на МКС, в то время как разработка российских модулей и научной аппаратуры практически отсутствует. Отставание от остальных государств в области освоения и использования космического пространства обозначается как крупная проблема, которая может привести к потере приоритетов России в области пилотируемой космонавтики, а также в смежных сферах науки и техники²⁰.

Федеральной космической программой также предусмотрено планомерное восстановление и наращивание российской космической системы дистанционного зондирования Земли. Одна из крупных преимуществ

ДЗЗ заключается в том, что она позволяет осуществлять поиск новых месторождений полезных ископаемых. Сроки проведения поисковых работ сокращаются от 5 лет до 6 месяцев. С их помощью, в частности, были открыты месторождения нефти и газа на лицензионных территориях ОАО «Газпром», «Лукойл», в Казахстане и других странах [Райкунов, 2008. С. 1-10].

Реализацию «ФКП на 2006-2015 гг.» планируется провести в два этапа: первый – создать до 2010 года орбитальные группировки спутников космических комплексов спутниковой связи и телевидения, метеорологии, мониторинга окружающей среды, обсерваторий для астрофизических исследований и другие; второй – до 2015 г. наращивать и поддерживать созданные орбитальные группировки спутников.

Одним из важных концептуальных документов по развитию космической отрасли является – «Основы государственной политики в области космической деятельности на период до 2030 года и на дальнейшую перспективу» от 19 апреля 2013 г.²¹ Эта концепция состоит из восьми разделов и регламентирует основные цели, задачи, приоритеты государственной политики, а также определяет принципы, на основе которых она осуществляется и реализует международное сотрудничество. Кроме того, в документе определены основные государственные интересы РФ в космической области, такие как обеспечение беспрепятственного выхода космических аппаратов Российской Федерации, развитие научно-исследовательских проектов, осуществление опытно-конструкторских работ, развитие и укрепление международного сотрудничества и самое главное, сохранить лидерские позиции России в области пилотируемой космонавтики и средств выведения

¹⁹ Федеральная космическая программа на 2006-2015 гг. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 22 октября 2005 г. № 635. Официальный сайт Консорциума Унигео. [Электронный ресурс]. URL: <http://unigeo.ru/upload/files/abd8babcdcf3302fa6fc538bcd1b0d2.pdf> (Дата обращения 17.02.2017)

²⁰ Там же.

²¹ Основы государственной политики в области космической деятельности на период до 2030 г. и на дальнейшую перспективу. Утверждена Президентом Российской Федерации от 19 апреля 2013 г. N Пр-906. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_145908/ (Дата обращения 17.02.2017)

грузов в космос, а также войти в число ведущих участников в мировом космическом рынке²².

Поэтапно указаны сроки развития и модернизации двух главных космодромов – «Байконура» и «Восточного». Космодром «Байконур» планируется использовать для осуществления федеральных целевых программ, выведения пилотируемых экипажей в космос (в том числе интернациональных в рамках международной кооперации), а также для доставки тяжелых грузов на орбиту. Что касается космодрома «Восточный», то планы относительно него касаются, в основном, развития наземной космической инфраструктуры, создания и модернизации новых ракетно-космических технологий и начала использования космодрома для запусков космических экипажей и грузовых ракет-носителей.

В 2012 году постановлением Правительства РФ от 3 марта №189 была утверждена новая федеральная целевая программа «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012-2020 гг.»²³. Целью данной программы стало расширение внедрения и использования навигационной системы в коммерческих и научных интересах, а также ее международного использования. Основной задачей становится поддержание достигнутого уровня развития ГЛОНАСС, а также создание тринадцати космических аппаратов «Глонасс-М» и двадцати двух космических аппаратов «Глонасс-К» для поддержания необходимого количества КА орбитальной группировки с целью полноценного функционирования систем навигации.

Еще одним документом, в котором упоминается о космической деятельности – это Военная доктрина Российской Федера-

ции, новый вариант которой утвержден президентом РФ в декабре 2014 г.²⁴ Анализ данной доктрины позволил выявить тот факт, что использование космических технологий в области обеспечения военной безопасности страны является приоритетным направлением в развитии оборонного комплекса. В частности, военная космическая деятельность осуществляется при развертывании и поддержании в стратегической космической зоне орбитальных группировок космических аппаратов, обеспечивающих жизнедеятельность Вооруженных сил. Кроме того, космические технологии активно применяются при создании высокоточного оружия и средств борьбы с ними, средств воздушно-космической обороны, систем связи, разведки и управления, комплексов беспилотных летательных аппаратов, роботизированных ударных комплексов и других.

Стоит отметить, что Российская Федерация активно участвует в международно-правовой сфере с целью предотвращения размещения оружия в космосе, а также выступает за недопущение превращения космоса в сферу вооруженного противоборства. Это направление является одним из приоритетных в области контроля над вооружениями.

Указ Президента РФ «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» обеспечивает правовую основу для технического развития всех секторов российской экономики. Среди упомянутых приоритетов были наносистемы, информационные и телекоммуникационные системы, социальные науки, транспорт, космические системы и экологический контроль. Это все области науки,

²² Там же.

²³ Федеральная целевая программа «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012-2020 гг.». Утверждена Постановлением Правительства РФ от 3 марта 2012 года № 189. Справочная правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155198/724b74ad7ce7d3ac69fe99b27a79de205a93d084/ (Дата обращения 17.02.2017)

²⁴ Военная доктрина Российской Федерации в новой редакции. Утверждена Президентом РФ от 25 декабря 2014 г. Официальный сайт Администрации Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf> (Дата обращения 18.02.2017)

в большей или меньшей степени связанные с космической деятельностью²⁵.

Становится очевидно, что космические системы способствуют развитию других отраслей и появлению новых знаний и технологий в результате использования возможностей космического пространства. Поэтому, развитие и совершенствование космической деятельности РФ входит в число государственных приоритетов и является основой для планомерного развития социально-экономической сферы жизнедеятельности государства.

В 2016 г. была принята четвертая федеральная космическая программа, рассчитанная на 2016-2025 гг.²⁶ Как отметил глава Роскосмоса Комаров И., в рамках этой программы главными приоритетами считаются следующие: первое – использование преимуществ и результатов космической деятельности, в первую очередь, во благо социально-экономического развития; второе – проведение научных исследований космического пространства и дальнего космоса; третье – совершенствование и модернизация пилотируемых полетов²⁷.

Основными новыми плановыми действиями Роскосмоса согласно этой программе являются – обеспечение импортозамещения иностранных космических технологий в процессе изготовления ракетно-технических комплексов; участие не менее

в двух миссиях в рамках международного сотрудничества по исследованию Марса, Венеры, Меркурия и Солнца; освоение критических технологий, обеспечивающих создание конкурентоспособной ракетной техники; создание не менее двух российских обсерваторий; развитие частного сектора в области космической деятельности в рамках инновационного центра «Сколково»; завершение российского сегмента МКС и пролонгация использования МКС до 2024 г. и совершенствование ГЛОНАСС. Таким образом, мы видим, что Роскосмос поставил себе достаточно амбициозные цели для осуществления в такой относительно короткий срок (для космической сферы). Можно предположить, что это неразрывно связано с текущей политической и экономической ситуацией, при которой России приходится форсированными темпами достигать такого уровня самообеспечения, при которой ей не придется быть зависимой от других государств.

Космическая деятельность является одной из сложнейших в жизнедеятельности государства. Это связано с тем, что в процессе ее реализации необходимо не только осуществлять наукоемкую деятельность, а также выстроить эффективную систему менеджмента, которая позволит качественно руководить над исполнением всех проектов и довести их результаты до конечных потребителей. При таких обстоятельствах, несомненно, очень важна роль программно-целевого планирования. Поэтому большинство государств отводят немалое значение для качественного изложения целей космической деятельности и созданию ответственного уполномоченного органа. Следуя этим задачам, Казахстан и Россия планомерно развивают свою космическую сферу путем принятия базовых законодательных актов, государственных и федеральных программ по развитию космической деятельности, а также других целевых проектов.

В целом, концептуальные основы в области осуществления космической деятельности развиваются планомерно, создаваясь с учетом всех внешних и внутренних фак-

²⁵ Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации. Утверждены Указом Президента РФ от 07 июля 2011 г. N 899. Официальный сайт Администрации Президента РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/33514> (Дата обращения 18.02.2017)

²⁶ Федеральная космическая программа на 2016-2025 гг. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 23 марта 2016 г. № 230. Официальный сайт «www.roscosmos.ru». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roscosmos.ru/22347/> (Дата обращения 17.02.2017)

²⁷ Интервью с Комаровым И. «Ключ на старт» [электронный ресурс] / Ячменникова Н., интернет-портал «Российская газета», 11 июня 2016 г. - № 6945 (77). URL: <https://rg.ru/2016/04/11/igor-komarov-ia-k-kosmicheskomu-turizmu-otnoshus-s-interesom.html> (Дата обращения 08.02.2017)

торов, влияющих на технический процесс реализации намеченных проектов. Единственное, чего не хватает в космическом секторе экономик обоих государств, так это четкой структуры государственно-частного партнерства. Привлечение частного предпринимательства в сферу космической деятельности должно стать одним из приоритетных направлений государственной политики в этой области. Как мы можем видеть из опыта зарубежных стран - увеличение числа негосударственных участников космического сектора ведет к повышению конкуренции, которая, в свою очередь, является обязательным условием быстрого и качественного развития ракетно-космической техники и высоких технологий, являющихся в современном мире двигателем мировой экономики.

Таким образом, необходимо отметить, что космическая деятельность Казахстана и России закреплена широкой нормативно-правовой базой. Тем не менее, законодательно-правовая и концептуальная базы Республики Казахстан и Российской Федерации немного отличаются вследствие разного уровня приоритетов в развитии тех или иных областей космической отрасли. Казахстан, как молодое и неопытное государство в космической сфере, акцент ставит на создании систем спутников связи и вещания, развитии сектора дистанционного зондирования Земли и других направлений, более характерных для новых участников космического клуба. В то время как Россия, уже обладающая необходимым техническим, технологическим и кадровым потенциалом, сосредоточена на модернизации имеющихся ракетно-космических технологий, а также развитии области нанотехнологий с целью достижения уровня развитых государств. Несмотря на это, обе страны начали осуществлять сотрудничество в космической области, основой для которого послужило совместное управление комплексом «Байконур».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Harding Robert C. Space policy in developing countries: the search for security and

development on the final frontier. – London, Routledge, 2012. – 236 p. P. 178.

2. Жуков С. А., Моисеев И. В. Актуальные проблемы российской космонавтики // Вестник ГЛОНАСС. – 2011. – № 1. – С. 49-54.
3. Колчин С. В., Макаров Ю. Н., Хрусталев Е. Ю. Космическая деятельность России как важнейший фактор обеспечения национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. №37. с. 2-13.
4. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. Алматы: ИД «Жибек жолы», 2012. – 460 с. С. 412.
5. Райкунов Г. Г. Космическая деятельность в интересах развития России [электронный ресурс] // Актуальные проблемы авиационных и авиакосмических систем: процессы, модели, эксперимент. – Казань, 2008. – №2 (27). – С. 1-10.
6. Урличич Ю. М. ГЛОНАСС Российская национальная система состояние, перспективы развития и применения системы ГЛОНАСС [электронный ресурс] // T-Comm. 2008. - №2. С. 14-18.

Сведения об авторе: Имаш Тогжан Жумашкызы – магистр в области международных отношений (e-mail: togzhanimash@gmail.com).

NATIONAL CONCEPTS FOR THE DEVELOPMENT OF COSMONAUTICS IN REPUBLIC OF KAZAKHSTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

T.J. Imash

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the legal and conceptual base of Kazakhstan and Russia on the development of space activities. Through their study, the author justifies the legitimacy of the implementation of space activities by the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. Also in the course of their analysis, their potential is determined for the realization of international cooperation in the space sphere.

Working on this issue, the author applied the methodology of studying international relations. Among the methods used by the author while working on the conceptual basis of the research, the most fundamental were: the method of comparison, the analytical method, the content analysis of the source base and the method of systematization.

Key words: Kazakhstan, Russia, Cosmos, cosmonautics, cooperation, Baikonur.

REFERENCES

1. Harding Robert C. Space policy in developing countries: the search for security and development on the final frontier. - London, Routledge, 2012. - 236 p. P. 178.
2. Zhukov S.A., Moiseev I.V. Actual problems of Russian cosmology, Vestnik GLONASS. - 2011. - No. 1. - P. 49-54.
3. Kolchin S.V., Makarov Yu.N., Khrustalev E.Yu. Cosmic activity of Russia as the most important factor of ensuring national security // National interests: priorities and security. 2012. №37. from. 2-13.
4. Nazarbayev N.A. The Kazakhstan way. Almaty: Publishing House "Zhibek Zholy", 2012. - 460 p. C. 412.
5. Raikunov G.G. Cosmic activity in the interests of the development of Russia [electronic resource] // Actual problems of aviation and airspace systems: processes, models, experiment. - Kazan, 2008. - №2 (27). - P. 1-10.
6. Urlichich Yu.M. GLONASS Russian national system state, prospects for development and application of the GLONASS system [electronic resurs] // T-Comm. 2008. - №2. Pp. 14-18.

About the author: Imash Togzhan Zhumashkyzy - Master in International Relations (e-mail: togzhanimash@gmail.com).

ЕВРОПЕЙСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛАТВИИ

Е.А. Поспелова

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена европейскому вектору в латвийской внешней политике. После 1991 г., когда Латвия обрела независимость, правительство страны основным курсом внешней политики выбрало ориентацию на Запад. За 10 лет страна интегрировалась в европейские институты, открыла свой рынок для европейских товаров и активно участвует в европейской внешней политике, а в 2015 г. стала страной-председателем ЕС. Однако сегодня, спустя десять лет членства в ЕС, становится ясно, что, хотя главные задачи, поставленные после объявления независимости, Латвия выполнила: вошла в число стран ЕС, присоединилась к зоне евро, участвует в европейской системе безопасности, – последствия оказались далеки от оптимистичных прогнозов. Автор исследует произошедшие изменения в Латвии за десятилетний период, которые привели к массовой эмиграции и экономическому кризису.

Автор анализирует основные мотивы как Латвии, так и ЕС, для вступления Латвии в Европейский Союз, а также показывает сам процесс вступления: от страны-кандидата до страны-члена. Кроме того, в статье анализируется геополитическая важность Латвии для ЕС, которая перевесила все экономические риски как для одной, так и для другой стороны.

Автор отмечает, что вступление Латвии в ЕС лишь углубило существующие проблемы Латвии, из-за чего теперь Латвия входит в число беднейших стран ЕС. Проведенный автором анализ показывает, какие именно ожидания правительства не оправдались: в частности, ухудшилось состояние медицины, и произошел массовый отъезд жителей за границу, – и почему это произошло.

Ключевые слова: Латвия, Россия, ЕС, страны Балтии, НАТО, расширение ЕС

В результате распада Советского Союза произошли значительные изменения на геополитической карте мира, на постсоветском пространстве образовался ряд новых государств. Перед Латвией, как и перед другими прибалтийскими странами, встала проблема поиска, формирования и развития отношений с другими государствами.

Говоря о странах Балтии – Латвии, Литве и Эстонии, – необходимо отметить, что эти страны провозгласили «Возвращение на Запад» – «Return to the West» – главной стратегической линией в своей внешней политике. Вступление стран региона в такие организации как ЕС и НАТО стало поворотной точкой, четко обозначившей новый вектор внешнеполитических программ.

Уже в мае 1989 г. Балтийская Ассамблея заявила, что нахождение Латвии, Литвы, Эстонии в составе СССР не имеет правового основания, а 24 августа 1991 г. правительство России признало независимость трех прибалтийских республик, вскоре с ними были установлены дипломатические отношения. Спустя всего десять дней, 2 сентября 1991 г. правительство США также признало независимость прибалтийских республик.

Одной из главных задач после того, как Латвия в 1991 г. стала самостоятельным государством, являлась выработка внешнеполитической стратегии, а также формирование совершенно новых государственных структур. Уже в мае 1990 г. было создано Министерство иностранных дел и фактически тогда же были сделаны первые шаги по формированию дипломатической службы.

Латвийская Республика открыла свои первые представительства в 1990 г. в Эстонии и Литве, а в 1991 г. были открыты дипломатические представительства в России и в США.

В кратчайшие сроки Латвию признали многие государства мира, с ними были восстановлены дипломатические отношения. Придерживаясь пути возвращения в Европу, Латвия уже 10 сентября 1991 г. стала членом Европейского Сопровождающего по безопасности

и сотрудничеству (СБСЕ, ныне ОБСЕ), спустя неделю – членом ООН. А 15 октября была принята в ЮНЕСКО.

Основные приоритеты внешней политики с начала 1990-х гг. были нацелены на скорейшую интеграцию в политические и экономические структуры Запада, поскольку решение проблемы безопасности Латвия усматривала именно в ориентации на тесное сотрудничество с западными странами, в первую очередь, США.

Контакты и сотрудничество с Евросоюзом начали складываться сразу после восстановления независимости Латвии. Европейское Сообщество в 1992 г. включило страны Балтии в программу PHARE («Poland, Hungary Aid for the Reconstruction of the Economy» – «Помощь на восстановление экономики Польши и Венгрии»), а 11 мая был подписан договор между Латвией и ЕС о торговом, коммерческом и экономическом сотрудничестве – он обеспечивал режим наибольшего благоприятствования в торговле.

В 1993 г. Латвия, как и остальные страны Балтии, активизировала свою политику в отношении ЕС и в апреле 1993 г. на конференции в Копенгагене по экономическому сотрудничеству в Центральной и Восточной Европе заявила о своем намерении вступить в ЕС. Совет ЕС на заседании в Копенгагене сформулировал ряд критериев для приема в ЕС посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (дополненные в Эссене в декабре 1994 г.): стабильность институтов, гарантирующих демократию, действующая рыночная экономика, а также способность выполнять обязательства по членству в Союзе. Эти критерии стали направляющими в процессе интеграции Латвии в ЕС. Совет министров ЕС принял «Белую книгу» в целях согласования

законодательства. В этом документе были уточнены требования, которые следовало выполнить для достижения приема в ЕС¹.

В апреле 1995 г. Сеймом Латвии был утвержден документ «Основные направления внешней политики Латвии до 2005 г.»² В июне 1995 г. Парламентом Латвии была утверждена «Концепция национальной безопасности»³, где подчеркивалось, что для национальных интересов актуальнейшим моментом является полная интеграция в Европейский Союз и НАТО.

Именно в этих документах и была сформулирована главная задача внешней политики Латвии: обеспечить государственную независимость путем интеграции в европейские структуры безопасности, политические и экономические структуры, а также активное включение в мировые политические процессы.

В «Концепции национальной безопасности» были определены следующие основные направления внешней политики Латвии:

1. Вступление в ЕС. Именно это рассматривалось как необходимость для выживания латышского народа и сохранения Латвийской государственности. А включение в экономическую систему ЕС должно было способствовать скорейшему развитию сельского хозяйства, науки, образования и культуры Латвии.

2. Вступление в НАТО как гарантия безопасности Латвии. Латвия целенаправленно с середины 90-х гг. XX в. участвовала в программе «Партнерство ради мира» и Североатлантическом Совете Сотрудничества, готовясь к принятию в Организацию.

3. Участие в международных организациях: европейских и международных, таких, как ООН, Совет

¹ Resolution on the White Paper: "Preparing the associated countries of Central and Eastern Europe for integration into the internal market of the Union" (COM (95)0163 – C4- 0166/95) – <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:51996IP0101>

² The main directions of foreign policy of Latvia until 2005 – www.mfa.gov.lv/data/file/1/arp_konc.doc

³ The concept of national security of Latvia, 1995 – http://www.mod.gov.lv/~media/AM/Par_aizsardzibas_nozari/Plani,%20konceptijas/1995_nd.ashx

Государств Балтийского моря, ОБСЕ, Международном объединении парламентов – и даст возможность формирования политики безопасности ЕС.

4. Поддержание добрососедских отношений с Россией.

12 июня 1995 г. были подписаны ассоциативные договоры между ЕС и странами Балтии⁴. Еще до вступления в силу ассоциативного договора Латвия стала участвовать в структурированном политическом диалоге, предусмотренном для стран-кандидатов по различным международным вопросам, особенно по насущным для обеих сторон.

Вопрос о вступлении Латвии в ЕС обсуждался с 27 октября 1995 г., когда правительство Латвии подало председательствующей в ЕС Испании официальную заявку на вступление в ЕС. В 1997 году Европейская Комиссия дала первые заключения о начале переговоров стран-кандидатов по вступлению в ЕС, однако Латвию на переговоры не допустили. В феврале 2000 г. начались официальные переговоры о вступлении Латвии в ЕС.

Решение о расширении ЕС в восточном направлении было весьма сложным и смелым для этого объединения государств, поскольку впервые в истории расширения в союз желало вступить такое большое число экономически относительно слабых развитых стран. При этом большинство из них были недостаточно интегрированы экономически как между собой, так и с ЕС. Решение принималось в тот момент, когда стало ясно: не осуществились надежды, возлагавшиеся на Маастрихтский договор⁵ о создании Европейского Союза (вступил в силу в ноябре 1993 г.), в достижении более динамичной экономики, большей сплоченности стран-участниц, быстрой взаимной интеграции и выравнивания

уровней развития. С нарастанием глобальной конкуренции выявился экономический застой. Кроме того, расширение обострило нерешенные вопросы внутреннего развития ЕС – об административной реформе, общей внешней политике и политике безопасности, о создании европейского монетарного союза.

Вместе с тем ЕС был ориентирован на расширение потребительского рынка ЕС; на приток рабочей силы, причем дешевой, способной повысить конкурентоспособность товаров и услуг в ЕС; на расширение политического, экономического влияния на новые регионы, что должно было способствовать повышению имиджа ЕС на международном уровне и на создание «буферной зоны», увеличивающей безопасность стран внутри ЕС.

Со стороны ЕС также были задействованы механизмы, способствующие интеграции стран-кандидатов. Один из них – ежегодные отчеты ЕК, которые готовились с 1998 по 2002 г. в которых давался подробный отчет о состоянии экономического и политического положения Латвии⁶. Также с 1999 г. шла работа и по юридическому направлению для согласования латвийского законодательства с законодательством ЕС. В результате ЕК утвердила программу «Партнерство по присоединению», которая предусматривала объединение всех существовавших до сих пор поддерживаемых программ ЕС. Новая версия этой программы была утверждена в ноябре 2001 г.⁷

В 2002 г. Сейм Латвии утвердил новую концепцию национальной безопасности, в которой подчеркивалось, что «безопасность Латвии достигается путем обеспечения стабильной

⁴ The Europe Agreement establishing an association between the European Communities and their Member States, of the one part, and the Latvian Republic, on the other hand, 1995 - http://www.mfa.gov.lv/data/file/l/01_Eiropas_Ligums_txt.pdf

⁵ The Maastricht Treaty, 7 February 1992 - <http://www.eurotreaties.com/maastrichtec.pdf>

⁶ Overview of key documents related to enlargement – the reports of the European Commission // http://ec.europa.eu/enlargement/archives/enlargement_process/past_enlargements/eu10/latvia_en.htm

⁷ Accession Partnership 13/11/2001 и 1999 - <http://old.mfa.gov.lv/en/eu/history/4394/4405/>

внутриполитической, социальной и экономической ситуации, включения страны в европейские и трансатлантические политические, экономические структуры, структуры безопасности и обороны»⁸.

13 декабря 2002 г. в Копенгагене Латвия с девятью другими странами-кандидатами завершили переговоры о принятии в ЕС. В апреле 2003 г. в Афинах на заседании Совета ЕС Латвия вместе с остальными странами-кандидатами подписала договор о присоединении к Европейскому Союзу⁹. Договор следовало утвердить всенародным голосованием Латвии, однако социологические опросы свидетельствовали, что возросло число евроскептиков. На референдуме 20 сентября 2003 г. 66,97% принявших участие в голосовании высказались за вступление в Евросоюз. 32,26% проголосовали против¹⁰.

Тем не менее, 30 октября 2003 г. Сейм Латвии ратифицировал договор о присоединении Латвии к ЕС. 1 мая 2004 г. Латвия официально вступила в ЕС.

Брюссель отчетливо осознавал, что адаптация прибалтийских стран к «европейским стандартам», привитие «демократических ценностей» будет и сложным, и масштабным. Краеугольным камнем оставался вопрос неграждан: этот вопрос осложнял отношения между Латвией и Россией и становился теперь внутренней проблемой ЕС. Однако геополитическая важность Латвии как буферной зоны между Россией и ЕС и необходимость иметь на неё влияние перевесили все политические и экономические риски – потому Брюссель и смирился с существующим в Латвии

«дефицитом демократии»¹¹. Этот «дефицит» связан с неравенством прав категорий населения Латвии, граждан и неграждан: отсутствием у неграждан права голосовать и как-либо влиять на политическую жизнь Латвии.

Граждане Латвии с 1 мая 2004 г. автоматически стали гражданами Европейского Союза благодаря 17-й статье Амстердамского договора. А неграждане Латвии не могли рассчитывать на автоматическое предоставление статуса постоянного жителя ЕС благодаря директиве №2003/109/ЕС¹², которая была принята 25 ноября 2003 г., и страны ЕС, в том числе Латвия, должны были ввести ее в национальное законодательство до 23 января 2006 г., что и было сделано. Фактически, в Европе было введено понятие «постоянный житель ЕС». 22 июня 2006 г. был принят закон «Статус постоянного жителя Евросоюза в Латвийской Республике», который внедряет новый статус – постоянного жителя ЕС в Латвийской Республике¹³.

Ещё раньше, 29 марта 2004 г. в Вашингтоне главы правительств стран-кандидатов, в том числе и Латвии, вручили свои документы о вступлении в НАТО, а 2 февраля флаги этих стран уже были подняты у штаб-квартиры НАТО в Брюсселе.

После приема Латвии в ЕС и НАТО в 2004 г. Министерство иностранных дел Латвии приступило к разработке новой концепции внешней политики: так как цели, выдвинутые предыдущей концепцией, были достигнуты, появилась необходимость заново сформулировать приоритеты внешней политики и политики безопасности, отвечающие как ситуации в

⁸ The concept of national security of Latvia, 2002 – http://www.mod.gov.lv/~media/AM/Par_aizsardzibas_nozari/Plani,%20konceptijas/2002_nd.ashx;

⁹ EU Accession Treaty – <http://www.mfa.gov.lv/arpolitika/eiropas-savieniba-arpolitika/arhivs/integracija-es/iestanas-es-sarunas/pievienosanas-es-ligums>

¹⁰ The results of people's Latvian European Union membership referendum – <http://www.cvk.lv/cgi-bin/wdbcgiw/base/sae8dev.aktiv03er.vis>

¹¹ The Republic of Latvia Saeima elections 5 october 2002 OSCE/ODIHR final report – <http://www.osce.org/odihr/elections/latvia/16249?download=true>

¹² Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX:32003L0109>

¹³ The Ministry of Internal Affairs of Latvia, Citizenship and Migration Board <http://www.pmlp.gov.lv/ru/home-ru/uslugi/status-postoyannogo-zhitelya-es.html>

мире, так и целям деятельности ЕС и НАТО на тот период. В 2005 г. была утверждена новая «Концепция национальной безопасности Латвии»¹⁴, в которой излагаются принципы предотвращения потенциальных угроз национальной безопасности.

Открытие границ с европейскими странами было одной из причин популярности идеи вступления в ЕС среди широких масс, кроме того Латвия усматривала в нем возможность привлечения туристов и специалистов из других стран. Ожидалось, что Латвия станет «туристической Меккой». Однако всё произошло наоборот: вместо притока населения Латвия получила массовый отток: выезд жителей на заработки за границу, который после кризиса 2008 г. принял массовые масштабы. Население массово мигрирует в более развитые страны ЕС: Соединенное Королевство, Ирландию, Нидерланды, – где есть возможность работать. Государство предприняло попытки по возвращению эмигрантов: была разработана программа по возвращению покинувших родину, – однако, она не принесла пользы и не оправдалась, поэтому ее было решено свернуть. За период с 2000 по 2013 годы Латвию покинули около 259 тысяч жителей¹⁵.

В 2011 г. статистическая служба Евростат (Eurostat) в число девяти беднейших стран ЕС внесла Латвию¹⁶. Децильный коэффициент в Латвийской Республике – более 12%, а это, учитывая мировую практику, грозит социальными беспорядками; более 80% ВВП формируется за счёт предоставляемых страной услуг; число занятых в латвийской науке сократилось с 31 тыс. до 4 тыс. человек, все конкурентоспособные НИИ

ликвидированы, научный потенциал страны утрачен. [Симонян, 2009. С. 91]

Особенно пострадала медицина: по словам экс-министра здравоохранения Иварса Эглитиса, «Бесплатная медицина в Латвии – это миф»¹⁷. Он также заметил, что правительство предпочитает расходам на медицину военные, что стало особенно явным в связи с ситуацией в Крыму и заявлениями Латвии об угрозе её независимости.

Кроме того, происходит постоянное сокращение финансирования сферы здравоохранения. Уже в 2008 г. экс-министр здравоохранения И. Цирcene признала, что за пять лет закрыли половину больниц¹⁸. Зарплаты медикам сократили на 20 %, а министерством здравоохранения разработано три различных плана сокращения расходов, предусматривающих уменьшение финансирования сферы до 20-40 %. Пытаясь самостоятельно бороться с ситуацией, латвийские медики проводят забастовки и митинги.

Цены на основные медицинские услуги в Латвии выросли, особенно после вступления в еврозону, также выросла стоимость лекарств. В программе сокращения расходов Минздрав предлагает закрыть крупнейшие 1-ю и 2-ю Рижские городские больницы, а также резко сократить компенсацию лекарств пациентам¹⁹. Многие латвийские больницы и клиники уже отказались от проведения бюджетных плановых операций, медики говорят о возможности оказания неотложной помощи лишь половине обратившихся. Так, 1-я Рижская больница с августа 2009 года уволила 570 (или две

¹⁴ The concept of national security of Latvia, 2005 // http://www.mod.gov.lv/~media/AM/Par_aizsardzibas_nozari/Plani,%20konceptijas/2005_nd.ashx;

¹⁵ The Central Statistical Bureau of Latvia <http://www.csb.gov.lv/>

¹⁶ Eurostat data // http://ec.europa.eu/eurostat/product?code=gov_dd_edp_t1&language=en

¹⁷ «Ex-minister: free medicine in Latvia - is a myth" // <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/eks-ministr-besplatnaya-medicina-v-latvii-eto-mif.d?id=44592814>

¹⁸ Half of hospitals have been closed for five years in Latvia // <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/za-pyat-let-v-latvii-zakryli-polovinu-bolnic.d?id=43538463>

¹⁹ Pavel Vlasov: "Genocide in Latvian way?" // http://www.pctvl.lv/index.php?lang=ru&mode=rakurs&page_id=9216

трети) работников²⁰. Также эта больница полностью прекратила приём неотложных пациентов.

На сегодняшний день свыше 700 государственных предприятий оказались в частных руках, а 38 (в числе которых такие известные предприятия как «ВЭФ», «Альфа», «Коммутатор», «Радиотехника») ликвидированы.

Крупнейший производитель электрочек «RVR» сегодня занимается лишь их ремонтом. Численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 21,5% [22]. После вступления в ЕС зарплата у населения выросла в 2 раза, а цены – в 10. Кроме прочего, результатом интеграции в Европу Латвии стало полное разрушение национальной промышленности, которые в свое время были конкурентоспособны по отношению к западноевропейским. Так, в 2009 г. по требованию Евросоюза были закрыты три сахарных завода (старейший из них – в г. Елгава).

Это подтверждает мнение многих экспертов о том, что Латвия была нужна ЕС в качестве рынка сбыта своих товаров. Тот экономический прорыв, который отмечался в Латвии и вообще в Прибалтике в 2004 г. после вступления в ЕС, объясняется в основном сделками с недвижимостью, стремительным ростом потребления, а главное – неограниченными кредитными вливаниями многих зарубежных – большей частью скандинавских – банков. Впрочем, даже приток зарубежных инвестиций не стал для Латвии спасением, ведь большая часть средств ушла в потребительский сектор экономики. Произошло так называемое «проедание» инвестиций, что привело к ситуации, когда пришедшие в страну 6 млрд. лат были потрачены на покрытие дефицита торгового баланса, составившего 6,824 млрд. лат. На 2015 г. государственный долг Латвии – 38,1% ВВП²¹, 9,6 млрд. евро²².

1 января 2014 г. Латвия вступила в зону евро. Правительство Латвии, последовательно выполняя Программу конвергенции, фактически проигнорировало общественные настроения. Решение о присоединении Латвии к зоне евро было принято без учета мнения населения. Несмотря на обещания властей строго следить за соблюдением продавцами норм торговли, цены всё же выросли. Так, продуктовая корзина среднестатистической семьи из четырёх человек подорожала примерно на 13 евро.

По сути, вопрос перехода на евро заключался не просто в отказе от национальной валюты в пользу общеевропейской – большое значение имело закрепление «европейской» идентичности. К тому же вступление еще одного участника в слабеющую еврозону добавило ей доверия.

Вообще нужно сказать, что в последние годы ЕС последовательно содействовал Латвии в максимальной интеграции в политические и экономические проекты Европы. Самые яркие примеры – предоставление Риге статуса культурной столицы Европы-2014 и председательство Латвии в Евросоюзе в 2015 г. Причем Брюссель готов закрыть глаза и на политику латвийского руководства в отношении русскоязычного меньшинства, и на разрешенные властями акции по героизации нацизма.

В 2004 г. президент Вайра Вике-Фрейберга во вступлении к учебнику «История Латвии XX век» написала, что «Сотрудничество с государствами-членами ЕС является предпосылкой в жизнь национальных и обеспечения её экономического расцвета и резкого повышения благосостояния населения» [История Латвии, 2005]. Но приходится признать, что те ожидания, которые Латвия возлагала на вступление в ЕС, не оправдались: экономического рывка

²⁰ The 1st City Hospital will dismiss 570 employees // <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/1-aya-gorbolnica-uvolit-570-rabotnikov.d?id=25985945>

²¹ The 9 poorest countries catching up on income per capita - Issue number 16/2011 //

<http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistics-in-focus/-/KS-SF-11-016>

²² Debt and Macroeconomic Indicators Latvia // <http://www.debt.lv/ru.html>

Латвия не совершила, её товары не выдержали конкуренции с европейскими, а открытие границ обернулось оттоком населения (в основном, молодёжи, а также специалистов, особенно узких профилей). Вступление в ЕС повлекло утрату экономической самостоятельности, но не послужило источником реформ, необходимых практически во всех сферах.

ЕС же вступлением в Латвию добился в первую очередь идеологической цели: «Идея цивилизационного единства двух частей европейского континента», которая направлена на создание Большой Европы, при детальном изучении оказывается западной стратегией сплочения через противопоставление России. Вхождение Прибалтики в ЕС позволило Западу вплотную приблизиться к границе с РФ, что имеет не только конфликтный потенциал (вступление в НАТО), привнесенный в регион, но и серьезно повышает угрозу безопасности РФ: экономической, военной, территориальной целостности.

Кроме политических причин ЕС преследовал экономические цели: Латвия стала рынком сбыта, что особенно проявилось в ходе Крымского кризиса, когда все запрещенные Россией в ходе ответных санкций товары были перенаправлены на рынки Прибалтики, едва не вызвав развал местных хозяйств, поскольку оказались дешевле.

Впрочем, правительство Латвии, похоже, готово не считаться с экономическими потерями, поскольку основной целью вступления Латвии в ЕС всё же являлась политика: важно было показать, что Латвия выбирает западный путь развития и стремится максимально интегрироваться в западные институты.

Сегодня можно сказать, что Латвия преуспела в этом, интегрировавшись в различные европейские структуры: политические и экономические, а также структуры региональной безопасности. И если политические цели были достигнуты: Европа приняла Латвию в свои ряды, Латвия вошла в систему европейской безопасности, – то экономические ожидания пока не оправдались: Латвия в списке девяти беднейших стран Европы.

Основными внешнеполитическими задачами за два десятилетия независимости стало укрепление суверенитета и сохранения за собой позиций полноправного европейского государства-члена ЕС. Это удалось, и дальнейший курс латвийского правительства неизменен – оставаться в рядах членов ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? 1988 - 2013. – Рига. 2013 – с. 218.
2. История Латвии: XX век. — Рига: Jumava, 2005. — 438 с.
3. Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии / Р.Х. Симонян. – 2-е изд., доп. – М.: Институт социологии РАН, 2005. – 91 с.

Об авторе: Пospelова Екатерина Андреевна – магистра в области международных отношений (e-mail: icescorpio@rambler.ru).

EUROPEAN VECTOR OF LATVIAN FOREIGN POLICY

E.A. Pospelova

Abstract. The article is devoted to the European vector of Latvian foreign policy. After 1991, when Latvia had declared independence, the government has stated the orientation on the West countries policy as a major goal. In 10 years the country has been integrated into European institutions, has opened its market to European goods, now actively participates in European foreign policy and in 2015 became the EU Presidency. But today, after 10 years of being a member state of the EU, it is clear that although Latvia has fulfilled the main objectives set after the declaration of independence: it has joined the EU countries and the euro area and has integrated in the European security system, – but the consequences were far from any optimistic forecasts. The author explores the changes in Latvia for the ten-year period, which led to mass emigration and economic crisis.

The author analyzes the main motives of both Latvia and the EU for Latvia's accession to the European Union, and also shows the process of coming from candidate country to

Member State. In addition, the author analyzes the geopolitical importance of Latvia to the EU, which outweighed the economic risks for one or the other side.

The author notes that Latvia's accession to the EU has only deepened the existing problems in Latvia, which is why it is among the poorest countries in the EU. The author's analysis shows exactly what of the government's expectations were not realized: in particular, state of the medicine has deteriorated, and there was a mass exodus of residents abroad – and why it happened.

Key words: Latvia, Russia, EU, Baltic States, NATO, EU accession.

REFERENCES

1. Gushchin V. The post-Soviet Latvia – the betrayed country. Why the NFL did not lead to democracy? 1988-2013 – Riga. 2013 – p. 218;
2. History of Latvia: XX century. – Riga: Jumava, 2005. – C.14
3. Simonian A.D. Russia and the Baltic countries / A.D. Simonyan. – 2nd ed., Ext. – M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2005. – 91 p.

About the author: Pospelova Ekaterina Andreevna – Master in International Relations (e-mail: icescorpiorambler.ru).